

К 84(2Рос=Р46)
Q24

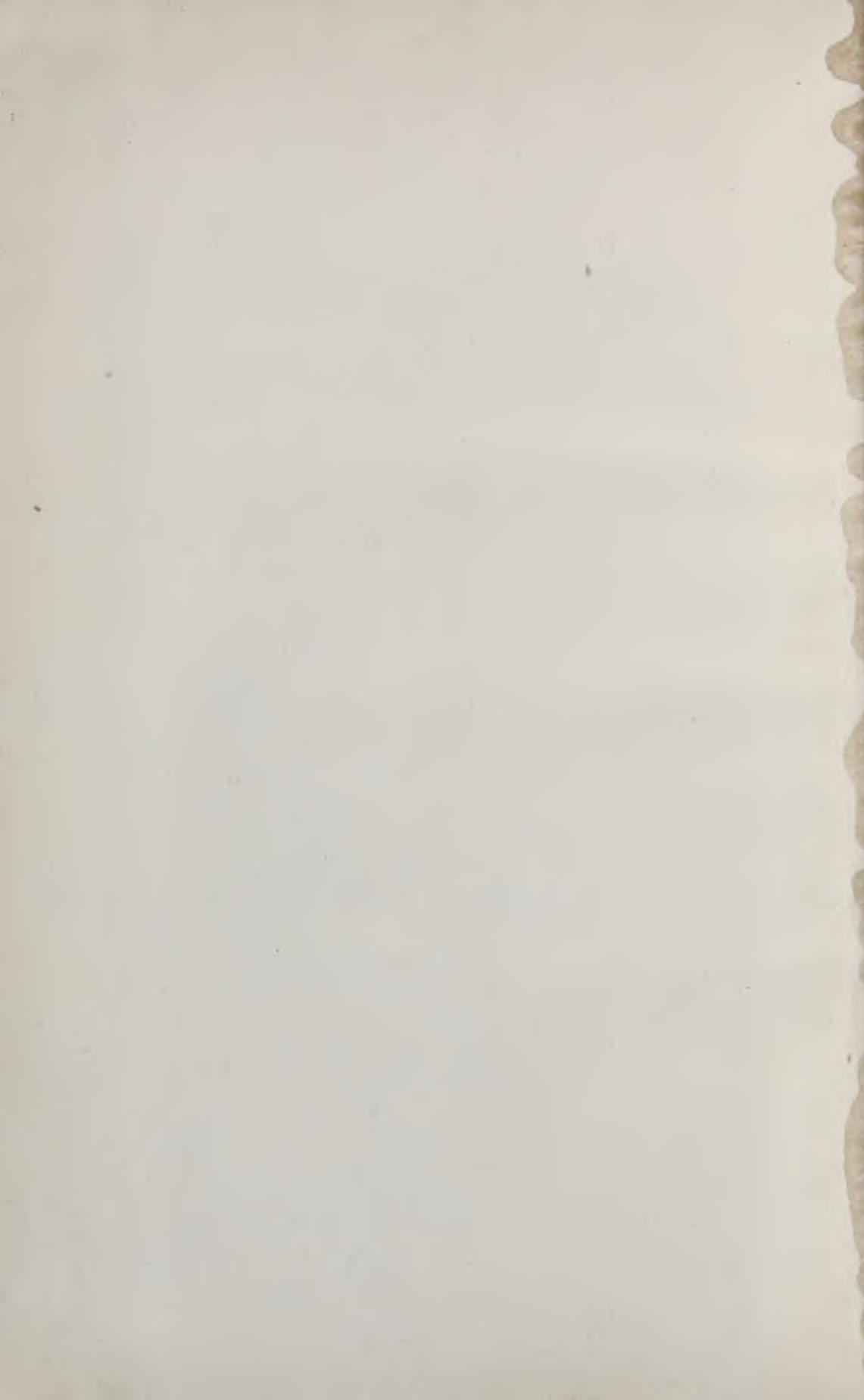
ВЛАДИМИР ДВОЕГЛАЗОВ

ОТДЕЛЬНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

ВЛАДИМИР ДВОЕГЛАЗОВ

ОТДЕЛЬНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

повесть

Новосибирск
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

- 43686 -

Ханты-Мансийская
окружная библиотека

84 (2Рос = Рус) 6-4

К Д 24

МД

Лейтенант Цветков и его помощница Ледзинская вступают в неравную борьбу с браконьерами в глухой тайге, за многие километры от селений. Об этом рассказывает в остросюжетной повести, посвященной работе советской милиции, молодой писатель В. Двоеглазов.

Рецензент — В. Сапожников

Д 70302-030 — 28—82,4702010200.
М 143(03)—82

© Западно-Сибирское
книжное издательство, 1982 г.

Иван Александрович
об авторе
Б. Д. С.

Не так уж часто мы встречаем в детективных произведениях людей живых, запоминающихся; тем приятнее увидеть живых и запоминающихся героев (тех же Цветкова и Ледзинскую) в повести молодого тюменского писателя Владимира Двоеглазова. Имя это для читателей новое, книга эта для писателя первая; тем не менее творчество Владимира Двоеглазова уже по достоинству оценено — повесть «Отдельное поручение» публиковалась в журнале «Советская милиция» и заслуженно получила премию Всесоюзного конкурса Союза писателей СССР и Министерства внутренних дел за 1975 год.

Цветков, главный герой повести Владимира Двоеглазова, — действительно человек настоящий; где-то, глубоко по-человечески, он не уверен в себе, где-то, так же по-человечески, он правдиво и истинно героичен. И сама повесть оттого воспринимается уже не как просто детективная, но (и это главное) как серьезное социальное исследование, каковым и должно быть произведение художественное.

Они стояли все трое с ружьями наперевес и смотрели на человека в милицейской форме; расстояние между ними и лейтенантом Цветковым было не более тридцати — тридцати пяти метров: самая оптимальная дистанция, на которой убойная сила ружья считается наилучшей.

— Слушаю вас — дежурный милиции капитан Аверин.

«Здравствуйте. Врач Банникова из психоневрологического отделения».

— Добрый день.

«Скажите, пожалуйста, какой сейчас номер у Юлия Владимировича? Я к нему в третий раз звоню — и все в ОРС попадаю... Сменили, что ли?»

— Да, у нас тут АТС... Как ее организовали, все время что-то перестанавливает. С коммутаторами как-то проще было. Двенадцать тридцать четыре.

«Двенадцать тридцать четыре?»

— Совершенно верно. Легко запомнить: раз, два, три, четыре...

«Спасибо, а то мне срочно нужно, я по поводу Цветкова и все никак...»

— По поводу Цветкова? Что ж вы сразу не сказали? Я вас прямо сейчас соединю, через пульт, не кладите трубочку. Срочно есть срочно, а к начальнику так просто не дозвонишься...

«Слушаю».

— Товарищ майор, врач Банникова звонит по поводу лейтенанта Цветкова, говорит: срочно. Соединить?

«Да, конечно, соедини, Иван Иванович!»

— Говорите, товарищ Банникова, майор Пахоменко слушает.

«Спасибо... Алло!»

«Пахоменко слушает. Здравствуйте, Людмила Клавдиевна! Сам уже собирался вас разыскивать. Вчера вечером из области прилетел, прямо из порта поехал в больницу. Сказали: спит, и ваше личное распоряже-

ние — ни в коем случае не будить... Как он себя чувствует? Сегодня-то смогу его увидеть?»

«Тут вот что произошло, Юлий Владимирович. Вчера к нему следователь из прокуратуры приходил, первый раз допустила, минут десять буквально они поговорили, и тут Цветков очень разволновался. Пришлось следователя попросить из палаты. И вообще — приказала больше никого к нему не впускать. А сегодня прихожу — он что-то быстро спрятал от меня под подушку. Навела сама следствие: оказывается, он ночью раздобыл у сестры бумагу и ручку и что-то писал до рассвета. Я сестру отругала и ручку отобрала, а бумаги он не отдаст. Потребовал еще клей, склеил все это в большущий пакет, а теперь требует, чтобы прислали работника милиции. Пакет для вас. Нам не отдает ни под каким видом. Волнуется, не ест ничего... Не могли бы вы сейчас кого-нибудь прислать? А то он, боюсь, спать не будет, станет пакет караулить. Он и так не спал эту ночь...»

«Так я сам сейчас и подъеду!»

«Нет, вам самому не надо, Юлий Владимирович. А то он вам начнет докладывать и опять разволнуется. Он эту свою писанину не закончил, как я поняла. Начнет докладывать, а ему нужно отдохнуть, полное спокойствие. Это для него сейчас самое главное».

«Ну, а вообще — как он себя чувствует?»

«Возбужден очень. Сильнейший эмоциональный стресс. Но мне кажется, успокоится, как пакет передаст».

«Хорошо, Людмила Клавдиевна, сейчас подошлю кого-нибудь. Вообще-то, конечно, мне бы самому хотелось подъехать...»

«Нет, вам не нужно. Кроме того, я хочу проверить, узнает ли он кого-либо, кроме вас. Вас-то он наверняка узнает, раз пакет для вас приготовил...»

«Вот даже как серьезно?»

«Да. Ведь тех пилотов он тогда на буровой не узнал. Врачу санавиации, который туда летал, по крайней мере так показалось».

«Но... если не узнает сотрудника милиции, так, может, и пакет не отдаст?»

«Но ведь они у вас в форме ходят?»

«Вообще-то да...»

«Значит, я жду вашего товарища. До свидания. Как только вам можно будет приехать, я вас извещу...»

«Спасибо, до свидания... Иван Иванович!»

— Слушаю, товарищ майор!

«Пошли сейчас кого-нибудь в психиатрию, к Банниковой, там Цветков передаст мне пакет...»

— Послать-то некого, товарищ майор, обе машины на вызовах, семейные скандалисты...

«Когда я вас отучу отвечать: нет машин! Остановить попутную и доехать! Кто там сейчас есть рядом?»

— Лейтенант Панкин.

«Что он там делает?»

— Стоит.

«Вот пусть не стоит, а выходит на дорогу, останавливает машину и едет в больницу».

— Он... он не в форме, товарищ майор, никто не остановится...

«Не в форме? А в чем же он находится на службе?»

— Он в этом... в джемпере...

«Вот я только что с Банниковой разговаривал, и она мне намекнула насчет формы. Она член бюро горкома, а мне на бюро уже делали замечание, что у нас в городе милиции не видно... Видимо, хватит уже говорить на эту тему, будем принимать другие меры...»

— Товарищ майор, Лаженкова сейчас пошлю, мотоцикл его тут во дворе стоит...

«А Лаженков должен не во дворе тут стоять, а по городу патрулировать! На то он и называется: дорнадзор. Так мы никогда с дорожно-транспортными происшествиями не распрашиваемся. Иван Иванович, это ведь твоя святая обязанность за всем этим следить, ты ведь у нас дежурным помощником начальника числишься по штатному расписанию... Пошли Лаженкова, а лейтенанта Панкина — в джемпере — ко мне. Все».

— Фу-ух... Перед самой пенсией такая нервотрепка. Надо проситься куда полегче, в вытрезвитель, что ли... Пущай тут молодые покрутятся... Лаженков!

— Я здесь, товарищ капитан!

— Ты, Лаженков, сколько можно говорить одно и то же, не во дворе должен тут находиться, а по городу патрулировать! На то ты и называешься: дорнадзор! Так мы никогда с дорожно-транспортными происшествиями не распрашиваемся!

— Я только что приехал, товарищ капитан! Да сейчас всех дорог-то в городе — пятнадцать километров. Только где бетонка. А там нигде не проехать. Болото.

— Болото! Объяснений у тебя всегда три короба. Езжай сейчас в городскую больницу, найдешь там врача Банникову и доставишь от нее пакет. Причем одна нога здесь — другая там, нигде не задерживаться. Пакет особой важности. Задача ясна?

— Так точно. Разрешите выполнять?

— Погоди. Ты там, Коля, разузнай, как и что... Может, ему нужно чего... А то я давеча ездил, так не пустили... В общем, ты разведай, понял?

— Понял, Иван Иванович.

— Тогда все. Выполняйте, сержант Лаженков.

— Есть.

— Панкин!

— Чего?

— К начальнику. Вызывал.

— Меня? К шефу? Серьезно, что ли?

— Так неужто буду шутки шутить!

— Как же я пойду? Я же без формы!

— Ты ему без формы-то и нужен. Для оперативной работы... Слушаю — дежурный милиции Аверин!.. Что?.. Пьяные у ресторана дерутся?.. Вот незадача, у меня как раз ни одной машины... Там дружинников-то рядом не видать?.. Да, верно, рано еще... А зачем же вы с утра людей спаиваете? Как ваша фамилия?.. Не из ресторана? Проходящая просто... Хорошо, спасибо за сообщение, сейчас подскочим... Але, кто?.. Почему так долго не отвечаешь, старшина? Звонок-то ведь с пульта идет, не по общему; а на пульте сидит дежурный помощник начальника по штатному расписанию!.. Пьяного раздеваете... Машина у тебя на ходу, старшина?.. Что значит «как сказать»? На ходу или нет?.. Вот на ней поезжайте к ресторану, там драка... Нет, у меня машины на вызовах, а не потому, что нам самим не хочется!.. Да не могу я их по рации вызвать! Одна машина в Южной части, оттуда из-за горы рация не достает, а на автозаке — сломалась. Давайте без пререканий! Вечером ПМГ выйдут, не буду вашу вытрезвительскую дергать...

— Простите, к вам можно обратиться?

— Слушаю вас, гражданка.

— К следователю Самолову как пройти?

— Это не следователь, а инспектор ОУР.

— Кто?

— Инспектор уголовного розыска. Направо по коридору, пятнадцатый кабинет... Але, кто?.. Пал Филимонич,

глянь там, пожалуйста, по картотеке... сейчас скажу... чисто воровская такая фамилия... ага, вот... Скла-довщи-ков... Нет, не «коля» первая буква, а «семен»... Да, глянь и в общей, но вообще-то посмотри в семейных скандалистах... Нет?.. Ага... ну, спасибо... Гражданин, вы далеко пошли?

— Я? Я к начальнику милиции.

— Надо вначале к дежурному обратиться! Начальник занят. Вы по какому вопросу?

— Меня обокрали!

— Тогда вам вообще к начальнику не нужно. Я при-му у вас заявление, и будем работать. Что у вас украли?

— У меня украли пододеяльник!

— Пододеяльник?

— Да. С веревки. В прошлый раз собаки утащили, теперь веревку прибил повыше, так украли. У соседки тоже... одну вещь. Но она заявление подавать стесняется...

— В прошлый раз, говорите, собаки утащили?

— Ваша ирония, товарищ дежурный, совершенно неуместна! По городу воры ходят, белье с веревок воруют, а вы иронизируете! Я прошу, чтобы меня пропустили к начальнику милиции!

— Я же вам разъясняю, гражданин, что к начальнику вам совсем не... Минутку. Слушаю — дежурный Аверин. «Это опять я. Банникова».

— К вам уже выехали, товарищ Банникова. Сержант Лаженков на мотоцикле. Он уж и обратно должен скоро вернуться. Видимо, где-то автодорожное происшествие, так он задерж...

«Передайте Пахоменко, что только что скончался... Цветков».

— Как?! Валька?!

— Товарищ дежурный, разговаривать с какими-то Вальками по служебному телефону вы находите время, а выслушать потерпевшего...

«Да. Инфаркт миокарда. Спасти не могли».

— Как же это...

«Пакет сам передал. Сказал что-то. И-и... только ваш товарищ уехал с пакетом...»

— Товарищ дежурный, я, наконец, требую, чтобы меня допустили к начальнику милиции! Иначе я буду искать правду повыше!..

— Товарищ капитан! Пакет по вашему приказанию доставлен! Лейтенант Цветков чувствует себя удовлетворительно. Докладывает сержант Лаженков.

2

«Прокуратура».

«Товарищ Хомяков?»

«Да».

«С вами говорят из приемной первого секретаря горкома партии. Будете разговаривать с товарищем Никитиным...»

«Здравствуйте, Сергей... Дмитриевич?»

«Да, я слушаю. Здравствуйте, Владимир Петрович».

«У меня к вам вот какой вопрос. Вы занимаетесь случаем возле Егана?»

«Да».

«Нельзя ли узнать, хотя бы в самых общих чертах, как это все-таки могло произойти?»

«Пока и в самых общих затрудняюсь, Владимир Петрович. Случай очень сложный...»

«Случай не просто сложный, а из ряда вон выходящий! Поэтому к выяснению причин, приведших к трагедии, отнеситесь со всей ответственностью. Далее. Поскольку дело, по всей вероятности, затронет ведущие организации города и их руководителей, то, если возникнут трудности, обращайтесь прямо ко мне. И последнее. Постоянно держите меня в курсе расследования».

«Хорошо».

«Кстати, уголовное дело у вас возбуждено?»

«Пока нет. Решаем вопрос».

«Хорошо. Решайте. Желаю успеха. До свидания».

3

«Начальнику ГРОВД майору милиции
тов. Пахоменко Ю. В.

Р а п о р т

Докладываю, что 5 октября 197... года я, участковый инспектор ГРОВД младший лейтенант милиции Цветков, а также следователь СО ГРОВД лейтенант милиции Лед-

зинская должны были вылететь в район Итья-Ахского сплавного участка по факту хулиганских действий, учиненных на месте гражданами Фоминым М. М. и Пятаковым Ф. И.

Однако, ввиду того, что пять дней подряд была неблагоприятная погода, вылет состоялся лишь 10 октября в 14 часов 15 минут по местному времени на вертолете Ми-4 за номером 02296 (командир тов. Кобенков, второй пилот тов. Истомин, бортмеханик тов. Букреев).

Довожу до Вашего сведения, что, хотя порт открылся в 8.00, вертолет мы получили лишь к обеду, и данное обстоятельство, на мой взгляд, сыграло существенную роль в трагическом исходе командировки. В то же время тов. Береженцев — представитель сплавной конторы, на одном из участков которой были совершены хулиганские действия, — никаких мер к получению вертолета не предпринял и вскоре вообще уехал из аэропорта, передав бланк заявки л-нту Ледзинской и пояснив, что в случае, если вопрос относительно вертолета решится положительно, он немедленно выедет в порт на служебной машине. Принимая во внимание, что от города до аэропорта 18 км и что проходимость дороги после прошедших дождей крайне низкая, ни о каком немедленном подъезде к вертолету (даже при использовании автомобиля «УАЗ-469») не может быть и речи. Считаю, что тов. Береженцев уклонился от поездки на сплавучасток. По всему поведению тов. Береженцева было видно, что он вообще не заинтересован в получении вертолета и — шире — мало заинтересован в наведении порядка в подведомственной конторе организации. Так, в беседе со мной в присутствии администрации аэропорта тов. Береженцев заявил, что поражен нашей

лист 2

(продолжение рапорта л-нта Цветкова)

спешкой по такому ничтожному поводу, как факт хулиганских действий. Подобное заявление, разумеется, не могло не оказать соответствующего влияния на администрацию в отношении выделения вертолета, из чего видно, что представитель сплавной конторы не только не оказал нам никакой практической помощи, но, напротив, самолично чинил всяческие препятствия. Поражает поэтому то обстоятельство, что заявление в ГРОВД

с просьбой разобраться в происшествии на сплавучастке подписано именно тов. Береженцевым.

Далее докладываю, что до дер. Ёган полет проходил в нормальных условиях, за исключением того, что л-нту Ледзинской стало плохо; недомогание усиливалось, по видимому, за счет того, что в грузовом отсеке вертолета находилась дополнительная емкость (бочка) с горючим, от которой исходил резкий запах авиабензина.

Дополнительно поясняю, что в дер. Ёган вертолет произвел посадку, где произвел дозаправку баков, после чего мы незамедлительно вылетели в район бассейна р. Итья-Ах на розыск сплавучастка.

Довожу до Вашего сведения, товарищ майор, что указанного сплавучастка на полетной карте не значилось, ввиду его недавнего появления, поэтому, прибыв в квадрат без представителя сплавной конторы, мы не обнаружили поначалу не только поселка лесосплавщиков, но даже и самих следов лесозаготовок. Ввиду этого командир экипажа тов. Кобенков попросил меня подняться в пилотскую кабину для решения ряда вопросов, связанных с розыском. К тому времени л-нту Ледзинской стало совсем плохо. Учитывая это обстоятель-

лист 3

(продолжение рапорта л-нта Цветкова)

ство, я передал бортмеханику тов. Букрееву клочок ваты, смоченной раствором нашатырного спирта, имевшегося в бортовой аптечке, велел ему протирать лоб и виски л-нту Ледзинской, а сам поднялся по трапу в люк пилотской кабины, где сел на место бортмеханика за спиной второго пилота.

Последний осуществлял в данный момент пилотирование. Командир же со словами: «Ну, где твой чертов сплавучасток?» передал мне планшет с полетной картой, указав предварительно точку, где мы в то время находились. Точка эта, значившаяся на полетной карте как изба Алексея Хорова, была мне хорошо известна, так как Хоров являлся охотником госпромхоза, и во время моей работы охотоведом мне приходилось его навещать. В настоящее время А. И. Хоров на пенсии и проживает в дер. Ёган, а избу занимает его сын Иван Хоров, также охотник госпромхоза. Севернее на карте

стояла отметка — юрты Лозямова Николая, также мне хорошо известные.

Выждав время, в течение которого я ознакомился с картой, тов. Кобенков внес следующее предложение по розыску сплава участка: вернуться к р. Ёган-Ах, куда впадает р. Итья-Ах, с тем чтобы, следуя затем вдоль русла последней, попытаться установить поселок.

Я не согласился с данным предложением. Дело в том, что р. Итья-Ах имеет в своем течении многочисленные повороты и петли, и следовать вдоль нее, согласуясь с руслом, было бы очень затруднительно; ко всему — река имеет множество ответвлений в виде стариц и проток, которые не всегда возможно отличить от основного русла и обследование которых по предложенному тов. Кобенковым плану отняло бы массу времени, а быть может, потребовало бы даже возвращения в дер. Ёган для дозаправки.

Между тем еще в порту, в беседе с представителем сплавной конторы тов. Береженцевым, мной было выяснено, что последний неоднократно выезжал на шлюпке типа «Обь-М» с мотором «Вихрь-М» от дер. Ёган до поселка Итья-Ахского сплава участка (с целью поохотить-

лист 4

(продолжение рапорта л-нта Цветкова)

ся), затрачивая на это около 20 часов чистого времени (т. е. без учета времени, отведенного на ночлег, на охлаждение мотора и др. остановки в пути). Произведя в уме приблизительный подсчет, я пришел к выводу, что искомый сплавучасток должен находиться выше избы Хорова, но несколько ниже юрт Лозямова, и, учитывая вышеизложенное, предложил командиру, не возвращаясь к устью р. Итья-Ах, более детально обследовать квадрат в указанных мной пределах, подчеркнув при этом, что искать первоначально следует не поселок, который может находиться на залесенном берегу и быть нами не замечен вследствие этого, а именно вообще лесозаготовительный участок, т. е. массовые вырубki и трассы вывоза леса, и по ним уже искать поселок. К моему мнению присоединился и второй пилот тов. Истомин.

Командир, однако, в резкой форме выразил недоверие к предложенному мной контрплану и, не сообщая

мне и членам экипажа о принятом самостоятельно решении, снизился до высоты менее 100 метров и пошел вдоль русла р. Итья-Ах в сторону юрт Лозямова. В течение 15—20 мин. он кружил над небольшим участком реки, бросая машину из стороны в сторону, то и дело утыкаясь в тупики стариц и выходя на второстепенные протоки. Я вновь разъяснил командиру, что поселок может находиться не на самом берегу, а на некотором удалении от реки, ввиду чего мы рискуем, пройдя мимо него по руслу, не обнаружить строений, тем более, если от воды их будет отделять высокий лес, характерный для данного региона. Лишь убедившись в своей неправоте, командир решил последовать моему совету.

Далее докладываю, что расчет оказался верным: пересекая квадрат в различных направлениях, мы вскоре обнаружили трассу вывоза леса. Командир повел машину вдоль трассы, однако последняя через несколько минут уперлась в стену кедровой рощи: тут, очевидно, было дальнее плечо лесоповала. Тов. Кобенков развернул машину и последовал вдоль этой же трассы, но в противоположном направлении. Уточняю, что трасса с воздуха просматривалась хорошо на всем своем протяжении, так как имела характерное песчаное, либо глино-песчаное покрытие. Командир повел машину вдоль одной из ветвей раздвоившейся трассы, однако и последняя также раздвоилась, а еще через несколько минут мы опять уперлись в стену рощи.

лист 5

(продолжение рапорта л-нта Цветкова)

Видя бесплодность наших дальнейших поисков, я предложил командиру избрать за ориентир одно из множества располагавшихся внизу озер и от него следовать расширяющимися концентрическими кругами. Тов. Кобенков принял мою точку зрения, и, едва начав четвертый круг, мы, наконец, обнаружили поселок. Далее сообщаю, что вертолетная площадка располагалась в двух километрах от поселка. На песке, покрывавшем площадку, видны были три симметрично расположенные вмятины — следы посадки вертолета Ми-6.

Обстоятельства розыска Итья-Ахского сплаучастка доложены мной столь подробно по той причине, что

старший следователь прокуратуры города тов. Хомяков, отбирая у меня объяснение по поводу трагического случая, выразил, как мне показалось, сомнение в правдивости моего рассказа, а именно: как я мог, будучи уроженцем дер. Кыши, затем охотоведом в течение пяти лет в дер. Ёган, а затем в качестве участкового инспектора обслуживая этот участок,— как я мог в таком случае не обнаружить сплавучастка без поисков и метаний и не указать сразу экипажу вертолета местонахождение поселка. В осторожных выражениях тов. Хомяков пытался выяснить, не сознательно ли я ввел в заблуждение экипаж, заставив его бесцельно кружить в заведомо известном мне районе. Какую цель преследовал при этом тов. Хомяков, мне остается лишь догадываться, однако свою вину я признаю полностью. Она состоит в том, что в отношениях с тов. Береженцевым, с администрацией аэропорта, а затем и с экипажем вертолета я допустил беспринципность и преступную пассивность, что прямо или косвенно привело к трагедии. Если бы вертолет был получен нами утром и тов. Береженцев, как подобает, вылетел с нами, трагедии, я уверен, не произошло бы. Что же касается старшего следователя прокуратуры, то он, как представляется, прав, вменив себе в обязанность отра-

лист 6

(продолжение рапорта л-нта Цветкова)

ботать все версии, которые, по его внутреннему убеждению, так или иначе могли привести к трагедии, однако при этом он обязан также учесть и добросовестно зафиксировать все подробности, представленные ему очевидцами. Но когда я, прочтя написанное с моих слов объяснение, указал, что зафиксированы отнюдь не все подробности, в частности перипетии, связанные с розыском поселка, тов. Хомяков заявил, что последние не играют никакой роли, так как не проясняют существа дела. Такая позиция старшего следователя противоречит УПК и противоречит логике вообще: как же не проясняют, если тов. Хомякова, по его словам, интересуют именно те причины, в результате которых затянулся розыск поселка сплавщиков?

Далее докладываю, что еще до захода на посадку, во время кружения в поисках посадочной площадки

(как я уже докладывал, она располагалась в двух километрах от поселка), меня насторожил тот факт, что в поселке не видно людей. Я обратил на это внимание командира, однако тов. Кобенков заверил, что рабочие днем находятся на делянах в лесу и явятся вечером.

Перед посадкой я спустился в грузовой отсек. Л-нт Ледзинская сидела на откидном сиденье, а перед ней на коленях (ввиду высокого роста) стоял бортмеханик тов. Букреев и протирал ваткой лоб и виски л-нту Ледзинской. Лицо л-нта Ледзинской было безжизненно бледным. Я взял ее кисть проверить пульс, однако в вертолетной тряске и грохоте пульс не прощупывался. После производства посадки мной совместно с тов. Букреевым л-нт Ледзинская была извлечена из вертолета на свежий воздух, где ей сразу значительно полегчало.

Пилоты также вышли из машины, и тут тов. Кобенков неожиданно доложил, что ждать может не более 10 минут, так как в противном случае они не успеют долететь до города засветло; допуска же на ночной по-

лист 7

(продолжение рапорта л-нта Цветкова)

лет тов. Кобенков, с его слов, не имел. Я указал командиру, что вертолет мог бы переночевать в дер. Ёган, где я берусь силами народной дружины организовать ночную охрану машины, но командир пояснил, что утром их машина должна встать на форму, т. е. на профилактический техосмотр с переводом на зимнюю смазку, в связи с чем он перед вылетом сюда якобы получил категорический приказ вернуться сегодня в порт. Иными словами, как пояснил тов. Кобенков, не может быть и речи о том, чтобы ждать, покуда я и л-нт Ледзинская сходим в поселок, а затем вернемся обратно и решим, оставаться ли нам здесь или же лететь обратно.

Вынужден признать, что в данном эпизоде я проявил мягкотелость, недопустимую для офицера милиции. Я был обязан, не взирая на схоластические рассуждения тов. Кобенкова, со всей серьезностью указать, что свое задание — доставить нас на Итья-Ахский сплавучасток — экипаж, в сущности, еще не выполнил, так как не знает даже, куда мы сели, и тот ли это поселок.

Считаю необходимым отметить и следующее, незна-

чительное, на первый взгляд, обстоятельство, подведшее, тем не менее, как мне представляется, окончательную черту под данным эпизодом. Когда л-нт Ледзинская окончательно пришла в себя, она, вникнув поверхностно в суть нашего разговора, немедленно заявила, что вертолетчики, раз им нужно, пусть летят, а мы останемся и будем работать по факту хулиганских действий, после чего свяжемся по рации с городом и закажем машину. И тут, когда я попытался воспрепятствовать данному решению, тов. Кобенков грубо перебил меня и заявил, что л-нт Ледзинская старше меня по званию и потому экипаж подчинится ей, а не мне. После этого пилоты сели в машину и улетели. Следует добавить, что тов. Кобенков прекрасно знал о том, что л-нта Ледзинскую отнюдь не одолевают сомнения, есть ли в поселке люди, и что только поэтому она так распорядилась.

В настоящее время, хотя происшедшие события являются совершившимся фактом и последствия, наступившие в результате их, необратимы, представляется все же необходимым обратить Ваше внимание, товарищ майор, и на следующее обстоятельство: утверждение тов. Кобенкова, что он якобы не имеет допуска к ноч-

лист 8

(окончание рапорта л-нта Цветкова)

ному полету, не соответствует действительности. В ночь с 12 на 13 октября 197... года командир тов. Кобенков на вертолете 02296 прилетал на буровую близ дер. Ёган по санзаданию.

Довожу также до Вашего сведения, что в моем распоряжении имеется еще один факт, пока, к сожалению, не проверенный, но проверить который не составит большого труда, а именно: находясь 7 октября 197... года в ожидании летной погоды в аэропорту, я случайно стал свидетелем приятельской беседы двух авиатехников, один из которых спросил другого, чем тот сегодня занимался, на что последний ответил, что закончил форму девяносто шестому, переведя его на зимнюю смазку. Я не могу объяснить, почему эта фраза врезалась мне в память и почему я не мог вспомнить ее в процессе разговора с командиром тов. Кобенковым на Итья-Ахе, но означает она, несомненно, то, что техос-

мотор вертолета 02296 с переводом на зимнюю смазку был сделан за два дня до нашего вылета на сплавучасток. Таким образом, пилоты по предварительному согласованию, или тов. Кобенков с молчаливого согласия членов экипажа ввел в заблуждение меня и л-нта Ледзинскую. В связи с вышеизложенным прошу Вас, товарищ майор, дать указание проверить данный факт, запросив техническую службу вертолетного участка, и, в случае подтверждения, составить представление в областное управление гражданской авиации на недопустимость подобного отношения летного состава к своим обязанностям.

Далее докладываю:¹

Товарищ майор! Обстоятельства вынуждают меня прервать рапорт, ввиду чего я прошу прислать в горбольницу сотрудника отделения БХСС для принятия у меня важного сообщения по линии этой службы.

Участковый инспектор ГРОВД
младший лейтенант милиции
В. Цветков».

4

«Здравствуй, Коля! Сижу в порту в ожидании летной погоды. Все вокруг хлопочут, возмущаются, бегают к синоптикам, к начальнику порта, ищут знакомых пилотов... Я тоже было кинулась по инстанциям, но Валя Цветков остановил, говорит, бесполезно, пока порт закрыт. Вот дадут погоду — тоже начнем бегать. К тому же он отыскал знакомого геолога, который нас заверил, что у него хорошая знакомая — дежурная по аэровокзалу или что-то в этом роде, так что все изменения в обстановке мы будем знать незамедлительно, достоверно и из первых рук. Ты, наверное, помнишь Цветкова (кышиковский участковый, плечистый такой, рыжеватый парень), мы с ним летим на сплавучасток. Он взял с собой книжку «Преступление и наказание», но никак не может продвинуться дальше десятой страницы, хотя мы уже четвертый день сидим и ничего не делаем. Здесь в порту много деревенских, которые живут на его участке, они тоже ждут погоды, и у каждого тысяча дел к Цветкову. Он такой невозмутимый, просто

¹ Эти слова в рапорте зачеркнуты.

позавидуешь, а я, как всегда, волнуюсь перед командировкой. Ты, конечно, снова скажешь: что особенного? Подумаешь, выехала расследовать рядовое хулиганство — и столько эмоций. Не знаю... Понимаешь, мне всегда приходит в голову, что вот здесь, в тайге, среди болот, в пятидесятиградусные морозы, люди охотятся, рубят лес, добывают нефть, строят города... Это ведь нужно быть сильными и опытными людьми, чтобы здесь жить и работать. И вдруг что-то разладилось у них, у этих сильных и опытных людей, и они ждут помощи. И знаешь, когда я выхожу из вертолета или из самолета, я всегда волнуюсь: что думают они, эти люди, глядя на меня? Вдруг так: «Ну что это, мы ждали человека, который приедет и во всем разберется, а что сумеет эта девчонка!..» Но они говорят: «Товарищ лейтенант...» И я чувствую, что это очень большое звание, если люди, которые делают в этих местах столько больших и важных дел, так ко мне обращаются. Знаешь, после этого я уже не могу считать свой вылет просто расследованием рядового хулиганства. Если что-то выбило этих людей из колеи, то вряд ли что-нибудь рядовое. И смотри: вот мы летим на сплавучасток. Это ведь заведомо такое место, где «просто хулигана» быть не может. Там его не будут держать, если он только хулиган и больше ничего. Наоборот: значит, он умеет делать что-то большое и важное, если его послали в такое место, куда только вертолетом и можно добраться. Я знаю, ты дочитаешь до этого места и засмеешься, подумаешь, что я ничуть не изменилась и все это выдумки. Я не могу говорить так убедительно, как ты, и ты всегда смеешься, что я только злюсь и ничего не доказываю. Но я знаю, что я права, а ты не можешь, вернее, просто не хочешь меня понять. Прости, пожалуйста. Не видела тебя уже столько времени и опять спорю, вроде больше написать не о чем. Прости, правда, может быть, я сейчас немного не в себе. Теперь я уже знаю точно, что у нас будет ребенок, правда, здорово? Но ты не волнуйся, чувствую я себя хорошо и полета несколько не боюсь. Я ведь у тебя храбрая, все-таки офицер! Ну все. Только что подошел наш геолог и по секрету сообщил, что вроде бы квадрат открыли, вот-вот объявят по трансляции. Валя Цветков заталкивает в портфель свою книжку, а я только заклею письмо и пойдём выбивать вертолет. Пиши чаще. Целую. Ольга».

«Слушаю. Хомяков».

«Добрый день, Сергей».

«Здравствуйте, Владимир Федорович!»

«Ну как там у тебя?.. Кстати, никого не допрашиваешь, не отрываю?..»

«Нет-нет, Владимир Федорович! Как самочувствие?»

«Терпимо. Ты лучше скажи, как у тебя с Еганом».

«Работаю...»

«Возбудил?»

«Возбудить пока не возбудил. Время терпит».

«Как понять?»

«Десять дней у меня есть...»

«Вот не знаю, как это у нас получается. Ведь не десять дней мы должны иметь в виду. В УПК черным по белому написано, что на разрешение этого вопроса дается три дня — три! Десять — в исключительных случаях. А мы эти десять дней взяли себе за правило».

«Так у нас почти все случаи исключительные, Владимир Федорович. Распутица, расстояния, транспорт... Крайний Север...»

«Ладно, оправдываться будешь в милиции».

«Почему в милиции?»

«Поговорка такая есть. Вот отбюллетеню, возьмусь за вас. А Крапивников как там? Он ведь теперь не просто помощник прокурора, а исполняющий обязанности...»

«Он мне ничего не говорит».

«Ох, молодежь, смотрите там... Нет, Сергей, надо все же определяться побыстрее».

«Трупов нет, Владимир Федорович, вот что плохо...»

«Людей нет, Сережа, вот что самое тяжелое! Вот из чего единственно исходить надо... Ну ты сам-то летал туда, что там?»

«Да что теперь... Река встала. Тогда ведь уже шуга шла. Трупы теперь только летом, возможно, всплывут. Могут и вообще не всплыть. Я разговаривал с местными жителями, говорят, дно коряжистое, лесом выстлано — река-то сплавная. Если зацепились, то могут и навечно...»

«Может, с водолазом попробовать?»

«Говорят, бесполезно, я уже связался с ОСВОДом. Сколько случаев по той реке было — всегда бесполезно».

И потом места точно никто не знает, их потом сносить стало к буровой, а где это все произошло...»

«Ясно...»

«Но вообще-то — лед покрепче станет — я попытаюсь с водолазом».

«Попытайся. Но пока-то все же что думаешь делать?»

«Беру покамест объяснения. Хочу еще раз на Итья-Ах вылететь. Тут насчет Хорова не совсем ясно...»

«Объяснения объяснениями, а придется все же, видимо, возбуждать и допрашивать... Иду-иду!..»

«Что вы, Владимир Федорович?»

«Да тут дочь в постель гонит. Мне ведь постельный режим все еще предписан... Вот, говорю, придется, видимо, возбуждать. С Цветковым-то еще раз разговаривал?.. Иду-иду, я же тебе сказал.. А, Сергей? С Цветковым, говорю, разговаривал еще раз?»

«Владимир Федорович, вы бы, действительно, шли ложились, а то мне перед Леной неудобно...»

«Что, пришел кто к тебе?»

«Да... свидетель тут один подошел...»

«Ладно, работай тогда, я тебе позже позвоню...»

«Хомяков».

«Сережа... папа все уже знает...»

«...»

«Ты почему молчишь?»

«Я... я давно предлагал тебе сказать и...»

«Ах, боже мой! Я взрослая женщина! При чем здесь это... Я говорю про Цветкова».

«Ну вот... час от часу не легче... Это уж совсем ни к чему... Я же тебя лично просил!..»

«Я в аптеку ходила, а тут в это время ворвался кто-то...»

«Кто?»

«Я не знаю».

«Они еще разговаривают... Я потому и звоню... Все, кладу трубку, кажется, выходит...»

«Прокуратура. Хомяков».

«Не удивляешься, что опять я?»

«Да, собственно...»

«Ты почему со мной в прятки играешь?»

«Я не играю, Владимир Федорович, я, чтоб вас не расстраивать...»

«Этот свидетель все еще у тебя?»

«Да он, собственно...»

«Ясно. Его и не было. Ладно, неохота сейчас с тобой ругаться».

«Кто вам сказал, Владимир Федорович?»

«Это потом. Ты мне сперва ответь: долго с ним разговаривал?»

«Нет. Нельзя с ним было долго разговаривать. Врач меня попросила из палаты».

«Так. Ну и хоть что-то он тебе сказал по существу?»

«Понимаете, Владимир Федорович, у нас там с ним такая сцена разыгралась...»

«Сцена? Что за сцена?»

«Понимаете, мы ведь с ним... ну не то что друзьями были, но вообще хорошо друг друга знали... Я у него на участке два дела вел, выезжал, несколько дней жил у него дома... А тут в больнице когда его увидел, не узнал: постарел он лет на десять. Я, конечно, виду старался не подавать, но, видимо, он заметил, что не очень я естественно себя веду. Как-то натянуто у нас разговор складывался. Стал он мне рассказывать, как они туда летели, долго поселок искали, голос дрожит... Ну, я в шутку, что ли, чтобы как-то взбодрить его, говорю: как же ты, мол, так, Валя, здесь родился, крестился, твой участок — и вдруг заблудился? Именно в шутку сказал... Так он как поднялся... Ты что, говорит, мне не веришь? Дай, говорит, прочесть, что ты там написал... А я так, объяснение составил на скорую руку, потому что врач меня предупредила, что разговаривать могу не больше десяти минут... Он прочел, говорит: то не указал, это не отметил... Разволновался очень... Короче говоря, взял я и порвал при нем это объяснение, чтоб он не расстраивался, сказал, что потом приду, запишу все подробно... Тут как раз врач и выпроводила меня».

«Все?»

«Да. Все».

«Так. Слушай меня внимательно. Открылись совершенно новые и неожиданные факты. Сейчас у меня был один мой старый знакомый, его в свое время сотрудники БХСС в хищении подозревали, потом мы все вместе разобрались — невиновен оказался, и дело прекратили. Вот он тут пришел ко мне и кое-что рассказал. Работает в порту экспедитором связи. Я его к

тебе сейчас посылаю, зафиксируешь все обстоятельнейшим образом. Надо будет взяться за вертолетчиков».

«За вертолетчиков?»

«Да. Глянешь: нет ли там сто двадцать седьмой».

«Сто двадцать седьмой?»

«Небось, забыл, что и за статья-то такая?»

«Почему? Оставление в опасности».

«Да. Как раз наша подследственность. Проверь все тщательнейшим образом».

«Хорошо».

«Поработай, Сергей, как следует. Так оставлять нельзя».

«Понял, Владимир Федорович. Только... ведь свидетелей-то, собственно, не осталось».

«Не просто свидетелей — людей не осталось! Вот из чего единственно исходить следует...»

6

«Старшему следователю прокуратуры
тов. Хомякову С. Д.

При этом направляю рапорт участкового инспектора ГРОВД лейтенанта Цветкова В. М. по поводу трагического случая, происшедшего 12 октября 197... года на обслуживаемой нами территории в районе деревни Ёган.

Прошу приобщить к материалам проверки.

Приложение: упомянутое на 8 листах.

Начальник ГРОВД майор милиции
Пахоменко»

7

Они молча брели по мертвому поселку, как еще совсем недавно, всего двадцать минут назад, над ним, мертвым же, кружили, но тогда они еще не знали, что он мертвый. И тогда, в вертолете, они были всего лишь в двух с половиной часах (если отбросить время, потраченное на розыски) от людей, огней, магазинов, автобусов, своего жилья и отдела внутренних дел и еще мно-

гого другого, что составляло их жизнь. Теперь же от всего этого их отделяла не одна сотня километров непроходимых частей, рек, проток, озер и болот, и они ощутили это, когда в ушах еще не смолк шум уходящего вертолета, и оттого порой казалось, что он возвращается.

Младший лейтенант Валентин Цветков (в дальнейшем мы будем называть его «лейтенантом», так как фактически он лейтенантом уже и был: приказ о присвоении ему очередного звания пришел по телетайпу из УВД полтора часа назад, то есть в то время, когда они находились где-то между Ёганом и устьем реки Итья-Ах) чувствовал, что в случившемся есть какая-то ошибка, чей-то недогляд. В чем именно ошибка и с чьей стороны недогляд, он пока сказать не решался, да и не задумывался над этим. Сейчас важнее было другое: как выбраться из того плачевного положения, в котором они оказались.

Положение было именно плачевным — смертельным его назвать нельзя. Рано или поздно их хватятся — это лейтенант Цветков знал твердо. Но именно вопрос — когда: рано или поздно? — и наводил на неприятные размышления.

Следователю Ольге Ледзинской командировочное удостоверение было выписано на неделю. Практически это означало, что раньше, чем через полмесяца, в отделе ее никто не хватится: прикинут на удаленность, на нелетную погоду, на возможное отсутствие транспорта, на всякие непредвиденные случайности, которые далеко не случайны в неразведанных малонаселенных районах.

Участкового инспектора Валентина Цветкова в обозримый период времени не хватятся вообще. Он на своем участке и, как было условлено с заместителем начальника отдела капитаном Медведевым, после поездки на сплавучасток должен задержаться на обратном пути в Ёгане, где предполагалось организовать опорный пункт. В том случае, конечно, задержаться, если не придется никого конвоировать из Итья-Аха. Вообще же лейтенант Цветков постоянно проживал в Кышах, где жили его мать, дед и жена с двумя детьми, и, после организации опорного пункта, должен был возвратиться опять же не в отдел, как Ледзинская, а в свою деревню и оттуда уже доложить о проделанной работе.

Таким образом, в городе Цветкова никто не ждал.

Что касается сплавной конторы, то на нее надежды было мало.

Уж если заместитель директора Береженцев не знал о том, что рабочих вывезли со сплавучастка, то о какой организации спасения брошенных в тайге людей могла идти речь?

Еще меньше было надежды на вертолетчиков. Командир доложит, что задание выполнено: сотрудники милиции на сплавучасток доставлены, а остальное аэропорт интересоваться не будет.

В панику участковый инспектор не впадал. Единственное, что сильно озадачивало его, было присутствие Ледзинской, двадцатидвухлетней женщины, москвички, явно не приспособленной к таким условиям. Он вспомнил, что читал где-то, будто женщины выносливее мужчин, и с особой силой ощутил вдруг, что такое испытание для женщины — в сущности, позор для мужчины. Он особенно почувствовал свое бессилие отвести ее от этого испытания, и это угнетало его больше всего.

Впоследствии на долю лейтенанта Цветкова выпали еще большие трудности, но, пожалуй, именно с этой минуты как-то по-особому напряженно забилося его сердце, и, видимо, здесь следует искать причину того, что совершенно здоровый человек, выросший в закаленной таежной крестьянской семье, старший сержант воздушно-десантных войск, офицер милиции, — скончался потом от инфаркта миокарда.

Они прошли уже треть поселка — до большого, обшитого горбылем гаража, заглядывали в каждый из встречавшихся по пути балков, — и всюду было одно и то же: снятые с колышков и выброшенные наружу железные печки — так поступают, обычно, когда нужно срочно привести таежное жилище в пожаробезопасное состояние, а печки незадолго перед тем протапливались; грязная, рваная рабочая одежда, тряпье и портянки, разбросанные как попало; черствые, но не успевшие еще заплесневеть корки хлеба на столах.

По столам и нарам, по стрехам и полкам шмыгали мыши.

Дверь гаража была приперта снаружи длинной бере-

зовой слегой. Цветков отбросил ее в сторону, и дверь, сухо скрипя, отошла, образовав щель метра в полтора. Изнутри шел густой запах отработанного солярового масла, но даже неопытный человек без труда отличит, когда запах идет от горячих живых машин, только что вернувшихся с работы, а когда это — застарелый, омертвевший машинный пот. Цветков вошел в гараж и осмотрел все шесть трелевочных машин, обходя их кругом и заглядывая под капоты.

Все трактора были законсервированы на длительную стоянку.

Тут же, неподалеку от гаража, стоял под навесом дизель. От него тянулись по столбам провода. Это была электростанция.

Ледзинская заглянула в проем и, рассмотрев в полусумраке инспектора, спросила:

— Неужели никого нет? Но ведь трактора-то стоят!

— Да в том-то и дело, что стоят,— нехотя отозвался Цветков; голос его из глубины гаража звучал глухо и мрачно.— Законсервированы они.

— И отсюда никакой-никакой дороги нету? — по-детски жалостливо спросила она.

Цветков помолчал.

— Нету, Ольга Васильевна,— назвал он ее по имени-отчеству, чтобы хоть немного заглушить в себе тревогу и как бы убедиться, что разговаривает все-таки не с ребенком.

— А вот эта дорога куда ведет?

— Да какая это дорога. Трасса. И никуда она не ведет. На вырубке только.

— А как же эти трактора сюда привезли? На вертолетах?

— Зачем на вертолетах. Зимой пригнали.

— А-аа... зимой... Значит, теперь и угонять зимой будут, да, Валя? И мы тут до зимы будем жить?

«Жить» она произнесла так, будто им и впрямь тут было с чем жить: с огородом, коровой, разными хозяйственными запасами, может, даже с клубом и танцами. А у них не было даже оружия, если не считать табельного пистолета Цветкова с двумя обоймами, но он мало пригоден для охоты.

— Ты свой-то хоть взяла? — спросил он, надеясь, что патронов у них будет побольше.

— Чего, Валечка?

— Пистолет.

— Н-нет... А зачем он тебе?

Он пожал плечами.

— Я его никогда не беру,— принялась она объяснять, как ребенок.— Он пылится в сумке и потом его чистить нужно... В прошлый раз от пудры еле отчистила— рассыпалась в сумке. И то ребята помогли. Я разобрала, отчистила, а собрать никак не могу. И они тоже, знаешь, почти уже весь собрали, а потом оказалось, что боек забыли поставить. Давай искать— нигде нету. Хотели уже сейфы двигать, а Женька Побегай говорит: «Да вот же он у тебя в руке!» Оказывается, я его, правда, в руках вертела... Так смешно было!..

К этому времени они подошли к большой, рубленой на земле, а не на полозьях, как балки, избе. Цветков откинул щеколду и распахнул дверь.

— Баня,— внезапно изменившимся голосом сказал он.

Ледзинская не поняла и испугалась. Потом осторожно, держась на всякий случай за локоть Цветкова, заглянула в проем двери.

Здесь были три двухсотлитровые железные бочки, вмурованные в прокопченный камин, и трехступенчатый, выскобленный дожелта полук, на котором стояли несколько деревянных шаек и ковшиков. Ледзинская не могла понять, почему этот мирный вид обычной таежной бани поверг участкового в отчаяние.

— Что, Валя?— шепотом спросила она, еще крепче ухватившись за локоть участкового.

Он не отвечал, мрачно уставившись в гулкую пустоту бани. В глубине души лейтенант еще надеялся, что рабочих вывезли на два-три дня— в баню— и, следовательно, вот-вот привезут обратно. Исходя из этого, можно было попытаться объяснить, хотя и с некоторой натяжкой, отсутствие личных вещей и постельного белья: тоже могли вывезти в чистку и стирку. Теперь же, после обнаружения бани, сомнений не оставалось: сплавщики ушли надолго.

8

«Старший следователь прокуратуры младший юрист Хомяков взял объяснение у Молокова Петра Васильевича, 1932 года рождения, уроженца деревни Цынгалы

Ханты-Мансийского района Тюменской области, проживающего по ул. Водопроводная, 27, русского, беспартийного, образование 6 классов, экспедитора связи, несудимого».

«Поясняю, что 10 октября 197... года я находился в аэропорту с почтовым грузом, предназначенным к отправке в различные населенные пункты района и округа. Несколько дней перед этим была нелетная погода, и почты скопилось очень много. Где-то во втором часу дня по местному времени я погрузил два мешка с почтой в Ан-2, вылетающий рейсом в деревню Пырья, после чего зашел в центральную диспетчерскую аэродрома узнать, не будет ли куда какой оказии. В ЦДА в это время, помимо старшего диспетчера Коровина, находились начальник штаба авиаотряда Савостин, начальник партии Читашвили, второй пилот Ми-4 Истомин, а также женщина-следователь, фамилия которой была мне неизвестна, но я знал, что зовут ее Ольгой Васильевной, так как в свое время она меня вызывала по факту пропажи почтовой посылки. Кроме того, там был милиционер Цветков, которого я, как местный житель, также хорошо знаю. Я не могу припомнить, о чем шел разговор между данными гражданами, так как говорили они все враз, а я в их разговор не вникал, мне было интересно только узнать, куда пойдет вертолет. Мне подходил почти любой маршрут, так как почта у меня имелась практически во все населенные пункты района. Начальник партии Читашвили вскоре вышел, потом вышли женщина-следователь и милиционер Цветков, и тогда я, так и не разобравшись, куда пойдет вертолет, спросил об этом у начальника штаба Савостина, который сказал: «Пойдет, видимо, в Итья-Ах». Так как в том направлении деревня Ёган, то я попросил начштаба, чтобы он отдал распоряжение взять туда почту, на что Савостин ответил: «Поди узнай у командира: если пойдет над Ёганом, то пусть захватит». Я выскочил из диспетчерской, потому что тут надо ловить момент. В коридоре я узнал от техников, что Кобенков только что вроде бы зашел в отдел перевозок. Действительно, войдя туда, я застал там диспетчера Лизу Карелину, командира вертолета Кобенкова и начальника партии Читашвили. Последний, в тот момент, когда я вошел, говорил Кобенкову: «Если вечером воротишься, Толя, то вот тебе сло-

во разведчика: за мной коньяк «Наполеон». Французский коньячок, я сам его еще ни разу не пробовал...» Кобенков на эти слова ответил: «По рукам!», после чего Читашвили спросил: «Ну, а если милиции там придется задержаться?» — «Да уж двух милиционеров как-нибудь обведу вокруг пальца!» — ответил Кобенков. Подумав, он добавил: «Навязали милицию, так думают, я теперь из кожи буду лезть!» Они оба временно замолчали, и тут я сказал: «Товарищ Кобенков, товарищ Савостин велел вам захватить почту до Ёгана». — «Да погоди ты с почтой, видишь: времени нету!» — ответил мне Кобенков. Я сказал, что им же все равно по пути. Минуты две я его уговаривал, после чего он сказал: «Ладно, давай оформляй, только бегом». Я побежал за мешком, а когда вернулся с ним в отдел перевозок, то ни Кобенкова, ни Читашвили там уже не было. «Беги быстрее на поле! — сказала мне диспетчер Карелина. — Потом придешь — запишем...» Мне не привыкать, потому что меня всегда вот так, как зайца, гоняют по аэропорту, поэтому я сразу развернулся со своим мешком и побежал на летное поле. Я знал, что вертолет Кобенкова за номером 02296 находится с противоположной от здания аэровокзала стороны аэродрома, поэтому я торопился, чтобы они не улетели. Выскочив на перрон, я увидел, что вертолет Кобенкова начинает разматывать винт, и припустил еще сильнее. Когда я был на середине летного поля, вертолет начал приподыматься и несколько секунд висел над площадкой. Я решил, что экипаж опробывает машину, и продолжал бежать. Кроме того, им было хорошо видно меня посреди летного поля, и я в мыслях даже не держал, что они улетят, не захватив почту. Поясняю, что летное поле после прошедших дождей было все в грязи и бежать по нему было трудно, ввиду чего я растянулся в большой луже, но мешок успел приподнять, чтобы не вымочить. Я долго выкарабкивался из лужи, так как мне важно было не замочить мешка, а когда встал и хотел бежать снова, то увидел, что вертолет Кобенкова быстро пошел вверх и вскоре скрылся за лесом. Позже я узнал, что вертолет приземлялся в деревне Ёган для дозаправки и мог бы захватить почту. Это все, что я хотел пояснить.

Следователь: Вы утверждаете, что Кобенков поспорил с Читашвили на бутылку коньяка, что вертолет вернется вечером в порт?

Молоков: Вот именно, утверждаю. Из-за бутылки угробили людей и почту не взяли. Поэтому я и пошел к прокурору, хоть он и болеет. Больше ничего добавить не могу, мне прочитано следователем вслух, записано с моих слов верно».

9

Было в этом нечто парадоксальное: их спасло бы сейчас преступление, совершенное на участке Цветкова. Кража, поножовщина, пропажа без вести — чье-либо несчастье обернулось бы им во спасение. Начальник отдела не захотел бы посылать сюда других сотрудников — их и так не хватало в ГРОВД быстрорастущего нефтяного города, а попытался бы связаться с теми, кто уже есть на участке: позвонил бы в сплавконтору, те — в свое отделение в поселке Кедровом, куда, по-видимому, были вывезены рабочие, и довела бы ниточка до клубочка.

Участок Цветкова средний был по площади — сорок четыре тысячи квадратных километров, чуть больше территории Дании, но заселенность его ни в какое сравнение с этой европейской страной не шла. В деревнях годами не случалось ни краж, ни тем более грабежей и разбоев, а убийства случались раз в десять лет. Что касается мелкого хулиганства, то там, если кто-то и махнул пару раз кулаком, выматерился в клубе или еще что подобное сотворил, его быстро приводили в чувство сами местные жители. Конечно, случись в тот момент участковый, он мог бы составить протокол и отправить хулигана в город, что Цветков иногда и делал, когда оказывался свидетелем таких происшествий, причем сам никогда никого не конвоировал, а просто вручал протокол и отправлял с ближайшим транспортом в город: хулиган сам являлся в отдел.

— Валя! — закричала Ледзинская. — Валька, смотри, что это?

Он глянул, куда она показывала, но ничего особенного не увидел. То есть увидел то, что они видели и раньше: метрах в ста пятидесяти от остальных строений стоял небольшой балок. Ледзинская уже бежала к нему.

Цветков догнал ее и тут только понял, почему она так разволновалась.

К торцовой стене балка был приколочен длинный шест. Он был невидим раньше на фоне леса, но с этой точки, где они теперь находились, шест оказался на фоне широкого просвета в частине — там выходила трасса.

Мачта действительно оказалась антенной. Провод от нее шел через аккуратно просверленное отверстие внутрь балка. Дверь была со стороны леса, и, забежав туда, они остановились и почти весело переглянулись.

— Там рация, Валька! А то зачем бы стали закрывать, правда, Валь?..

— Посмотрим,— сдержанно отозвался Цветков, но сам обрадовался не меньше. В самом деле: почему бы здесь не оказаться рации? Ведь оставлены же трактора, двигатель электростанции, запчасти, матрацы, рабочая одежда.

В балке были окна, но в окна они не заглядывали: то ли чтобы заранее не расстраиваться, если радиостанции вдруг не окажется, то ли потому, что балок все равно вскроют, независимо от того, увидят через окно рацию или нет. Вообще, насколько они спешили к балку, настолько теперь не торопились заглянуть внутрь.

Цветков бормотал что-то, озираясь в поисках подходящей железяки, чтобы поддеть петлю. Железяк вокруг валялось в достаточном количестве, в том числе и таких, какие подошли бы Цветкову, но он как бы не замечал их, продолжая озираться. В голове вертелось совсем не то, как и чем вскрыть балок — в конце концов, на это-то ума много не требовалось,— а то, как быть, если радиостанция окажется, а аккумуляторов к ней не будет, или будут, но посаженные. В голове лейтенанта зрел уже план собрать несколько аккумуляторных коробок по тракторам, разыскать электролит или кислоту, соляр (должен же где-то быть в окрестностях склад ГСМ), расконсервировать двигатель электростанции или одного из тракторов, запустить его и зарядить аккумуляторы. И, пожалуй, не столько даже возможность спасения при помощи рации вдохновляла его на эти размышления (хотя, конечно, дело реальное), сколько то, что теперь, если окажется станция, что-то будет зависеть и от него, лейтенанта Цветкова. Подбрав, наконец, железяку, он подошел к двери.

Ледзинская тоже терпеливо ждала, в окно ни разу не заглянула или хотя бы для приличия за дужку замка не дернула; она достала из портфеля зеркальце и губную помаду, как будто Цветков уже вызвал вертолет — вот-вот прилетит — и нужно привести себя в порядок.

Цветков взялся за дужку замка так осторожно, словно не железякой орудовать собирался, а составлять протокол осмотра, — и дужка вдруг сама отвалилась. Моментально пересохло во рту. Дрожащими руками лейтенант снял замок и потянул дверь.

Конец оголенного провода, идущего из отверстия в стене, нелепо болтался над столом. На полу стояли два грязных аккумуляторных ящика. Радиостанции не было.

10

«Старший следователь прокуратуры младший юрист Хомяков взял объяснение у Карелиной Елизаветы Андреевны, 1952 года рождения, уроженки г. Загорска Московской области, проживающей по ул. Ленина, 81, кв. 3, русской, члена ВЛКСМ, образование среднее специальное, диспетчера отдела перевозок аэропорта, несудимой».

«По существу заданных мне вопросов поясняю, что 10 октября 197... года ко мне в диспетчерскую зашел командир Ми-4 Анатолий Кобенков. Это было в 11 часов 30 минут Москвы. Время я запомнила хорошо, потому что, когда он вошел, я по профессиональной привычке взглянула на часы: Анатолий только что вернулся со 119-й буровой, куда отвозил сменную вахту, и я отметила, за сколько он управился. «Ты одна, Лиза, — сказал он, — вот и хорошо, я должен сообщить тебе нечто важное...» Я приготовилась его выслушать, но в это время в отдел буквально ворвался начальник авиасейсмической партии Константин Шалвович Читашвили и стал жаловаться Анатолию, что партия безнадежно завалила план и что если Кобенков не выручит, то вообще все пропало. Читашвили позарез нужен был вертолет, причем обязательно почему-то с утра, и он просил Анатолия вернуться вечером в порт, а наутро Читашвили рассчитывал уговорить наше начальство отдать борт ему, Анатолий пообещал. Я до сих пор не знаю, почему

вертолет понадобился Читашвили именно с утра: его партия базировалась тогда в Урманном, подлет туда из нашего порта меньше часа, так что отвезти взрывчатку и вернуться обратно вполне можно было успеть после обеда. Впрочем, в тот момент я не придавала этому большого значения и, скорее всего, забыла бы уже обо всем, если бы не происшедшая теперь трагедия, в которой, как говорят, повинен Анатолий. Это все, что я могу сказать.

Следователь: Кто говорит, что в трагедии повинен Кобенков?

Карелина: Так говорят все наши портовские.

Следователь: В чем конкретно представляется им вина Кобенкова?

Карелина: В том, что он бросил людей в тайге. Но я не могу в это поверить. Тут какая-то ошибка. Анатолий не мог сознательно бросить людей. Он не способен на подлость и тем более на преступление.

Следователь: Вы сказали, что Читашвили «просил» Кобенкова вернуться вечером в порт. Разве на вашем авиапредприятии пилоты сами решают, куда им лететь и когда возвращаться?

Карелина: Нет, сами они таких вопросов не решают. Но при внетрассовых полетах в неразведанных районах очень часто нельзя предсказать заранее, когда вертолет прилетит из тайги. Пилот может задержаться на загрузке, выгрузке, на подборе площадки с воздуха, может пережидать грозовой фронт и так далее. При внетрассовых полетах от экипажа зависит очень многое. Опытные летчики часто выполняют гораздо больший объем работы, чем это оговорено в заявке клиента. Анатолий, например, очень часто выручал таким образом Читашвили.

Следователь: В каких отношениях находитесь вы с Кобенковым?

Карелина: Раньше мы встречались с Анатолием. Но как раз в тот день, 10 октября, когда Анатолий с милицией на борту вылетел в Итья-Ах, вечерним рейсом прилетела его жена на Як-40.

Следователь: Не это ли обстоятельство связано с тем сообщением, которое хотел сделать Кобенков?

Карелина: Да. Он мне об этом и сказал.

Следователь: После того, как вышел Читашвили?

Карелина: Нет. Они вышли вместе. Анатолий и

сказал об этом Читашвили, но я поняла, что сказано для меня.

Следователь: Расскажите подробнее, как протекал между ними разговор на эту тему.

Карелина: Когда Читашвили стал уговаривать Анатолия, чтобы тот обязательно вернулся вечером в порт, Анатолий сказал, что ему самому нужно вернуться, так как вечером прилетает его жена с ребенком.

Следователь: Значит, у Кобенкова, помимо просьбы Читашвили, была еще и личная причина вернуться вечером в порт?

Карелина: Нет. Я считаю, что он торопился в порт потому, что хотел помочь партии Читашвили. О своей личной причине он сказал только для меня.

Следователь: Когда вы в последний раз встречались с Кобенковым во внеслужебной обстановке?

Карелина: В последний раз он ушел от меня утром 10 октября.

Следователь: То есть в тот день, когда он вылетел с милицией на сплавучасток?

Карелина: Да.

Следователь: И в тот же день вечером прилетела его жена?

Карелина: Да.

Следователь: Зачем же понадобилось Кобенкову столь сложным способом информировать вас о приезде жены, если он мог вам сказать об этом утром, когда уходил от вас?

Карелина: Утром он сам еще об этом не знал. Накануне он сразу после работы пришел ко мне, а телеграмму от жены поздно вечером принесли к нему на квартиру. Утром телеграмму принес на работу его сосед командир звена Вахрушев.

Следователь: Присутствовал ли кто-нибудь, кроме вас, при разговоре Кобенкова и Читашвили?

Карелина: Нет. Только под самый конец зашел экспедитор Молоков.

Следователь: Не припомните ли, о чем именно говорили Кобенков и Читашвили, когда вошел Молоков?

Карелина: Только поймите это правильно. Когда вошел Молоков, Читашвили сказал, что если Анатолий вернется вечером в порт, то Читашвили отдаст ему бутылку какого-то французского коньяка. Только это была шутка. Командир Ми-4 зарабатывает достаточно, чтобы

не ставить себя в зависимость от бутылки. Этого даже предположить невозможно. Я потому сразу и не сказала об этом коньяке, что боялась: неправильно будет понято. Молоков, вероятно, так и понял. Но это шутка.

Следователь: Не знаете ли вы, отдал ли Читашвили коньяк Кобенкову, хотя бы в шутку?

Карелина: Не знаю.

Следователь: Молоков пояснил, что когда Читашвили начал сомневаться, сумеет ли Кобенков улететь от работников милиции, если потребуется задержаться, тот ответил: «Двух милиционеров как-нибудь обедеду вокруг пальца». Так ли это?

Карелина: Да, так.

Следователь: Именно это выражение употребил Кобенков: «обедеду вокруг пальца»?

Карелина: Да. Только я хочу дополнить, что это, конечно, не такая уж шутка, как с коньяком, но делать отсюда серьезные выводы тоже, по-моему, нельзя. Я хорошо запомнила женщину-следователя, она такая интеллигентная и красивая. Глупо, конечно, в моем положении, но во мне даже ревность появилась, когда я узнала, что она полетит с Анатолием. Не мог Кобенков сознательно бросить ее в тайге...»

11

«Никитин».

«Добрый день, Владимир Петрович. Пахоменко».

«Здравствуйте».

«Вскрылись новые обстоятельства по Ёгану. Обнаружилась пропажа пистолета Цветкова».

«Пистолета?»

«Да. И обстоятельства весьма странные. Когда нашли Цветкова, на нем была кобура. Пистолета не было, но была обойма с четырьмя патронами».

«Четыре патрона?»

«Да. Мы решили, что пистолета он с собой не брал, оставил дома, в Кышах. В Кышах у нас сейчас замполит. Он только что мне радировал, что пистолета нет. Брал с собой».

«Может быть, просто не нашли?»

«Да нет. Мать и жена утверждают, что брал с собой. Видели своими глазами».

«Мать и жена... Детей у него сколько?»
«Двое, мальчик и девочка. Старшему пять, девочке второй годик...»

«Дома, конечно...»

«Тяжелее некуда, Владимир Петрович. Замполит потому сам и поехал... У него ведь и дед жив еще».

«У Цветкова?»

«Да. Отец в войну погиб, а дед жив. Говорит: сын — понятно, Родину защищал. А внук за что? Из-за каких-то хулиганов?... И ведь возразить нечего... то есть, я хочу сказать...»

«Я понял. Вы правы. Возражать не нужно. Им теперь не до этого. Жена Цветкова приехала?»

«Да».

«Где она сейчас?»

«Там... в больнице. Я с ней уже беседовал. Тяжело...»

«Да... Что вы решили: куда все-таки пистолет делся?»

«Мог просто выпасть. Правда, кобура была застегнута... Ну, и возможен криминал».

«То есть?»

«Могли вытащить на буровой».

«Да, пожалуй... Хотя я эту бригаду знаю. Мастер с орденом Ленина... Но, конечно, в бригаде может быть не без урода...»

«Там, кстати, работает один неоднократно судимый. Мы отправили туда инспектора уголовного розыска. Разумеется, о пистолете доложили в УВД. Завтра из управления прибывает подполковник Громов».

«Служебное расследование?»

«Да. Оченьстораживает обойма. Четырех патронов не хватает...»

«Почему же вы сразу на эту обойму внимания не обратили? Столько времени упущено...»

«Обратили, Владимир Петрович. Но должного значения не придали. Дело в том, что за Цветковым был уже случай, когда он пистолет дома оставил...»

12

Он не спеша отвел руку и передвинул вперед внезапно отяжелевшую после быстрой ходьбы кобуру. Оглянулся. Ледзинская тоже спешила к берегу.

Черная вода Итья-Аха стремительно шла по узкому руслу к югу. К реке Ёган-Ах. К деревне Ёган. К людям. Это была дорога. И было странно стоять возле нее, зная, что она ведет к людям, и в то же время чувствовать себя брошенным и беспомощным, как было бы странно стоять на обочине шоссе без надежды увидеть хоть самый заваливающий грузовичок, самую неказистую колымагу.

Он вздохнул и опять передвинул кобуру. Цветков не часто брал с собой пистолет и, вероятно, вовсе не получал бы его в отделе, если бы служил в городе. Но он жил на участке, в деревне, и оружие полагалось иметь при себе. Дома лейтенант хранил его в дубовом, окованном медью сундуке, оставшемся от прадеда. Сундук имел столь хитроумные запоры, что Цветков сам немало возился, прежде чем открывал его. За сохранность пистолета опасаться не приходилось, но в одну из поездок в город ему влетело по первое число.

Он не знал, зачем его вызывают в отдел, и оставил пистолет дома. Оказалось же, что из УВД прибыл подполковник — специально для проверки личного оружия.

Подполковник был строг. Обычно результаты таких проверок доводятся до сведения руководства отдела, и оно уже принимает соответствующие меры. Подполковник этим не удовлетворился — лично вызывал всех проштрафившихся на «ковер» и так распекал в присутствии руководителей отдела, что начальник и его замы прекрасно понимали: все громы и молнии никак не могут относиться только к стоящему по стойке «смирно» сержанту или лейтенанту.

Цветков входил в кабинет после инспектора ОУР Побегая, который вылетел оттуда красный и на расспросы ждущих своей очереди товарищей по несчастью безнадежно махнул рукой. У Побегая был новый пистолет, и подполковник обнаружил на пружине шептала крохотную частичку заводской смазки.

Цветков, призвав все свое мужество, твердо вошел в кабинет и лихо отрапортовал, что вот он, младший лейтенант такой-то, прибыл, и тут же, не переводя дыхания, доложил, что табельный пистолет системы Макарова за номером таким-то остался в дедушкином сундуке с хитроумными запорами.

Начальник отдела на такой доклад никак внешне не отреагировал: как сидел, подперев голову огромным кулаком с «морской» татуировкой, так и остался сидеть, ни на кого не глядя. Три зама примостились рядышком на стульях под большой картой города на стене и смотрели в окно, также, казалось, мало интересуясь происходящим.

В упор на Цветкова смотрел только подполковник.

Он был некрасив: несмотря на очень высокий рост, голова казалась непомерно большой; шутили, что у него самая большая фуражка в управлении. Но именно этот огромный лоб и порождал уверенность в том, что любое решение, принятое подполковником, будет справедливым.

— Значит, говорите, в бабушкином сундуке храните боевое оружие, под юбками? — произнес подполковник. — А кто вам его чистит? Видимо, жена? Заодно со сковородками... Что ж, вы свободны, — неожиданно заключил подполковник. — Можете идти.

Цветков четко повернулся через левое плечо и вышел.

На него сразу набросились возбужденные, как перед экзаменом, товарищи: «Как? что? почему так быстро?» Цветков не отвечал. Он припомнил, что не далее, как месяц назад, получил замечание за развал работы опорного пункта в Ёгане, а еще раньше — за волокиту с заявлением о краже двух куриц, теперь вот еще и пистолет, — и пребывал в уверенности, что спокойствие подполковника означает одно: ему, младшему лейтенанту Цветкову, больше не служить. К чему тратить слова на человека, с которым в дальнейшем не предстоит иметь никакого дела?..

Однако, покурив и остыв в дежурной части, он вспомнил огромный лоб подполковника, его строгий понимающий взор, — и подумал, что нет. Не может того быть. Подполковник не мог не видеть под Цветковым на три аршина, и не может быть, чтобы он не понял... С тех пор Цветков не ездил без пистолета, и теперь, на сплавачастке, оружие оказалось как раз кстати (было за что поблагодарить задним числом подполковника), только теперь, после быстрой ходьбы, сильно натер ремень, и Цветков без конца передвигал кобуру, стараясь делать это незаметно не только для Ледзинской, но и как бы для себя...

«Прокурору города тов. Сомову В. Ф.
от начальника авиасейсмической партии
Читашвили К. Ш.

Прошу Вас разобрать мое заявление в следующем.
18 октября с. г. я был вызван к следователю Вашей прокуратуры тов. Хомякову С. Д. по делу командира вертолета Кобенкова Анатолия. По данному делу я показал, что 10 октября с. г. я находился в аэропорту с целью получения вертолета для оттранспортировки в полевой отряд моей партии 300 килограммов взрывчатки. Но поскольку несколько дней перед этим аэропорт был закрыт по метеоусловиям, утром 10 октября все пять бортов Ми-4 оказались нарасхват, и мне машины не досталось.

Разумеется, наш геофизический трест, наряду с управлением буровых работ, является заказчиком номер один для местного авиапредприятия, однако в данной ситуации сыграло роль то, что один борт Ми-4 уже работал с полевым отрядом моей партии, поэтому начальник штаба авиаотряда тов. Савостин заявил, что я могу отозвать этот работавший у меня борт и на нем отвезти взрывчатку.

Подобный вариант был для меня совершенно непригоден, так как возглавляемая мной партия в этом полевом сезоне систематически не выполняла план. Были к тому и объективные причины: исключительная сложность как поверхностных, так и глубинных сейсмогеологических условий, большое количество нелетных дней в августе — сентябре и другие. Но главную роль сыграли причины субъективные. Так, в августе работавший у меня борт был взят на неделю секретарем Урманского райкома партии товарищем Хохловым для доставки из таежных селений в школы-интернаты детей местных коренных национальностей. Затем в конце сентября из рабочего поселка Пионерский исчезло трое детей. На поиски их в тайге также был взят наш вертолет сроком на 9 (девять) дней. Будучи членом КПСС с 1954 года, я понимаю всю важность указанных мероприятий и в данном случае привожу эти факты не с целью жалобы или несогласия с действиями районных партийных руководителей, но для объяснения последующих событий.

Таким образом, хотя полевой сезон моей партии должен был закончиться 1 октября, у нас к 10 октября оставалось еще 14 (четырнадцать) неотстрелянных сейсмозондирований, и в этих условиях я не мог снять вертолет, необходимый для транспортировки сейсмической станции и переброски десантных сейсмо-буровзрывных бригад.

Покамест я разъяснял все это начальнику штаба Савостину, все пять бортов Ми-4 разошлись по разным маршрутам. Наконец, Савостин сказал, что к обеду вернется со 119-й буровой вертолет Кобенкова и я смогу отвезти на нем взрывчатку.

Между тем мне нужно было заполучить машину именно с утра. Дело в том, что этим дополнительным вертолетом я рассчитывал не только забросить в отряд взрывчатку, но помочь также своему основному вертолету, работавшему на отстреле сейсмозондирований. Ми-4 из-за большого веса бригад с оборудованием вынужден производить неполную заправку, на которой может (с учетом аварийного запаса) летать не более часа, ввиду чего он один день завозит на себе горючее по точкам, а другой работает с бригадами, то есть на собственную заправку тратит половину летного времени. Поэтому я и рассчитывал, чтобы десантный вертолет продолжал работать, не отрываясь от своего основного занятия, а взятый мною в порту дополнительный борт, сгрузив ВВ, вторую бы половину дня потратил на то, чтобы развезти из Урманного по точкам бочки с горючим. Ввиду всего этого я и отказался в тот день, 10 октября, от вертолета, уступив его сотруднику милиции, но для того, чтобы быть уверенным в том, что утром я действительно получу машину, я и попросил командира Кобенкова Анатолия постараться вернуться вечером в порт.

Все это я обстоятельно изложил следователю Вашей прокуратуры, однако тов. Хомяков С. Д. вместо того, чтобы вникнуть в условия производства отстрела сейсмозондирований и объективно оценить ситуацию, начал задавать мне совершенно не относящиеся к делу вопросы, а именно: был ли у меня спор с Кобенковым на бутылку коньяка, откуда у меня взялся коньяк «Наполеон», отдал ли я его Кобенкову, в каких выражениях протекал наш разговор и т. д.

Все эти вопросы я считаю поверхностными и не отражающими сути дела. Тут надо учесть еще следую-

щее. Наш трест одним из первых в главке перешел на новый метод планирования и материального стимулирования геологоразведочных работ. Невыполнение плана одной из партий грозит снижением премий ИТР всего треста. Простой в работе из-за отсутствия авиатранспорта отрицательно сказывается и на заработной плате рабочих, которые прилагают героические (не побоимся этого слова) усилия спасти положение. Они не ропщут, вынужденные в связи с затяжкой сезона работать в ледяной осенней воде болот, но ничем не могут помочь делу без вертолетов. Среди рабочих стихийно возникла горькая шутка, что такими темпами мы выполним лозунг «Пятилетку — за восемь лет!» Люди морально подавлены невозможностью с честью выступить в социалистическом соревновании.

Мы, сейсмики, полны решимости внести достойную лепту в дело освоения нефтяных запасов Приобья, которые в данных условиях мирового топливного кризиса нужны Родине, как хлеб. Могут ли на фоне этой грандиозной задачи всерьез восприниматься вопросы следователя Хомякова С. Д. о каком-то коньяке и выражениях, какими мы пользовались в разговоре с командиром Кобенковым. Мне бы хотелось, чтобы тов. Хомяков послушал выражения, какими пользуются рабочие моей партии, сидя неделями в тайге без вертолетов.

Есть и другая, не менее важная сторона вопроса. Сейсморазведочная партия, которую я возглавляю, лишь первый сезон перешла на обслуживание сейсмо-буровзрывных бригад одним вертолетом. Данная экономия получена за счет того, что сейсмическая станция, прежде жестко (несъемно) смонтированная в грузовом отсеке вертолета, ныне переносится с точки на точку на внешней подвеске Ми-4 в контейнере Поповича (по имени изобретателя), и вертолет, оттранспортировав станцию, может затем использоваться для переброски десантных бригад. Мы приложили много усилий, чтобы освоить новый способ отработки сейсмозондирований, но, в силу указанных выше причин, партия начала резко отставать в плане и стали раздаваться голоса, что новый способ себя не оправдал. Так что когда командир вертолета Кобенков спас партию от невыполнения плана, он фактически спас этим новую идею. Уже на следующий сезон этим методом будут работать две авиасейсмические партии.

Подытожив изложенное, можно смело утверждать, что в сложившейся 10 октября 197... года ситуации командир Кобенков поступил как сознательный гражданин, истинный патриот нашего нефтяного края, поборник новых идей и хороший товарищ.

Я глубоко убежден, что происшедшая трагедия есть не что иное, как роковое стечение обстоятельств, к которому командир Кобенков никоим образом не причастен.

Что же касается пресловутой бутылки коньяка «Наполеон», то я действительно на другой день вручил ее Кобенкову, однако прошу учесть, что по национальности я грузин, хоть и живу на Крайнем Севере уже двадцать лет, а у нас в Грузии даже в шутку данное слово должно быть свято выполнено. Зная наш национальный обычай и мой характер, Кобенков взял коньяк, так как не хотел лишних споров, однако ни в коем случае нельзя допустить, чтобы сам этот факт, неверно оцененный, имел бы решающее значение в решении судьбы прекрасного пилота.

Коньяк «Наполеон» в качестве сувенира подарил мне один известный геофизик, который летом, во время служебной поездки по нефтяным районам Западной Сибири, посетил полевой отряд моей партии, где ему также был преподнесен сувенир — шкура медведя, вручал которую ударник коммунистического труда взрывник Николай Мефёд. Нельзя же из этих дружеских жестов делать далеко идущие выводы. Бутылку в данном случае следует рассматривать как безделушку вроде медвежьей шкуры, и в качестве таковой я и преподнес ее командиру Кобенкову.

В связи с изложенным прошу Вас, товарищ прокурор, вмешаться в следствие по делу Кобенкова Анатолия и указать следователю тов. Хомякову С. Д. на недопустимость сокрытия истинной сути дела путем выпячивания второстепенных деталей. Всячески надеюсь на Вашу объективность в данном вопросе.

К. Читашвили».

— Моя как фамилия? Капитан Аверин... Да, Аверин... Вы напрасно возмущаетесь, я вам сказал, что сейчас подведем... Да при чем тут лодочная станция? Лодочная

станция уже неделю как закрыта! То есть фактически вы бросили мотор на берегу без всякого надзора!.. Да-да... Ждите, сейчас выезжаем...

— Иван Иванович...

— Да, ну и дела... погоди, Панкин, не до тебя... Алё, Антонов? Собирайся на происшествие... Мало ли что очную ставку проводишь! Ты сегодня дежурный следователь — вот, у меня по книге нарядов записано!.. Ну вот и собирайся без разговоров! Всё у меня!.. Николай Михайлович, вот хорошо, что идешь, как раз тебе звонить собирался...

— Что такое?

— От вас, от уголовного розыска, кто поедет?

— Куда?

— На происшествие.

— А что там?

— «Вихрь» увели с лодочной станции.

— С лодочной станции? Так она ведь уже не работает.

— Да в том-то и дело!..

— Когда увели?

— Три дня, говорит, как поставил, и с тех пор не наведывался... Зима уж на носу, а они все моторы тащут... По снегу, что ли, ездить на них собираются. Так кто от вас поедет?

— Кто поедет? Дежурный инспектор и поедет, смотри там по книге нарядов.

— Слепцов сегодня, так он уже уехал.

— Куда?

— Позвонили, что драка в микрорайоне...

— Драка? Как это понять — инспектор уголовного розыска поехал на драку? Вот теперь на кражу сам поезжай!

— Николай Михай...

— Тебе сколько говорить: инспектор ОУР выезжает только на неочевидные преступления: убийство, изнасилование, кража, грабеж, разбой — вот! А ты его на хулиганку отправил.

— Так видишь ли, Николай Михайлович... Стой, не уходи, начальник звонит... Слушаю, товарищ майор.

«Что у тебя там за шум? Иван Иванович, как ты дежуришь — в дежурной части всегда базар. В дежурной части должны находиться дежурный и его помощник, сколько же можно говорить одно и то же! Остальным

нечего делать. А у тебя там накурят — не продохнешь, и палас уже в тряпку превратили. Вот тебе и лицо милиции. Ты поучись у Уполовникова, даром, что тебе в сыновья годится!»

— Товарищ майор, никак опергруппу на происшествие не соберу. Начальник уголовного розыска не дает инспектора, потому что я дежурного инспектора на другое происшествие направил... Я откуда знаю: может, там драка, а может — подкол, а он говорит, что я его на хулиганство отправил...

«Когда точно не знаешь, надо самому выезжать. А что за происшествие?»

— Кражу «Вихря» заявляют, товарищ майор. Видно, уж последнюю нынче... под занавес... чтоб не сглазить...

«Пусть зональный съездит. А ты, Иван Иванович, вот что возьми на заметку. Подполковник Громов прибывает на Як-40. Так чтоб ты «УАЗ» пока никуда не направлял. Я поеду встречать в порт».

— Ясно, товарищ майор... Николай Михайлович!

— Ладно, Кобрусев поедет, но я начальнику буду докладывать. А то ты скоро моих инспекторов заставишь пьяных подбирать с улиц.

— Подумаешь, аристократы — уголовный розыск. Они только на убийство да на разбой... Слушаю — дежурный... Да какая нефтебаза. Милиция. Набирайте без ноля... Пожалуйста...

— Что такое, товарищ капитан?

— А, ты уже готов, Кобрусев? Да с этой АТС, ну ее к черту. Теперь из Южной части звонить — ноль надо набирать, а отсюда — с пятерки... Народ путается...

— Куда ехать-то?

— «Вихрь» с лодочной станции увели.

— Опять «Вихрь»... Из следователей кто едет?

— Антонов. Сейчас подойдет. А ты сходи пока за Куликовым, он в ГАИ, кажется, сидит...

— За Куликовым? Это что же — на автозаке, что ли, ехать?

— Ну, а на чем же? У меня вертолетов нету.

— Туда автозак не пройдет, на лодочную станцию. Давайте «УАЗ».

— До торговой базы доедете, а там пешочком пройдетесь.

— Так «УАЗ»-то вам жалко, что ли?

— «УАЗ» сейчас в порт пойдет, подполковник из УВД прилетает.

— Ну так что ж, что подполковник. Нам ведь на происшествие. Нехорошо, товарищ капитан, в органах внутренних дел подхалимаж разводить...

— Помолчи! Мне подхалимаж уже не нужен, лейтенант Кобрусев, мне через полгода на пенсию... Этот подполковник до Берлина пешком дошел, а ты лишних пять шагов сделать боишься...

— Да пошутил я, Иван Иванович... Доедем, конечно, на автозаке...

— Вот — правильное рассуждение... Я же говорю: нынче молодежь понятливая, разъяснить только надо... Ох, и тяжелый же ты на подъем, старший лейтенант Антонов!

— Мне очную ставку надо проводить, еле свидетелей собрал, а из-за вашего несчастного «Вихря» пришлось отпускать!

— А ты раз дежуришь, Антонов, то и не вызывай людей... Планируй, что оторвать могут на происшествие.

— Так ведь сроки-то жмут! Это ведь... дело-то это... от Оли Ледзинской осталось. Незаконченное...

— Так что ж ты сразу не сказал, Саша? Я б уж нашел кого-нибудь, на кражонку-то съездить...

— Ладно, что теперь... Раз уж так... Поехали, Гена.

— Ага, поезжайте, ребята... Постараюсь, Саша, не дергать тебя сегодня, кончай это дело-то. А к людям, которых отпустил, я тебя вечером свезу на машине, проведешь ставку...

15

«Владимир Федорович, дело такое, что не терпит рассуждений вокруг да около. Давайте говорить прямо, по-партийному. Как вы считаете: не слишком ли молод?»

«Что молод, верно, Владимир Петрович. Но толковый».

«Я не об этом. Согласен, что толковый. Я вот о чем: достаточно ли твердо осознает свое место? Свои полномочия? Права? А не только обязанности? Вот что мне сейчас представляется очень важным. В этом случае молодость и отсутствие опыта — большие помехи. Кстати, где у вас второй следователь?»

«Высоковский? В отпуске. Притом уехал очень далеко — в Югославию. Так что не отзовешь. Да, не ко времени меня скрутило...»

«Этим мы, к сожалению, не распоряжаемся. А вот прокуратуре помочь, видимо, в состоянии. Не попросить ли нам помощи областной прокуратуры?»

«Думаю, нет необходимости, Владимир Петрович. Он ведь не один, Хомяков. В милиции лучших сотрудников подключили... Кроме того, из области, из управления, Громов подлететь должен... Уж этому в опыте не откажешь, старый волк. Так что, думаю, общими усилиями мы справимся...»

16

Они стояли у обрыва гусеничного тракта, ведущего к реке, и смотрели на черную воду Итья-Аха. Плёс в этом месте выгибался подковой, Цветков и Ледзинская находились на выпуклой ее стороне и со своего места видели оба поворота и оба мыса на правом берегу. Здесь, у реки, было прохладно. Пальто они вместе с портфелями оставили на берегу и теперь продрогли.

И надо же было им попасть сюда именно в распутицу! Окажись они в таком положении летом, все было бы гораздо проще. Летом по реке могли проезжать охотники, рыбаки, грибники, ягодники. Теперь же, когда Итья-Ах вот-вот должен встать под лед, надеяться на это не приходилось.

Небо постепенно затягивалось, и трудно было определить, отчего становится все темнее: от туч или от того, что заходит солнце. Лучи несли с собой снег. Два-три дня он будет идти такой густой канителью, что ничего не разглядишь в двух шагах; двинет шуга, потом выяснит, ударит мороз — и река встанет. Никто не рискнет сейчас забираться вверх по Итья-Аху на триста километров, не считая еще Ёган-Аха!

Проще дело обстояло бы зимой. Он заготовил бы побольше дров для Ледзинской, а сам за сутки добрался бы на лыжах до юрт Лозямова: у оленеводов есть радиостанция. Сейчас, когда путь преграждали реки, старицы и протоки, непромерзшие болота, нечего было и мечтать об этом.

Надо же было им попасть сюда в такое время!

Он посмотрел еще раз направо: в частину убегала, держась берега, утоптанная тропинка. Такая же тропинка уходила и влево вдоль берега. Цветков только что вернулся оттуда, пробежав вглубь с километр,— ничего заслуживающего внимания там не было. Теперь он размышлял: есть ли смысл сходить еще и направо? Он вздохнул и опять передвинул вперед кобуру.

— Прямо хоть стреляйся,— с какой-то тягучей и, как показалось Цветкову, привычной усталостью сказала Ледзинская. Возможно, она употребила бы слово «вешайся», если бы не постоянные манипуляции участкового с кобурой. Лицо ее было таким же бледным, как и тогда, в вертолете, будто густо присыпанное пудрой.

— Что ты, Оля,— сказал он неуверенно.— Ты уж не паникуй раньше времени. Как-нибудь выберемся...

— Ах, да не об этом я! — перебила она раздраженно, и он удивился.— Тошнит меня, понимаешь?

— Понимаю,— ответил Цветков, ничего на самом деле не понимая.— Есть хочешь?

В портфеле, оставленном в поселке, у него были кое-какие продукты, и лейтенант, вспомнив о них, сам почувствовал, что крепко проголодался.

Ледзинская вздохнула.

— Пошли,— сказала она обычным голосом, и он опять удивился этой переменчивости.

Он достал пачку «Беломора», закурил, потом сдвинул назад кобуру, и они пошли по гусеничному тракту обратно к поселку. Направо по тропе он так и не сходил. Между тем пройди он по этой тропе каких-нибудь двести метров, там открылось бы для него кое-что интересное.

Нет, шлюпки с мотором он бы там сейчас не нашел. Не нашел бы даже обыкновенной лодки или долбленки. Но зато различил бы совсем свежие следы сапог на песчаной косе, рубец — след волока отчалившей шлюпки, не разползшиеся еще окурки на мокром песке и многое другое, что указало бы на присутствие здесь людей не более четырех-пяти часов назад, то есть в то время, когда Цветков и Ледзинская летели уже по направлению к Итья-Аху.

Пройди Цветков по тропе направо, он обнаружил бы грязно-белые цистерны склада ГСМ, возле которого

темнел резко пахнувший еще след разлива горючего, и догадался бы, может, что одна из трасс, прорезающая стену леса с юго-западной стороны урочища, ведет не на плечо лесоповала, как думалось ему раньше, а именно к этому прибрежному складу.

Пока же они брели по гусеничному тракту, оставляя четкие следы на влажном подъягельном песке, и Цветков размышлял о том, каким чудом была бы сейчас для них шлюпка или хотя бы лодка с мотором. На вторые сутки они были бы уже в Ёгане.

Был и другой вариант — без мотора. Самосплавом они добрались бы за три дня до избы Ивана Хорова. Но тут существовала опасность, что Хорова в избе не окажется. Сюда, на сплавучасток, за ними рано или поздно прилетят, а там, если не окажется Хорова, они будут в еще более плачевном положении, нежели сейчас. К тому же была у Цветкова надежда, что сплавконтора все же очухается, сообразит, что в глухой тайге брошены люди, и спасение вот-вот придет; может, уже и сегодня гудят в городе тревожные телефоны, организуя спасательный полет.

Здесь, на тракте, было теплее, чем на берегу, хотя по обочинам, под лиственницами, лежали полоски первого снега, выпавшего, по-видимому, ночью или сегодня утром.

— Есть хочешь, Оля? — спросил участковый.

Она не ответила.

17

«Следователь прокуратуры Хомяков слушает».

«Добрый день. Подполковник Громов из управления».

«Здравствуйте. Я уже интересовался, когда вы прилетите...»

«Вот только что добрался до отдела. Дорога у вас из порта оставляет желать лучшего... Ну, как дела?»

«Работаем. Результаты пока...»

«Простите, перебую вас. Вы ведь, кажется, последний разговаривали с Цветковым?»

«Да».

«Что он вам пояснил насчет пистолета?»

«Ничего».

«Даже намека никакого?»

«Абсолютно».

«Странно...»

«Я не нахожу, что странно. Мы с ним не успели как следует переговорить. Состояние у него было такое, что... Но в общем, я, конечно, сразу обратил внимание на то, что пистолета нет. Ведь кобура-то, когда его нашли, на нем была. И запасная обойма тоже в кобуре...»

«В кармане?»

«Нет, в кобуре».

«Вы меня не поняли. Это отделение на кобуре для запасной обоймы карманом называется».

«А, да-да, в этом самом отделении. Но странно, что обойма неполная, четырех патронов не хватает».

«Да, тут есть над чем подумать...»

«Мы с Пахоменко это обсудили, он говорит, что участковые, бывает, ходят с пустыми кобурами. И будто бы за Цветковым был уже случай, когда он по вызову явился без оружия...»

«Был, действительно...»

«И знаете, я честно скажу: мы долго о пистолете и не рядили. Не до него было. Тут людей нет, а пистолет... Версии две, я думаю: или утонул пистолет или же вытащил кто-то на буровой».

«Над версиями мы с вами еще поработаем. Я вот на завтра планирую пройти весь их путь от сплава участка...»

«На оленях? Так рано еще, кой-где реки не встали, то есть лед еще не совсем...»

«Зачем на оленях? Мы люди современные: на вертолете. Обязательно Хорова разыщем. Он ведь сразу сказал, что лодку взял у Хорова?»

«Да».

«Вот этим, я думаю, нам и придется заняться в ближайшее время».

«Насчет транспорта уже договорились?»

«Аэропорт с большой готовностью предоставляет вертолет. Кстати, как у вас дела с вертолетчиками?»

«Состава преступления пока не усматриваю. В конце концов, Ледзинская сама их отпустила. Судя даже по рапорту».

«Не совсем так, мне кажется. Ведь они ее обманули. Во-вторых, она не задумывалась над тем, есть ли там

люди, и даже разговора об этом не слышала... Впрочем, состава может и не быть...»

«Но гражданином быть обязан?»

«Совершенно верно. Поэтому я посоветовал бы вам, если позволите, довести дело до конца. Далее. В рапорте указано о каком-то сообщении для БХСС. Об этом не думали?»

«Думал. Видно, что-то Хоров ему рассказал. В общем, теперь все дело в Хорова упирается. Я уже сам собирался его разыскивать. Добираться к нему трудно».

«Ничего, доберемся. В связи с пропажей пистолета это просто необходимо».

«Да. Я, пожалуй, тоже с вами полечу».

«Я бы вам предложил иной вариант. У нас ведь один сотрудник работает в Кедровом среди рабочих сплавучастка, другой — на буровой. Так вот, я считаю, что вам лучше здесь оставаться, координировать наши действия, а то мы и так все разбросаны... У вас ведь не только пистолет, а все в целом, вплоть до морали. Так что оставайтесь, а мы слетаем. Полечу со следователем, Антонова знаете?»

«Да, конечно».

«Вот мы с ним все хорошенько постараемся разведать. И протокол осмотра напишем, если понадобится. А вы, чтоб дело выглядело постройнее, можете оформить это нам, как отдельное поручение...»

«Видите ли, дела-то, собственно, еще и нет. Я пока не возбудил...»

«Не возбудили?! Впрочем, извините, что удивляюсь, вам виднее...»

18

Когда вступили в урочище по тракту, идущему от берега, поселок открылся весь как на ладони. Большой дощатый гараж был по ту сторону балков, заслоня собой только один из них, стоящий на отшибе.

Тракт, выйдя к урочищу, пересекал поселок не прямо, а сворачивал влево, потом вправо, образуя зигзаг и отсекая один балок с юго-восточной стороны поселка. Сделано это было, видно, не без умысла: если бы тяжелые трелевочные машины ходили прямо через поселок, то они — даже при слабом ветре — беспрестанно осыпали бы песком людей и строения, а главное —

стоящий под навесом двигатель электростанции, который при таких условиях эксплуатации быстро бы вышел из строя. Грязно-белый подъягельный песок покрывал, как в пустыне, все пространства урочища.

Цветкову пришло на ум, что тот, отрезанный трактором, одинокий балок они так и не осмотрели. Да, он припомнил: они добрались до песчаной дороги, намеченной двумя вдавленными ребристыми колеями, и, не пересекая ее, повернули к берегу. Там же, в том месте, где они вышли к дороге, оставили пальто и портфели.

Внешне балок ничем не отличался от других, разве что своим расположением, и Цветков не рассчитывал найти здесь что-либо особенное. Привлекала одна деталь: дверь была приперта колом. Это, конечно, ровно ни о чем не говорило. Есть люди, настолько приученные или приучившие себя к порядку, что, даже покидая жилье навсегда, они приберут все внутри, а потом аккуратно прикроют за собой дверь. Цветков не волновался, как прежде, когда они бежали к балку с антенной, но что-то подхлестывало его осмотреть жилье. Пусть даже лишняя корка хлеба окажется, в их положении и это немало.

Подойдя ближе, он различил следы перед дверью. Следов, конечно, по всему поселку было видимо-невидимо, но почти все они были размазаны дождем или ветром; здесь же, перед дверью, следы сапог были резкие, с четким рисунком подошвы. Это могло, разумеется, оказаться случайностью: мало ли почему лучше сохранились следы, но гадать нужды не было — вот он, сам балок.

Цветков отбросил в сторону кол, отворил дверь и вошел. Его бросило в пот. Балок был обитаем. Еще не успев осознать все как следует, оценить неповторимый запах жилого помещения, он почти бессознательно, по привычке, выработанной жизнью в урмане, наклонился и тронул ладонью бок железной печки. Она была теплая. Тревога охватила лейтенанта Цветкова.

«Старший следователь прокуратуры младший юрист Хомянов взял объяснение у Истомина Константина Яковлевича, 1949 года рождения, уроженца г. Ханты-

Мансийска, проживающего по ул. Авиаторов, 3, кв. 8, русского, члена ВЛКСМ, второго пилота Ми-4, несудимого».

«По существу заданных мне вопросов поясняю, что 10 октября 197... года наш вертолет 02296 с утра был отправлен на 119-ю буровую со сменной вахтой. Когда мы возвращались обратно, командир Кобенков сказал мне, что на сегодня осталось только отвезти взрывчатку в партию Читашвили. Я возразил, что это уж куда пошлют, наперед не угадаешь, но Кобенков сказал, что точно: сам Читашвили в порту, и вертолета он добьется, не такой, дескать, это человек, чтобы уйти ни с чем. Однако в ЦДА, когда мы туда пришли, кроме Читашвили, старшего диспетчера Карелиной, экспедитора Молокова и начштаба ОАО¹ Савостина, были еще младший лейтенант милиции и красивая женщина в зеленом пальто-джерси, тоже, как я понял, сотрудник милиции. Савостин объявил нам, что полетим не в партию, а с милицией на Итья-Ах. Кобенков посмотрел на Читашвили, но тот неопределенно развел руками, затем повернулся и вообще вышел, что было на него совершенно непохоже, когда ему нужен был вертолет. Но на сей раз ситуация, видно, была сложнее, чем мы предполагали. «В какое место на Итья-Ах?» — спросил командир. — «На сплавучасток Кедровского отделения», — ответила женщина-милиционер. — «Никаких сплавучастков я там не знаю, — отрезал командир, мрачно глядя на нее. — На карте можете показать?» — «Нет, — сказала женщина, — но с нами полетит представитель сплавной конторы. Он знает... Пойдем, Валя, — обратилась она к младшему лейтенанту, — нужно ему позвонить». — Они вышли. «Ничего себе — Итья-Ах! — сказал Кобенков. — Не успеем обернуться, Борис Петрович!» — «Успеешь, — ответил Савостин, — ты человек опытный». — «Как же успеем: пока соберемся, да вылетим, да участок найдем...» — «В крайнем случае, заночуете в Ёгане, — сказал Савостин. — Запросишь оттуда, если не уложишься, я тебе разрешу». Он собрался уже уходить, но Кобенков его окликнул: «Борис Петрович! Давайте я лучше ВВ отвезу Читашвили!» — «Ладно, прекращай торговать»

¹ Объединенный авиаотряд, т. е. отряд, включающий самолеты и вертолеты.

ся,— сказал Савостин,— не на базаре. Куда приказывают, туда и полетишь. Распустились, понимаешь, никакой дисциплины».— «А там как? — спросил Кобенков.— Сбросить их и обратно?» — «Там — глядя по обстановке,— ответил начштаба.— Если следователь скажет, что работы на полчаса, то подождешь, чтобы завтра не гнать машину». После этого он ушел окончательно, и тут вошли женщина и младший лейтенант. «Минут через сорок будет здесь,— сказала женщина.— Выезжает уже...» — «Кто?» — спросил Кобенков. «Береженцев, представитель сплавконторы...» — «Как? — вскричал Кобенков.— Так его еще и ждать?! Ну, знаете!..» — «Командир, пошли покамест пообедаем...» — заикнулся было я, но он поглядел на меня, как на пустое место, и отвернулся. Тут необходимо пояснить следующее. Дело в том, что в столовую мы действительно не собирались, так как Кобенков при возвращении с буровой сообщил мне, что пообедаем в полевом отряде: Читашвили якобы хвастался, что его ребята подстрелили медведя, и обещал накормить нас котлетами. Но теперь, когда ситуация изменилась, я справедливо полагал, что нужно сходить в столовую. Тут, видя недовольство Кобенкова, вступил в разговор младший лейтенант. «Я приблизительно знаю, где это,— сказал он.— Найти-то легко...» — «Знаешь? — сказал Кобенков.— Ну, и поехали тогда, нечего там ждать...» После этого я пошел оформить полетную документацию, а Кобенков зашел в отдел перевозок к Карелиной. С какой целью, ответить не могу. Потом мы сразу пошли на летное поле, так и не пообедав. Женщина и младший лейтенант ждали нас на перроне, и с ними же был бортмеханик Букреев. Мы все пошли к машине. Кобенков шагал быстро, женщине было трудно поспевать за ним по грязи, поэтому мы с ним ушли вперед, а Букреев ради приличия шел рядом с женщиной и младшим лейтенантом. «Командир,— спросил я, когда мы ушли далеко вперед и милиционеры не могли нас слышать,— ты чего такой квелый?» — «А ну их к черту,— ответил он,— этих милиционеров! Жена у меня сегодня прилетает, а ее тут встретят без меня и наговорят с три короба! Погорю из-за шлюхи!» Поясняя, что шлюхой он назвал Карелину, хотя лично я с этим совершенно не согласен. Девчонка потеряла голову, с кем не бывает. Тем более, что Кобенков парень видный и пилот классный. «Надо было тебе отгул сегодня взять», — сказал я.

«Какой к черту отгул, утром только сегодня узнал, что прилетает. И вообще неудобно отпрашиваться: нашелся, скажут, примерный муж! Меня уж замполит вызывал по этому вопросу. Читашвили тоже сволочь порядочная! — продолжал он.— С утра ему, видишь ли, борт! Все выгадывают, а ты тут крутись как хочешь! То бы слетали к нему и вечером, железно, дома. А теперь неизвестно когда вернешься!» Мы влезли в кабину, потом подошли остальные, Букреев задраился, и командир запросил запуск. Мы совсем уж размотались, когда я увидел на летном поле экспедитора связи с мешком. «Командир! — сказал я.— Погоди взлетать, Молоков бежит». Он глянул в ту сторону и выразился в том смысле, что ну его... И мы улетели. «Они вообще обнаглели, эти геофизики! — продолжал ругаться в пути Кобенков.— В порт являются, как в свою контору! Нефть, газ! Все нефтью прикрываются, а ты тут лезь из кожи!» Когда мы сели в Ёгане, к нам подбежала работница местного отделения связи, зовут ее Клава, фамилии не знаю: она заругалась, что мы пришли без почты, но Кобенков сказал, чтоб она не вякала, так как мы идем не из города. После заправки мы посоветовались с младшим лейтенантом, и он показал нам на карте, где, по его мнению, должен находиться сплавучасток. Я поинтересовался, бывал ли он сам там хоть раз. Младший лейтенант ответил, что вообще-то в тех местах бывал, но еще до того, как был введен сплавучасток, то есть на сплавучастке он практически не был. Из Ёгана мы вышли строго на Север в 14 часов 20 минут Москвы. Через 25 минут были у устья Итья-Аха, а затем пошли на северо-северо-запад. Сплавучастка нигде не было. «Зови лейтенанта»,— приказал командир бортмеханику Букрееву по внутреннему переговорному устройству. Тот спустился в грузовой отсек, но что-то там замешкался. «Ну, скоро ты там?» — закричал Кобенков.— «Командир, тут с женщиной плохо...» — «Ну вот ты ею и займись, а он пусть идет сюда!» — «Тогда мне от связи придется отключиться...» — «Отключайся!» С помощью младшего лейтенанта мы нашли сплавучасток минут через сорок. «Как считаешь, обратно успеваем?» — спросил у меня командир. «Если сейчас же развернуться, то впритирочку успеваем,— ответил я,— ветер попутный». Кобенков согласно кивнул. «А почему в поселке никого нет?» — спросил младший лейтенант. «Да они сейчас на работе! — ответил Кобенков.— Вечером

явятся!» После приземления младший лейтенант сказал, что сейчас сходит в поселок и узнает, что там случилось, но командир ответил, что ждать мы не можем, нам некогда, и мы улетели. Это все, что я знаю по данному вопросу.

Следователь: Младший лейтенант сразу согласился с тем, чтобы вы улетели?

Истомин: Нет. Они еще спорили с командиром. Младший лейтенант сказал, чтобы мы подождали, но командир заявил, что с утра наша машина встает на форму и нам обязательно нужно вернуться вечером в порт. Он также добавил, что мы получили на этот счет указания начальства. После этого женщина-милиционер нас отпустила. На обратном пути я сказал Кобенкову, что они могут проверить, ведь форму-то мы уже прошли. «Будут они проверять! — сказал Кобенков. — Им с преступниками дел хватает, не до нас, грешных!» В порт мы пришли за четыре минуты до захода.

Следователь: Вы допускали, что в поселке может не оказаться людей?

Истомин: Не могу ответить на этот вопрос. Дело в том, что над поселком мы долго не кружили, так как на посадочной площадке были видны следы посадки вертолета Ми-6. Уж коли он сел, то мы и по-давно.

Следователь: Вы были уверены в том, что это тот самый поселок, в который вам было приказано доставить сотрудников милиции?

Истомин: С одной стороны, других там быть не должно. А вообще-то, конечно, на нем не написано. Нужно было увидеть кого-то из сплавщиков и узнать точно. Я теперь думаю, что нельзя было так улетать.

Следователь: И все-таки вы улетели?

Истомин: Да. Но лично я тут ни при чем. У нас дисциплина. Что командир прикажет, то и делаем. Сказал, поехали, значит, поехали. Кроме того, женщина-милиционер нас ведь отпустила.

Следователь: Но перед этим вы ее обманули, что вам необходимо явиться на техническое обслуживание?

Истомин: Я лично не обманывал.

Следователь: Обманывал Кобенков. Но он делал это при вас. Почему же вы не напомнили ему о дисциплине или хотя бы об элементарной порядочности?

Истомин: Я растерялся и не мог сообразить, что к чему. Это же все происходило в считанные минуты. И потом, если бы младший лейтенант захотел, он в этой ситуации имел полное право задержать вертолет, я так считаю. Машина зафрахтована сплавной конторой. Представителя их нет. Значит, фактически милиционеры и должны были решать, лететь нам или ждать. И если они не смогли распорядиться, то что может сделать второй пилот?..»

20

Тревога охватила его сразу, в то самое мгновение, когда он убедился, что жилье обитаемо. Единственно объяснимая, успокаивающая и даже ободряющая версия: «Сторож!» — отпадала по многим, вполне бесспорным причинам.

Во-первых, жил здесь не один человек, а, по меньшей мере, трое. Балок был рассчитан на четверых. Одни нары были завалены разным хламом, но на трех остальных лежало по два матраца, а также по вороху тряпья в головах; верхним матрацем, видно, укрывались вместо одеяла. На столе стояли три невымытые после ухи миски и три кружки с остатками чая. Трех сторожей никто оставлять не будет. К чему это посреди глухого урмана, где и один-то сторож — пустая формальность? Зимой в поселок могут зайти охотники, но вряд ли они станут красть трактора и запчасти.

Во-вторых, что особенно поразило Цветкова, был здесь редкий для таежного жилья беспорядок. Цветков по долгу службы не раз бывал на лесоучастках, в геологических, геофизических и лесостроительных партиях, на зимовьях охотников, и знал, что в тайге самый последний разгильдяй становится приверженцем порядка. Может, рабочий коллектив так на него действует, но, может, и сам чувствует человек, что стоит хоть в чем-то опуститься: бросить в палатке окурок, не вымыть после обеда миску — цепная реакция неустроенного быта, раздражительности, тоски явится незамедлительно, и уже не выдержать других, более серьезных испытаний, которые ожидают в тайге. Лейтенант с тревожным недоумением глядел на грязную посуду, на разбросанные по столу рыбы кости и рассыпанную соль.

На матрацах, усеянных песком (видно, ложились прямо в сапогах), валялись грязные портянки и провонявшие рыбой вещевые мешки. На незанятых нарах был разный хлам: куски проволоки, обрывки веревок, свечи зажигания, пачки из-под папирос, стреляные гильзы, ржавые монтировки, окурки, консервные банки. О том, чтобы мели пол, не было и намека, хотя в углу стояла метла, принадлежавшая, вероятно, прежним жильцам — рабочим сплава участка. Прежним. Кто же нынешние?..

В-третьих, не было здесь продуктов. Вернее, лежали на столе пакет с быстрорастворимым сахаром и початая пачка чая. Чай хороший, отметил про себя лейтенант, — «Краснодарский». Конечно, продукты могли храниться где-нибудь в лабазе, но вряд ли: зачем строить лабаз, когда вокруг столько пустых балков — в любом устраивай склад; а все балки (теперь-то уж все!) Цветков и Ледзинская осмотрели.

Кто же живет в балке? Где они сейчас находятся? Слышали ли они шум вертолета? Если слышали, то почему не возвращаются в поселок? Нет ли у них причин скрываться? В таком случае, не находятся ли они сейчас вблизи поселка, опасаясь появиться на глаза людям в милицейской форме, и не наблюдают ли сейчас из-за укрытия?

Уж не являются ли отсутствующие обитатели балка преступниками, укрывающимися от правосудия?

Размышляя над этими вопросами, не забывал лейтенант Цветков и о служебном долге, ибо если люди эти являются преступниками, то с ними необходимо поступить по закону, то есть задержать. Что с ними, задержанными, потом делать, как отконвоировать в отдел, — он пока не знал. Но задержать преступников он обязан в любом случае.

— Куда же они ушли? — спросила Ледзинская.

— Не знаю, — ответил Цветков, решив пока не делиться своими сомнениями. — К вечеру, может, воротятся.

Он приподнял крышку закопченной эмалированной кастрюли, стоявшей на плите. Оттуда шел вкусный запах вареной щуки, но ухи было совсем на донышке.

Он еще раз потрогал печку и попытался прикинуть, когда здесь были люди. Печь была сварена из толстого листового железа и поставлена на кирпичный фундамент — тепло сохраняла долго. Следовательно, ушли от-

сюда четыре-пять часов назад. Но, может, и позже: смотря сколько топили.

— Есть как хочется,— сказала Ледзинская.

Цветков раскрыл свой портфель, сдвинул в сторону грязные миски, достал круг колбасы, хлеб, штук пять бледных, доспевавших на подоконнике помидоров, бутылку кефира и две луковицы. Ледзинская, порывшись в своем портфеле, извлекла два яблока и горсть шоколадных конфет. Цветков усмехнулся. Правда, летели они на сплавной участок с рабочей столовой, но все равно: лететь в тайгу с одними яблоками и конфетами... Он нарезал хлеб, колбасу и сказал:

— Ешь.

О том, что нужно, быть может, опасаться отсутствующих жильцов, он не думал: если те и наблюдают сейчас из-за укрытия, то пусть убедятся, что где бы то ни было, хозяин положения — работник милиции, а не преступник. И никак не иначе.

Он встал из-за стола.

— Ты куда? — спросила Ледзинская, перестав жевать.

— Ты ешь-ешь,— сказал Цветков.— Я пойду дровец занесу, чайник надо поставить.

Он передвинул вперед кобуру и, достав из-под нар топор, который приметил загодя, открыл дверь. В первую секунду он не обратил внимания на звук, донесшийся со стороны реки. Потом звук как бы прорезался. Одним прыжком лейтенант выскочил за дверь и прислушался. Звук усилился.

— Ольга! — крикнул участковый.

Она выбежала из балка.

Теперь они вслушивались вдвоем. Сомнений не было: по Итья-Аху шла моторная лодка. Бросив все, не разбирая дороги, они побежали к реке.

21

«Город! Город!»

«Слушаю тебя, Ёган!»

«Дежурненькая, дай-ка мне следователя городской прокуратуры, срочно!»

«Номер говори, Ёган!»

«Дежурненькая, ты глянь там сама, заказчик не

знает, а у меня новых нет еще номеров, вы же там поменяли все...»

«Вечно с вами деревенскими... Какого тебе следователя?.. Их тут два в прокуратуре. И оба старшие... Любого?»

«Погоди, спрошу у заказчика... Дежурненькая!»

«Ну?»

«Следователя Хомякова! Хо-мя-ко-ва!»

«Соединяю. Запиши себе номер, чтоб наперед знала: тридцать семь девятнадцать».

«Тридцать се-е-емь девятнадцать. Записала».

«Алло, прокуратура? Кто у телефона?»

«Хомяков».

«Ответьте Ёгану. Говорите, Ёган!»

«Кто?»

«Хомяков!»

«Громов говорит из Ёгана! Как меня слышите, Сергей Дмитриевич?»

«Отлично слышу, Виталий Степанович! Что у вас нового?»

«Вот только что прилетели со сплава участка! Детально все осмотрели, есть важная находка! Хорошо меня слышите?»

«Да-да, слышу отлично!»

«В поселке сплавного участка, на берегу, обнаружены три стреляные гильзы! Стреляные гильзы от пистолета Макарова! Три! Поняли меня?»

«Да! Понял! Гильзы! Где вы их нашли?»

«На берегу!»

«На берегу? Но ведь там теперь снег?»

«Одну нашли на пеньке, в щель удачно попала, так что снегом не занесло, а две другие специально уже искали, отгребали осторожно! Все три разыскали быстро, рядом были!»

«Четвертую не нашли?»

«Что четвертую?»

«Четвертую гильзу! В обойме ведь четырех патронов не хватает!»

«А-а, да нет! По-видимому, три выстрела и было! После третьего выстрела четвертый патрон подается в патронник. После третьего выстрела сменил обойму на полную — и в пистолете оказалось девять патронов, а в той не хватает четыре! Ясно?»

«Да! Ясно! Как-то не успел сразу сообразить. Но в кого же он стрелял-то?»

«Вот этого пока не знаем! Я думаю, нужно запросить аэропорт: может, там в то время самолеты-вертолеты проходили?.. Очень часто в таких случаях стреляют, хотя почти всегда бесполезно».

«Ясно, запрошу. Как же я сам-то эти гильзы не нашел?..»

«Ничего страшного. Мы ведь с самого начала следы пистолета искали, а вы тогда еще не знали, что пистолет у него был с собой... В общем, теперь все дело в Хорова упирается. Сегодня уже времени не хватило его разыскать. Он из летней избы уже откочевал. Завтра полетим на розыски...»

22

Песок шуршал под ногами; изредка, с сухим треском, ломались под каблуками сучья, когда Цветков и Ледзинская, спрямляя путь, выбегали на обочину гусеничного тракта. Пытаясь на ходу определить, откуда — сверху или снизу — идет моторная лодка, лейтенант ни на секунду не связывал ее с обнаруженным жилым балком: запущенное жилье никак не соответствовало солидному гулу мощного мотора.

— Как бы... не проскочили... — задыхаясь, выговорила на бегу Ледзинская. — Ты... Валя... беги... не жди.:

Он и без того уже вырвался вперед.

Даже и знай лейтенант этот участок реки, как пять своих пальцев, вряд ли он сумел бы сейчас угадать, откуда идет моторка. Плёсы, высокие берега, поймы, боры, рощи и старицы создавали столь сложную акустику, что нечего было и думать наверняка определить направление. Логичнее было, пожалуй, предположить, что идет все-таки сверху: возвращаются припозднившиеся городские охотники. Но мог, в крайнем случае, оказаться и ёганский охотник-профессионал, задержавшийся почему-либо в деревне и вынужденный теперь, несмотря ни на что, пробираться вверх на зимовку готовить путики¹.

Участкового инспектора больше бы устроило, если б лодка шла сверху: уже послезавтра, заночевав по пути

¹ Путик — охотничья тропа, вдоль которой расставляются капканы.

в хоровской избе, они были бы в Ёгане. Но на худой конец годился и ёганский охотник. Добрались бы с ним до юрт Лозямова, а там по рации связались бы с городом. Последний вариант, кроме затяжки времени, неудобен был еще и тем, что лодка промысловика наверняка окажется перегруженной снастями и припасами и придется либо оставлять часть груза на участке, либо просить охотника, чтобы тот, прибыв в юрты, радировал в город.

Впрочем, теперь самым важным было задержать лодку.

Они бежали по тракту: Цветков впереди, Ледзинская — значительно отстав, бежали, почти уверовав в свое скорое избавление. Но в тот момент, когда Цветков выскочил на берег и остановился, переводя дух, гул мотора начал вдруг удаляться. Это было настолько неожиданно, что лейтенант не поверил своим ушам. Он придержал рвущееся дыхание и вслушался, оцепенев от напряжения... Гул удалялся!..

Если б вдруг там, на лодке, резко сбросили газ, если б даже вообще мотор заглох, этому можно было бы найти разумное объяснение: на пониженной скорости обходят крутой плёс, пристали к берегу, заметив в бору глухаря, меняют бак с бензином, все что угодно!.. Но удаляться!.. Уходить на ровно работающем моторе!.. Это в голове не укладывалось.

Неужели проскочили?.. Но когда? Когда успели?!

Не могли проскочить. Не могли! Но гул удалялся. Это было так же верно, как и то, что проскочить не могли, и Цветков, зная почти наверняка, что это ни к чему не приведет, выхватил пистолет и трижды — бах! бах! бах! — выстрелил вверх.

Две гильзы звякнули о прибрежную гальку, а третья с глухим деревянным стуком упала куда-то дальше, возможно, на стоящий справа от участка пень.

— Что... Валя?..

Он не ответил, нетерпеливо отмахнувшись и стараясь уловить хоть малейшее изменение в режиме работы удалявшегося мотора (пожалуй, это был «Вихрь»), но изменений никаких не было. Двигатель ревел все так же мощно, но он удалялся. Конечно, сидящие в лодке с ревущим двигателем не слышали выстрелов и не могли их слышать. Все еще продолжая сжимать в правой руке пистолет, Цветков медленно снял фуражку и рукавом

вытер со лба пот. Потом сунул пистолет в кобуру и посмотрел на Ледзинскую. Шум мотора к этому времени почти совсем стих.

— Что, Валя? — опять спросила Ледзинская, наконец, отдышавшись. — Может, это самолет?

— Что?

— Может, это самолет был?

— Нет. Непохоже. Похоже на «Вихрь».

— «Вихрь»? Так, может, он краденый?

Цветков пожал плечами, хотя сам подумал то же самое. Угон лодочных моторов составлял, пожалуй, две трети всех летних краж, зарегистрированных в Книге происшествий. Хозяева лодочных моторов, несмотря на многочисленные предупреждения — лично, через газету и по местному радиовещанию, несмотря на существование лодочной станции со сторожем, где краж никогда не случалось, несмотря, наконец, на горький опыт многих владельцев, — продолжали оставлять лодки с моторами по всему берегу. Старший инспектор группы профилактики, полтора года добивавшийся создания лодочной станции, говорил, что напрасно убил время на хождения из горсовета в ОСВОД, из ОСВОДа — в общество рыбаков и охотников, оттуда опять в горсовет и далее по тому же кругу. Воровали в основном мальчишки, без злого умысла — прокатиться, и такие моторы, как правило, находили, а мальчишек брали на учет. Но крали и взрослые — на запчасти или для продажи в глухую деревеньку — с этими было труднее. Несколько «Вихрей», «Нептунов» и «Ветерков» до сих пор находилось в розыске, и каждый сотрудник ГРОВД имел ориентировку с перечисленными в ней номерами и приметами двигателей. Цветков обрадовался, что ориентировка при нем. Он достал бумажку из внутреннего кармана и бережно разгладил ладонью, но через секунду с досадой затолкал обратно: сейчас она ничем помочь не могла. Казалось, он понял теперь, что означает этот сперва приблизившийся, а затем удалившийся гул мотора. «Вихрь» — краденый. Какие-то ухарцы — скорее всего, подростки — убрались подальше от глаз и раскатывают, уверенные в том, что здесь-то их не поймут. То, что подростки забрались так далеко, лейтенанта не смущало: иных задерживали и подальше.

Но если это преступники, то вряд ли они причалят, заметив на берегу людей в милицейской форме.

Как их задержать?

Стрелять нельзя — это совершенно ясно. Тогда что же остается? Перегородить реку? Но как? Чем? Будь достаточно времени, он бы что-нибудь придумал. Связал бы, например, узкий — в два-три бревна — плот и перегородил бы речку перед каким-нибудь неожиданным поворотом, где развернуться, заметив плот, уже невозможно. Но сколько впереди времени? Может, вся ночь, а может, — только полчаса: вдруг опять поедут сюда?

В том, что преступники должны обязательно, в конце концов, поехать вниз, он не сомневался. Все время вверх по Итья-Аху идти бесполезно. Это значит — в никуда. Что же делать? Что делать? Как остановить шлюпку?..

А может... может, это и не преступники, подумал Цветков. Может, просто от Лозямова кто-нибудь спустился — за тем же лосем: убили, будучи пешими, а потом поехали на лодке за мясом. Тогда еще хуже. Все пропало... Нет... Все же преступники. Не может быть, чтобы в балке были одни преступники, а в лодке — другие. Что тут — на каждое болото по преступнику?..

Не лучше ли вообще уйти с берега и сделать засаду у балка? Или здесь же укрыться в зарослях? Во всяком случае, вдвоем с берега уходить нельзя. Вдруг те, что в лодке, не будут ночевать сегодня в поселке, а проедут вниз, сколько смогут, и заночуют в лесу?

Как остановить лодку?..

Нужно послать Ледзинскую за веревкой, старался как можно спокойнее рассуждать Цветков. Должна же быть в поселке веревка? Или еще лучше — тонкий стальной трос. В гараже! В гараже много тросов, на тракторах и так валяются по углам. Он переплывет на ту сторону и натянет трос низко над водой, прямо по поверхности. «Вихрь» ткнется и заглохнет, а в это время Цветков и закричит: «А ну правь к берегу — стреляю!» При работающем моторе кричать бесполезно, а тут — растерянность, шок, испуг, неожиданность — должно подействовать. Прятаться он не будет. Вначале просто помашет, чтоб пристали. Если в лодке окажутся честные люди, они причалят к берегу и не наткнутся на трос.

Нужно послать в поселок Ледзинскую. Самому уходить нельзя.

— Ольга! — возбужденно сказал участковый, разы-

скивая глазами на противоположном берегу подходящую лиственницу, об которую можно было бы обмотнуть трос, будто тот лежал уже в ногах, и дело было решенное, оставалось только раздеться и плыть на ту сторону.— Ольга!..

Ледзинская молча отмахнулась от участкового, как от комара, а сама, вытянув шею, всматривалась в левый мыс, из-за которого стремительно шла черная вода Итья-Аха. Участковый напряг слух и сразу уловил тихий, но нарастающий с каждой секундой гул лодочного мотора.

23

Теперь они вдвоем смотрели в ту сторону, смотрели, вытянув шеи, будто можно было заглянуть за мыс и увидеть приближающуюся лодку или шлюпку. Они молчали, точно боясь заглушить все более нарастающий уже и не гул, а рев «Вихря», идущего на средних оборотах. На полных по Итья-Аху идти опасно: плёсы слишком круты, а фарватер, хоть и составляет почти всю ширину реки, узок.

Несмотря на то, что о коварстве таежной акустики Цветков знал достаточно хорошо, он был поражен, определив направление гула: казалось, что моторка идет снизу. Но ведь тогда, когда они слышали ее в первый раз, казалось, что она движется сверху! Они смотрели тогда в сторону правого мыса, а теперь смотрят на левый!..

Рев, наконец, так возрос, что они не побоялись заговорить.

— Сюда? — спросила Ледзинская.

Он кивнул.

— Остановим, да, Валя?

— Конечно,— ответил он, позабыв сразу обо всех своих опасениях, что лодка и мотор, скорее всего, краденые.— Как не остановим!

— Эта та же самая?

Значит, и она заметила, что направление гула изменилось! Он снова кивнул, вначале просто так, механически, потом подумал и сказал:

— Видимо.

— А почему же она с другой стороны идет?

— Да это не с другой. Река петляет сильно, потому

и кажется, что с другой. Потому и шум мотора пропал: большую петлю огибали.

— Все ясно! — весело сказала Ледзинская. — А зачем ты тогда стрелял?

— Послезавтра уже в Ёгане будем, — невпопад ответил Цветков. — Переночуем по пути у Хорова. Поглядишь, как живут охотники-ханты.

— А я уже видела! — быстро сказала она, чтобы показать, что стрельбой вовсе не интересуется и вообще про нее забыла. — Я в поселок... В Пырью летала по краже, так видела. Помнишь, там в магазине была кража?..

— Да что ты видела! — оживился лейтенант. — Ты видела в деревне, там они ничем от русских не отличаются, а я тебе покажу настоящую охотничью избушку со шкарами, со всем этим...

Он осекся. Рев мотора начал вдруг уменьшаться, но оказалось, что просто плавно убрали газ — видимо, на повороте, и через несколько секунд мотор заревел с удвоенной силой. Гул постепенно смещался к правому мысу: лодка шла все-таки сверху! Они опять замолчали, глядя в сторону мыса, откуда вот-вот уже должна была появиться лодка. Цветков, будто сам в ней находился, в который раз мысленно убирал газ, чтобы не вылететь со всего ходу на берег или не черпнуть забортной воды на крутом повороте. Но те, в лодке или в шлюпке, видно, ничуть этого не боялись, и мотор продолжал реветь с прежней силой. Эта последняя минута тянулась необыкновенно долго, и вот, когда уже не было никаких сил слышать рев «Вихря» и не видеть лодки, мотор неожиданно смолк.

В наступившей тишине отчетливо слышен был слабый плеск воды, бившейся о корягу под берегом.

Цветков обернулся, увидел изумленные, испуганные глаза Ледзинской и, не говоря ни слова, быстро пошел по тропе вдоль берега. Лодка, по его подсчетам, пристала не далее полукилометра, то есть сразу за мысом. Он не оглядывался, идет ли за ним Ледзинская, не слышал и шума ее шагов. Пройдя метров пятьдесят, лейтенант не выдержал, прибавил шагу, а потом и побежал, придерживая кобуру.

Тропа, на его счастье, все время вела по кромке берега, ни на шаг не уводя в прибрежную частину, иначе ему пришлось бы продираться сквозь кусты, чтобы не проскочить мимо причалившей лодки. Он знал, что

нельзя ни на секунду упускать из виду кромку берега. Он бежал и бежал, и когда углубился уже метров на сто пятьдесят, ему вдруг почудилось, что он проскочил.

Это было опасно. Лодка могла вновь отчалить. Так и не увидев лейтенанта Цветкова, люди в ней ушли бы навсегда. Неизвестно, зачем они пристали к берегу: может, понадобилось просто перекинуть шланг из пустого бака в полный. Дело двух минут. И, может, они вовсе и не причаливали, а качаются сейчас посреди реки и через секунду дернут стартер.

Он остановился. По лицу, щипля глаза, бежал липкий пот. Еще раз мысленно окинул всю дорогу от того места, где они стояли с Ледзинской. Понял, что проскочить не мог: все время видел кромку черной воды Итья-Аха. Лейтенант приказал себе успокоиться, несколько раз глубоко вздохнул и, резко, как на стометровке, взяв с места, бросился вперед по тропе. Вскоре в частине показался просвет, и Цветков решил, что добрался уже до мыса, но, пробежав еще немного, выскочил на кручу берега, где река буквой Г сворачивала вправо, а до мыса оставалось почти столько же, сколько он уже пробежал: вода скрадывала расстояние.

Впрочем, мыс Цветкова больше не интересовал.

Сразу под кручей, с которой он чуть было не загремел, расстилалась песчаная отмель, и на ней, возле вытасенной наполовину из воды серо-голубой шлюпки, стояли люди, с которыми участковый инспектор меньше всего ожидал сейчас встретиться. Первое, что бросалось в глаза, были, пожалуй, и не люди, а огромная лосиная голова с рогами на носу шлюпки, и уже на фоне этой головы — люди.

Браконьеры.

Они стояли все трое с ружьями наперевес и смотрели на человека в милицейской форме; расстояние между ними и лейтенантом Цветковым было не более тридцати — тридцати пяти метров: самая оптимальная дистанция, на которой убойная сила ружья считается наилучшей.

24

«Старший следователь прокуратуры младший юрист Хомяков взял объяснение у Букреева Игоря Афанасьевича, 1950 года рождения, уроженца г. Семипалатинска,

проживающего по ул. Мира, 92 (общезитие пилотов), русского, члена ВЛКСМ, бортмеханика Ми-4, несудимого».

«По существу заданных мне вопросов поясняю, что о разговоре, который происходил в ЦДА 10 октября 197... года после нашего возвращения со 119-й буровой, ничего не знаю, так как в ЦДА не заходил и члены экипажа мне ничего о нем не рассказывали. Подробностей розыска Итья-Ахского сплава участка также сообщить не могу, так как в то время, когда начался собственно розыск, я отключился от переговорного устройства и взял на себя заботу по уходу за женщиной-лейтенантом, а мое место в люке пилотской кабины занял младший лейтенант. Ничего не могу сообщить и о том разговоре, который состоялся между командиром и сотрудниками милиции, так как в то время, когда они разговаривали, я проверял техническое состояние вертолета.

В заключение хочу сказать, что командир Кобенков не мог бросить людей в тайге. Во всем виноваты руководители сплавной конторы: не знали, что участок уже оставлен сплавщиками, и даже представителя своего не послали. Я больше ничего не знаю.

Следователь: Если вы не слышали полностью разговора на посадочной площадке Итья-Аха, то, может быть, слышали какую-то его часть или отдельные реплики?

Букреев: Часть разговора слышал. Когда командир и второй пилот направились к машине, младший лейтенант спросил: «А ночью вы имеете право летать?», на что командир ответил, что не имеет.

Следователь: Но ведь Кобенков имеет допуск к ночному полету. Как вы думаете, почему он солгал младшему лейтенанту?

Букреев: Я считаю, что он не солгал. Допуск не означает, что пилот, имеющий его, может летать по ночам, когда ему вздумается. Ночные полеты на вертолетах производятся редко, с разрешения командования и только по санзаданию или в каких-либо еще исключительных случаях. Так что, считаю, Кобенков просто покороче выразился, чтоб долго не объяснять, а по существу он был прав...»

Так они стояли некоторое время — трое с ружьями наперевес внизу, на песчаной косе подле шлюпки, а лейтенант Цветков — красный, потный, запыхавшийся, — сверху, на круче берега; стояли и смотрели друг на друга. Вряд ли молчание продолжалось слишком долго, хотя Цветкову (а может, и тем троим тоже) оно показалось вечностью; и вряд ли участковый инспектор испытывал сейчас страх, но что-то удерживало его спуститься немедленно с кручи и подойти к троим.

Испытывать страх он не мог, и не потому, что обладал от рождения какой-то особой, нечеловеческой храбростью, нет, он был обычный человек, а потому, что и в самом дурном сне не мог себе вообразить, чтобы здесь, на этих сорока трех тысячах квадратных километров, вверенных ему по милицейской линии под персональную ответственность, он оказался в ситуации, где пришлось бы, прежде чем что-либо предпринять, подумать о собственной безопасности. Конечно, он отдавал себе отчет в том, что не застрахован от какой-либо слепой случайности: ножа хулигана или браконьерского выстрела, но это входило уже в особенности профессии, которая по самой своей сущности исключает страх перед любым подонком.

Сейчас он боялся только одного: как бы те трое, вспугнутые неосторожным движением или словом, не сели в шлюпку и не отчалили, тем более, что у них была причина так поступить: в шлюпке лежал убитый лось. Вернее, уже и не лось, а то, что осталось от него: огромная голова с рогами и большие красные куски мяса, сложенные на развернутой брезентовой палатке, полы которой откинута на борта. Судя по рогам, лось был старый, и мяса взяли до смешного мало, большую часть бросили, и это лучше всяких слов говорило о том, что трое — браконьеры. Они, видно, собирались приступить к разгрузке, чтобы просолить и получше уложить мясо и спрятать голову с рогами: в город так не повезешь, задержат еще на подходе. О том, что шлюпка городская, говорил номер, выведенный кадмием на борту крупными знаками: ТЮН 36-91.

Будь у лейтенанта возможность приглядеться, он бы, пожалуй, узнал одного из стоящих внизу. Пока же у инспектора была одна задача: предугадать, как наме-

рены отреагировать на встречу браконьеры, и не дать им уйти. Поэтому отдельно в лицо каждому он не вглядывался, а охватывал их в целом, как единую, пусть и временную, но имеющую сейчас одну цель группу. Уйти! Любым способом уйти от ответственности!

Ясно, что появлением человека в милицейской форме трое поражены. На сплавучастке они ночевали уже дважды и твердо знают, что там ни души. Сейчас они не слышали даже гула моторной лодки — и вдруг на круче появляется милиционер! Будь их не трое возле шлюпки, а один — он бы, пожалуй, не поверил собственным глазам. Но их было трое, все они смотрели на лейтенанта, и каждый сжимал в руках по заряженному ружью.

Стрелять не станут, подумал участковый. Вряд ли есть смысл идти на тяжкое преступление. К тому же эти трое не уверены, что милиционер один на сплавучастке. Даже, скорее, уверены в обратном: что не один. И что где-то там, на подходе, другие милиционеры. Да уж не их ли, браконьеров, здесь караулят?..

Они в тяжелом положении, браконьеры, но выход у них есть. Столкнуть шлюпку, сесть и отчалить, и милиционер ничего не сможет поделать. Стрелять не имеет права: пока не доказано, что они преступники. Мотолодки, чтоб немедленно организовать погоню, рядом не видать: стоит, видно, где-то за плёсом — покамест добежит до нее, да заведет, да все такое прочее, — они уже уберутся куда подальше. Мясо по дороге — за борт, и концы в воду. Не пойман — не вор. Надо доказать, что видел издалека убитого лося, да и не лося, собственно, а просто куски мяса. Поедут они, конечно, не вниз, где у милиционера наверняка стоит шлюпка, а вверх: заберутся в глухую старицу и переждут. Никакая погоня не страшна: стариц и проток столько и петляют они так, что черт ногу сломит. А потом, избавившись от вещественных доказательств и замыв хорошенько шлюпку, можно потихоньку пилить обратно. «Здра-а-авствуйте, товарищ младший лейтенант! А мы вот кататься ездили, пару копалушек подстрелили... Лось? Где лось? Какой лось? Откуда? Бо-о-оже упаси! Да вам, верно, привиделось, товарищ младший лейтенант!»

Так или примерно так, по мнению лейтенанта Цветкова, должны были рассуждать браконьеры.

Инспектор, по правде говоря, опасался больше не

того, что трое могут уйти от ответственности за убитого лося. Боялся он другого: если они уйдут — уйдет и шлюпка, последняя надежда выбраться со сплава участка. Между тем молчание и бездействие Цветкова играли на руку тем троим. Они могли оправиться от шока, вызванного появлением человека в милицейской форме, оттолкнуть шлюпку и навсегда скрыться из глаз. Догнать их на берегу участковый не сможет. Правда, по прямой до них не более тридцати — тридцати пяти метров, но сойти по прямой на косу нельзя: круча спускается почти отвесно. Высота не пугала Цветкова, но как отнесутся к такому прыжку трое? Может, это-то и выведет их из шока, и они успеют отчалить? Могут даже выстрелить; они наверняка выпивши, а в таком состоянии трудно бывает рассудить что хуже: ответить за убитого лося или пойти на убийство.

О выстреле лейтенант подумал потому, что услышал сзади шаги и прерывистое дыхание: шла Ледзинская. Она пока не видит троих у шлюпки, но вот-вот увидит, и они ее увидят, и тогда неизвестно что предпримут. Цветков не оглядывался, боясь спугнуть браконьеров. Надо было отвлечь их от мысли бежать, надо было сказать что-нибудь, но что?.. Можно было сделать вид, что не видит убитого лося, если бы не голова с рогами на самом видном месте — на полубаке. Можно спросить, на какую звероферму везут лосятину, — тогда бы они решили, что он думает, будто у них есть лицензия. Наверное, существовал и еще какой-нибудь способ, до которого лейтенант пока не додумался, но теперь думать было некогда: шла Ледзинская.

Она выбежала на кручу по левую руку от участкового и встала в пяти шагах за лиственницей, так что он не мог даже как-нибудь ее предупредить — жестом или коротким словом; по едва заметному движению среди тех троих лейтенант понял, что они видят Ледзинскую.

— Здравствуйтесь! — весело закричала она из-за лиственницы. Трое замерли, как бы вжалась в песок, и еще крепче, казалось, сжали ружья. — Здравствуйтесь! — крикнула опять Ледзинская, думая, что они не расслышали.

Трое переглянулись, и один из них бросил взгляд на шлюпку. Теперь уже медлить было опасно. И лейтенант Цветков, не раздумывая больше, напряжинил тело, собрался весь и прыгнул, словно на учениях, приближенных к боевой обстановке.

«Я, следователь СО ГРОВД старший лейтенант милиции Коваль, взял объяснение у Лямзиной Нины Михайловны, 1955 года рождения, уроженки д. Зенково Тюменской области, проживающей в пос. Кедровый, русской, беспартийной, образование 8 классов, рабочей котлопункта Итья-Ахского сплавного участка Кедровского отделения сплавной конторы, со слов — несудимой».

«Вечером 2 октября 197... года после ужина рабочих я пошла спать в свой балок. В балке я жила одна. Раньше со мной жила повариха Шумилова, но она уехала в Кедровый рожать. Я осталась и за повариху и за рабочую котлопункта. Спать я легла рано, часов в 8 вечера, потому что мне утром нужно вставать в 3 часа готовить рабочим завтрак. Приблизительно в половине одиннадцатого или чуть позже, но не позже одиннадцати, так как работал еще дизель электростанции, ко мне в балок постучались. Я спросила: «Кто?» Мне ответили: «Свои. Открывай!» Я узнала голос вальщика Пятакова Федора. Так как он до этого ко мне приставал, то открывать я побоялась, а наоборот сказала, чтобы он убирался. Он продолжал стучать в дверь, при этом нецензурно ругался. Голос его показался мне пьяным. Но я подумала, что этого не может быть, так как вина у нас на сплавучастке нету, а из Кедрового мы уже давно. Пятаков продолжал стучать в дверь кулаком и ругаться, но никто не приходил его унять, потому что дизель электростанции все заглушал. Я уговаривала его, чтоб он уходил, но он наоборот налег на дверь и сорвал крючок. Поясняю, что дверь у меня открывается вовнутрь. После этого Пятаков проник в балок. В балке было полутемно, пробивался только в окошко слабый свет от лампочки на столбе. Пятаков бросился к моей раскладушке и начал меня хватать. Я вначале не кричала, так как думала, что отобьюсь, а если буду кричать, то сбегутся рабочие и подумают, что я сама его запустила. А парень, с которым я хожу, сейчас в армии. Ему напишут, что я тут гуляю, и он потом на мне не женится. И даже если он мне поверит, ему будет неприятно, а солдатская служба и так трудная. Поэтому я и не кричала. Пятаков дышал мне в лицо перегаром. Кроме того, я знала, что он дважды уже отбывал срок в заклю-

чении. Мне было страшно, но я, наверное, минуты две или три еще отбивалась. Потом Пятаков сорвал с меня лифчик и повалил на раскладушку, и тогда я закричала. Но моих криков никто не слышал. И в это время в балок забежал тракторист Фомин Михаил. Они оба захотели меня изнасиловать и потому стали между собой драться. Воспользовавшись этим, я сорвала комариный полог, кое-как в него завернулась и выбежала из балка. В это время как раз смолк дизель, и я увидела, что к моему балку бежит много рабочих. Они быстро уняли Пятакова и Фомина. У Фомина все лицо было в крови, потому что Пятаков его сильнее. Тут подошли мастер Игловиков и заместитель директора конторы Береженцев, который приезжал на наш сплавучасток с проверкой. Мне он ничего не сказал, только посмотрел на меня презрительно, а мастеру Игловинову приказал, чтобы меня отправили в Кедровый и чтобы женщин впредь сюда не привозили, так как от них один разврат. Потом он заметил, что Пятаков и Фомин выпивши, и спросил, где они взяли водку. Фомин молчал, только все вытирал кровь с лица, а Пятаков стал нецензурно ругать Береженцева. Тогда Береженцев заявил, что дела так не оставит, а сообщит в милицию, чтобы хулиганов посадили. После этого мастер Игловиков распорядился, чтобы Фомина и Пятакова развели по разным балкам, а то они опять задерутся. Потом мастер и Береженцев сделали обыск у меня в котлопункте, так как подумали, что это я наварила браги и напоила рабочих. Браги у меня не было, так как я ее не делала. После этого они отпустили меня, и я пошла спать.

Вопрос: Почему вы решили, что Пятаков и Фомин хотели вас изнасиловать?

Ответ: Потому что они стали драться.

Вопрос: Вы пояснили, что Пятаков и раньше к вам приставал. А Фомин?

Ответ: Фомин не приставал, так как боялся своей жены. А когда напился, то ему море стало по колено.

Вопрос: Фомин делал попытки броситься к вам, когда вошел в балок?

Ответ: Нет, он стал драться с Пятаковым.

Вопрос: Во время драки Пятаков и Фомин произносили какие-либо слова или дрались молча?

Ответ: Пятаков нецензурно ругался, а Фомин кри-

чал: «Федька, уйди, а то хуже будет!», при этом также нецензурно выражался. Мне прочитано следователем вслух, записано верно с моих слов».

27

Прыгнул он по всем правилам, даже на мгновение не потеряв равновесия, как учили в воздушно-десантных войсках, где Цветков, окончив сержантскую школу, был отличником до конца службы. Приземлившись на косу, он без всякой подготовки твердым шагом двинулся к браконьерам. Шел, не суетясь, не делая лишних движений и дыша так ровно, словно перед этим не прыгал с высоты третьего этажа, а встал из-за стола. Со стороны могло показаться, что прыжок не стоил лейтенанту никаких усилий, и трое, пожалуй, не удивились: не захотел человек обходить — ну, и прыгнул. Как раз это и нужно было Цветкову: вроде прыгнул не по необходимости (и речи не могло быть, чтобы они удрали), а именно потому, что не захотел далеко обходить.

Он остановился в пяти метрах от шлюпки и от троих, которые по-прежнему стояли не шелохнувшись и все так же держа ружья наперевес. Цветков медленным взглядом обвел троих и узнал крайнего справа. А тот уже давно узнал участкового инспектора, потому, может, и не побежал и не призвал к этому остальных. Все трое были выпивши.

Стоя от шлюпки в пяти метрах, лейтенант больше не опасался, что они уедут. Он не допустит. Не опасался и того, что молчание играет им на руку. Больше не играет. Так что можно и помолчать. Спешить некуда. Сегодня уже все равно ехать поздно: по Итья-Аху с его плёсами можно передвигаться только днем. Придется ночевать в поселке. И до утра у них хватит времени выяснять отношения.

Он медленно, словно нехотя, переводил взгляд с одного на другого, и хотя ни один из них не отвел глаз, лейтенант понял, что трое начинают волноваться. Чем больше они волновались, тем спокойнее становился лейтенант Цветков.

— Ну, здорово, начальник, — мрачно произнес, наконец, крайний справа, по фамилии Пятаков, ранее дважды судимый за хулиганство, хорошо известный уголовному розыску и горрайотделу в целом, а также лично

лейтенанту Цветкову: грязный, с недельной щетиной, с тяжелым взглядом из-под нахлобученной на самые глаза рваной шапки, за версту разящий перегаром. К этому необходимо добавить, что в кармане стоявшего перед ним участкового инспектора лежало зарегистрированное в Книге происшествий заявление об учинении им, Пятаковым, вкупе с неким Фоминым, хулиганских действий на сплавучастке. Уже не здесь ли и Фомин — один из этих двоих, хотя вряд ли: Фомин, судя по заявлению, тракторист из Кедрового, а эти, судя по их виду, оба из города. Да и шлюпка у них с городским номером.— Вот довелось опять встретиться на узкой дорожке,— мрачно продолжал Пятаков.— А мы уж думали, медведь по берегу чешет. Приготовились. Ан нет: ишо пострашнее зверь...

Лейтенант при этих словах вспомнил, что ружья они не схватили при его появлении, а уж были с ружьями, когда он появился на круче. Это меняло дело.

— Здравия желаю,— приложился он к козырьку.

— Здравствуйте,— с готовностью, которой Цветков не удивился, ответили двое городских, продолжая в то же время держать ружья наперевес; у одного из них, пожилого, коротконогого толстячка в черной кожаной куртке, в таких же кожаных штанах и в японских броднях с желтыми головками, был пуледробовой бокфлинт «Белка» с верхним нарезным стволом.

Все помолчали еще с минуту, и тут только участковый позволил себе как бы впервые и невзначай обратить внимание на ружья городских, направленные хоть и не прямо на него, но в его сторону. Однако именно Пятаков, на которого лейтенант не обращал внимания вообще, первый опустил свое ружье, и те двое тоже сразу опустили, как по команде. Вряд ли из этого можно было сделать вывод, что они в подчинении у Пятакова. Просто они все еще не могли прийти в себя от неожиданной встречи с милиционером и повторяли движения Пятакова, у которого по этой части был достаточный опыт.

— А девушка-то куда ушла? — спросил вдруг толстячок, подняв глаза на высокий берег.— Стояла-стояла — и вдруг ушла,— добавил он с такой озабоченностью, будто «девушка» была из их компании и вот зачем-то понадобилась.— В поселок разве?

Цветков обернулся. Обернулся он в первый раз за

все время пребывания на косе и сразу увидел очень многое: увидел кручу, с которой прыгал,— пожалуй, слишком удачный был прыжок для такой высоты; увидел слева от кручи уходящую в поселок дорогу — гусеничный тракт, который оттуда, с высокого берега, не просматривался; увидел справа от дороги три тысячелитровые емкости с облупившейся белой краской на помятых боках и с крупной надписью на каждой: «НЕ КУРИТЬ!», и там же — несколько десятков обычных двухсотлитровых бочек: склад ГСМ.

Ледзинской нигде видно не было.

— Вы шлюпку свою там, за плёсом, оставили? — чувствуя, что на вопрос толстячка милиционер отвечать не собирается, спросил второй городской, высокий парень лет двадцати пяти в противознцевальном костюме защитного цвета.— Или у вас катер?

— Мы вертолетом,— ответил лейтенант, не вдаваясь в подробности.

— А,— коротко и очень вежливо сказал парень, желая показать, что ответом удовлетворен вполне и считает вопрос исчерпанным.

Может, лицензия у них есть? Участковый внимательно посмотрел на парня. Нет. Нету у них лицензии. Мясо почти все бросили. И Пятаков с ними недаром.

Лейтенант чувствовал, что есть какая-то связь между хулиганством Пятакова, заявлением Береженцева и этими двумя, разящими, как и Пятаков, перегаром; держались они, правда, достаточно трезво. Не укладывалось в эту связь только то, что поселок оказался оставленным сплавщиками.

Скажи сейчас участковый что-нибудь ободряющее, даже просто нейтральное, не относящееся к лосю, и все разрешится самым прекрасным образом. Они спокойно переночуют в поселке, а утром выедут все вместе на шлюпке и через два дня будут в Ёгане. Самый удобный выход и, главное, безопасный. Можно даже окончательно упрочить свое положение, сказать, например: «Ну что, мяска отрежем на варево?» Городские только того и ждут. Ждут, не зная, в каком положении оказались милиционеры. Знай они еще и это — первыми бы заговорили. Пока же они выжидали, ибо если милиционер подносит руку к козырьку, это еще далеко не означает, что тем самым автоматически устраняются всякие неприятные вопросы.

Цветков был перед тяжелым выбором. Или договориться с тремя (вернее, даже только с двумя городскими) «по-хорошему», закрыть глаза на лося,— тогда вопрос о том, чтобы без препятствий и приключений попасть в Ёган, практически решен. Или спросить насчет лицензии, которой, конечно, нет,— тогда все значительно усложняется. Сложность не в том, что не захотят взять в шлюпку (лейтенант об этом и спрашивать не станет), а в том, что тогда пятеро разделятся на две враждебные группы. Между тем ночью может пойти шуга, шлюпка перегружена, Итья-Ах коварен. Путь опасный и без того, а если еще две группы — он опасен вдвойне и втройне. Сложность состояла и в том, что вопрос о лосе нужно решать немедленно. Если вначале договориться «по-хорошему», а затем, прибыв в город, начать дознание, то какой же он будет после этого начальник милиции на своих сорока с лишним тысячах квадратных километров? Да и противно было натуре Цветкова выкручиваться перед кем бы то ни было.

— А вертолет у вас где, там стоит? — указал толстячок в сторону площадки, подумав, не предложить ли мяса и вертолетчикам, чтоб уж окончательно все уладить. Он уже решил про себя, что младший лейтенант, раз молчит так долго, к опросу не приступает, то ждет только благоприятного момента, чтобы урвать кусок да и отпустить всех троих восвояси. А что он, лейтенант, из другого теста? Тоже, небось, жена, детишки, все есть хотят. И момент сейчас самый благоприятный: женщина-офицер ушла, и младший лейтенант может потом сказать ей, что проверял — есть лицензия. Да и что женщины, хотя бы и милиционеры, в этих делах понимают? Тут дело сугубо мужское: охота!.. — Ну, там, на площадке,— пояснил толстячок, решив, что милиционер (наверняка тугодум) не понял вопроса.

— Нет,— помедлив, ответил лейтенант.

— Господи, ну на обратном пути захватит, как вы не понимаете! — сказал парень в энцефалитке, глядя на толстячка с легкой укоризной: дескать, задаешь серьезному человеку всякие малосерьезные вопросы.— А вы, видно, давно прилетели,— обратился он с вежливой улыбкой к лейтенанту.— Мы вертолета не слышали, как он садился...

— Да,— ответил Цветков.

Парень, конечно, хотел выяснить, что делает на

сплавучастке милиция. Можно было бы сейчас добавить: «Вас поджидаем!» — и не оставить браконьерам никакой надежды. Уж если милицию прислали на перехват, дело кончено. Нужно сдаваться со всеми потрохами и вести себя тихо. Но Цветков этим не воспользовался.

— А я вас узнал! — обрадовался вдруг парень в энцефалитке. — Я вас видел, когда вы новую присягу принимали! Я как раз тогда со своими воспитанниками к Дому Советов поздравлять вас приходил!

— Вы где работаете? — спросил Цветков.

— Мастером производственного обучения в СПТУ! Сельский рабочий класс куем! Вот я тогда со своей группой и приходил, когда вы присягу принимали! Сразу вас узнал! — растроганно, будто встретил старого друга, с которым не один пуд соли съел, сказал парень в энцефалитке.

— Ладно, — сухо сказал Цветков, решив, что пора, наконец, спросить о лосе, о том, кому принадлежит шлюпка, есть ли охотничьи билеты и разрешение на «Белку», то есть поступить так, как предписывает служебный долг и та самая присяга, о которой напомнил браконьер.

Но спросить не успел. Толстячок, глядя за спину лейтенанта, сказал:

— А вот и-и...

Цветков обернулся. По гусеничному тракту со стороны поселка шла Ледзинская. Но она не просто шла, вернее, почти бежала, поддевая песок резиновыми сапожками; она тащила оба портфеля и пальто участкового, ее джерси было на ней. Ей не хотелось задерживать троих со шлюпкой, вот почему она так спешила. Ледзинская была готова ехать и в ночь.

28

«Хомяков».

«Ну как, Сережа?»

«От Громова пока ничего, Владимир Федорович...»

«А сплавконтора, аэропорт?»

«Трясу».

«Вот-вот, правильно. Тряси. За такие штуки следует потрясти. И не бойся, пожестче, я тебя всегда защищу в таком случае. Тут, кстати, и жалоба на тебя поступила».

«Пистолетом бью по голове во время допросов?»

«Ну, не то чтобы пистолетом, но...»

«Кто написал? Карелина?»

«А что, в ее личной жизни шибко копался?.. Нет, не она. Читашвили».

«Ничего удивительного. Он и тут выступал. Из-за каких-то, говорит, несчастных хулиганов вертолет забрали, двух офицеров милиции погубили, а теперь еще аэропорт таскают... А как эта жалоба к вам попала?»

«Вообще-то она Крапивникову, конечно, поступила, но он сам в отношении тебя никаких мер принять не решился, пришел посоветоваться... Да, Сергей, ты бы хоть занял там работой нашего шофера. Надоел хуже горькой редьки. Каждый день таскается о здоровье справляться. Лена его вообще уже видеть не может... В отличие от тебя...»

«Да он и так вроде работает. Даже больше, чем раньше».

«То есть?»

«Раньше он только вас без гримасы возил. А тут и меня, и Крапивникова, секретаршу даже с разноской в милицию стал возить...»

«Серьезно? Что это с ним?»

«Ну, насчет Крапивникова понятно. Крапивников его на охоту отпускал на десять дней...»

«На охоту?»

«Да. С кем-то он там договаривался, у кого шлюпка есть с мотором...»

«У Шалагина разве шлюпка есть?»

«Нет, я говорю, у кого-то там шлюпка есть, так Шалагин с ним договаривался поехать... С каким-то преподавателем из СПТУ, что ли...»

«Что-то он мне ничего об охоте не говорил...»

«Вот после этой охоты его как подменили, Владимир Федорович. Видно, правда, природа облагораживает...»

«Да теперь, наверное, просто отрабатывает, раз вы его отпустили... Ну, а как там Крапивников вообще? Ладите с ним?»

«В общем-то... да, ладим...»

«Что так неуверенно?»

«Да, собственно говоря, я его почти не вижу. Он теперь на черной «Волге» по городу раскатывает, связь с народом поддерживает...»

Ледзинская остановилась шагах в двадцати от шлюпки, удивленная поведением участкового инспектора и тех троих: никто не сделал даже попытки двинуться ей навстречу — помочь донести портфели, хотя все смотрели в ее сторону и видели, как ей тяжело. Она опустила портфели на песок, положила сверху пальто Цветкова, привычным жестом поправила волосы и тут только, вглядевшись внимательно, поняла, что нечто громоздкое на носу шлюпки, показавшееся ей вначале просто красивой декоративной корягой, это огромная лосиная голова с рогами.

Браконьеры!..

Этим лишь и можно было объяснить столь странное поведение стоявших возле шлюпки людей.

— А вот и-и... — не зная как продолжить, сказал толстячок, и лицо его от широкой улыбки стало еще круглее, а на душе сильнее заскребли кошки, потому что он узнал, сразу узнал Ледзинскую и не мог, хоть убей, вспомнить, как ее зовут, а это было бы сейчас так кстати. Ледзинская тем временем несколькими энергичными движениями сбросила пальто, небрежно швырнула его поверх цветковского и направилась к шлюпке, на ходу одергивая и без того безупречно сидевший мундир. — А вот и ваш товарищ! — нашелся, наконец, толстячок, и лицо его от неожиданности вытянулось.

Длинный парень в энцефалитке, тоже было разубавившийся, сдвинул брови и открыл рот. Пятаков смотрел вроде бы безучастно, но и на него, человека в этом отношении многоопытного, произвели впечатление сверкающая лейтенантская форма, казавшаяся на этой женщине едва ли не генеральской, весь вид этого красивого и оттого казавшегося еще более строгим милиционера. И хотя совсем недавно, буквально несколько минут назад, все они — и Пятаков, и толстячок, и парень в энцефалитке — видели ее в этой же самой милицейской форме на высоком берегу, появление ее вблизи, в двадцати шагах, произвело особый эффект.

Почувствовала такое отношение к себе и Ледзинская.

— В чем дело? — строго спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь, но намеренно глядя на толстячка, которого она тоже сразу узнала и потому опа-

салась, что он не почувствует всей строгости вопроса, если она будет смотреть не на него, а на кого-то еще.

— Здравствуйте! — любезно начал толстячок, в сотый раз жалея, что не знает, как зовут женщину-следователя.— А я вас сразу-то и не признал!.. Вы как в милицию-то перешли, редко вас видеть доводилось. Думаю...

Толстячок обиженно замолчал, видя, что Ледзинская на его дружеское расположение, кажется, совсем не реагирует, стоит с непроницаемым лицом, ожидая ответа на свой вопрос, хотя, между прочим, не только ни к кому конкретно не обратилась, но даже и не спросила ничего конкретного. Разве это вопрос: «В чем дело?» Насмешка какая-то. В конце концов, он, Григорий Нестерович Шалагин, не бич какой-нибудь, вроде Пятакова, а как-никак водитель черной прокурорской «Волги». Его, Шалагина, не всякий автоинспектор посмеет остановить, если не хочет, конечно, неприятностей на свою голову. Случая убедиться в последнем Шалагину еще не предоставлялось. Ездил он аккуратно, как и положено водителю первого класса с таким опытом и на такой ответственной машине, однако то, что его ни разу еще не остановили, целиком относил на счет своей «прокурорской» весомости, ибо не может же такого быть, чтобы за целых семь лет, что он проработал на прокурорской машине, ни у одного инспектора ГАИ не нашлось повода придрататься!.. Он давно уже свикся с этой мыслью и сейчас не позволил бы себе обидеться на женщину-следователя, если б не был уверен, что и она «забоится». Что не «забоялся» младший лейтенант — понятно: должно быть, местный участковый, живет в деревне, в городе бывает редко — ну, и не знает Шалагина, не видел его за рулем черной «Волги». Он и прокурора-то, может, видел три раза в жизни... Но Ледзинская!.. Она-то ведь даже преддипломную практику проходила в прокуратуре... и ведь узнала его, точно узнала, да и как не узнать!..

Толстячок собирался уже сказать что-нибудь резкое, но, встретившись взглядом с Ледзинской, одумался. Стало ясно, что Ледзинская не только возмущенные речи в свой адрес слушать не расположена, но, кажется, вообще намерена составить протокол. Толстячок покосился на лосиную голову, и с этого момента мысли его приняли иной оборот.

— Вот мы тут кумекаем,— сказал он, глядя попеременно то на женщину-следователя, то на участкового инспектора,— шашлычок организовать,— и задержал взгляд на участковом, будто призывая его в союзники.— Как, лейтенант? — развязно обратился он к Цветкову.— Тут всем хватит,— указал на шлюпку,— и нам, и Владимиру Федоровичу...

Ледзинская брезгливо поморщилась. На участкового инспектора имя-отчество прокурора вообще никакого действия не оказало. Возможно, он даже не догадывался, о ком речь.

— С лосем разберемся,— сказал лейтенант.

— Как? — опешил толстячок.

— Лицензию на отстрел имеете? — спросил инспектор. С этой минуты все мосты были сожжены.— Лицензию имеете? — повторил он.

— Видите ли... я... мы... Владимир Федорович... — забормотал толстячок, не понимая, о чем бормочет, и уповая только на магическое, как ему казалось, для сотрудников милиции имя.— Давайте мы позвоним Владимиру Федоровичу... он...

— Вас участковый инспектор спрашивает, так не крутитесь! — строго перебила Ледзинская.— Отвечайте на вопрос! Звонить тут неоткуда. И незачем. Сами разберемся.

— Мы... Владимир Фе...

— Нет у нас лицензии,— перебил на этот раз парень в энцефалитке и отвернулся.

— Ну что ж,— сказала Ледзинская.

Это была законченная фраза, и толстячка охватил страх. Ведь главного, того, что гораздо хуже лося, ни Ледзинская, ни участковый еще не знают. Вдруг им придет в голову обыскать шлюпку? Толстячок не знал, имеют ли работники милиции на это право без санкции прокурора, но особых иллюзий не питал. Возьмут и обыщут... Черт бы побрал эту милицию! Свалилась, как снег на голову!..

— Так,— сказала Ледзинская.— Ружья оставить.

Трое безропотно сложили ружья на полубак рядом с лосиной головой.

— Пошли,— сказала Ледзинская.

Они шли гуськом, как по болоту, хотя тракт был широкий и могли идти в ряд. Впереди с портфелем — Ледзинская, следом Пятаков, далее, поотстав, парень в энцефалитке и толстячок. Двигались налегке, не захватив даже еды. Толстячок побоялся лезть в багажник при милиционерах, опасаясь навести их на мысль обыскать шлюпку, парень в энцефалитке вообще про еду забыл, а Пятаков, хоть и помнил, вслух ничего не сказал: своего ничего в шлюпке не было. Да и не до еды: все еще лихорадило с похмелья. О том, чтобы взять на ужин лосятины, никто, конечно, и не заикнулся.

Замыкающим шел лейтенант Цветков. Он не подгонял толстячка и парня в энцефалитке, которые брели, едва волоча ноги, и вид у них был, как у пленных. Вскоре все трое отстали от Пятакова с Ледзинской.

Когда Ледзинская и Пятаков, идя по гусеничному тракту, вступили в лес, стало совсем темно. Небо сплошь затянуло, ни луны, ни звезд, только под ногами светлел песок, и казалось, что светлеет он не отраженным светом, пробившимся сквозь тучи, а своим собственным, скопленным засветло. Ледзинская старалась держаться середины тракта, чтобы не наткнуться на ветку. Под ноги почти не глядела — дорога была ровная. Сзади, ни на шаг не отставая, тяжело топал Пятаков. Остальных не было слышно. Она остановилась и, не оборачиваясь, вслушалась в темноту. Ни звука. Потом раздалась громкая ругань толстячка, видимо, запнувшегося. Потом опять все стихло. По голосу было ясно, что трое отстали метров на пятьдесят.

— Давайте... поднесу... — хрипло, с похмелья, предложил Пятаков, думая, что Ледзинская устала тащить портфель и остановилась передохнуть.

— Возьми, — на «ты» сказала Ледзинская, отдавая портфель. Это был не ее — цветковский, ей показалось, что он легче, поэтому она взяла его, а свой оставила участковому.

Сзади послышалось слабое шуршание ног по песку.

— Ползут, — сказал Пятаков. — Айдайте и мы, а то хуже останавливаться... Пуцдай как хотят, — сказал он про отставших. — Оне, может, до утра будут идти...

— Да пойдём, — согласилась Ледзинская.

Песчаный тракт начал расширяться, затемняясь по краям, но не переходя в сплошную темноту леса, как прежде, и Ледзинская поняла, что вступают в урочище. Теперь нужно свернуть вправо — и они выйдут на тот балок.

— Спали-то здесь? — спросила она.

— Здесь, ага, — охотно откликнулся Пятаков.

Балки представляли собой сплошную темную полосу, но, пройдя еще немного вправо, Ледзинская различила большое расплывчатое пятно, как бы отделившееся от сплошной полосы ряда домиков, и поняла, что это и есть тот самый, отрезанный трактом балок.

— Пришли вроде бы, — сказала она.

— Пришли, ага! — обрадовался чему-то Пятаков. — У вас потянуть, случайно, не найдется?

— Чего?

— Закурить, говорю, не будет, товарищ лейтенант?

— Дай-ка портфель, — сказала она, подумав, что вряд ли участковый поехал в командировку с одной пачкой папирос в кармане. Перехватив теплую ручку, щелкнула замком, пошарила внутри и достала непочатую пачку. — Вот, возьми.

Пятаков распечатал пачку и, похлопав по карманам в поисках спичек, закурил.

— Благодарю, — ткнулся пачкой в локоть Ледзинской.

— Возьми себе.

— Спасибо вам, — сразу согласился Пятаков, сунул пачку в карман, затянулся поглубже — и вдруг так сильно закашлялся, что Ледзинская вздрогнула. — Клара Цветкин, — пояснил Пятаков, прочертив дугу огоньком папиросы. — Я их не очень-то уважаю. Я — Урицкого.

— Что-то долго они, — сказала Ледзинская.

— Идут.

— Где? Я не вижу.

— А не видно, — сказал Пятаков. — Слышно только. Эй, Валентин! — закричал он в темноту. — Сюда заворачивайте!..

— Кого ты? — не поняла Ледзинская. Неужто Цветкова так называет? Или того длинного, в геологическом костюме, тоже так зовут?

— А его, Валентина, — ответил Пятаков, и, хотя опять не назвал фамилии, она поняла, что обращается к участковому. — Слышь, Валентин?..

— Да идем-идем,— близко отозвался лейтенант.— Ольга Васильевна, ты достань там у меня фонарик из портфеля.

Раньше не мог сказать, подумала она, открыла портфель, нашарила под пачками «Беломора» карманный фонарик, щелкнула выключателем и осветила показавшиеся из темноты фигуры.

— В глаза-то не светите!— нервно сказал толстячок. Она выключила фонарик.— Что же вы совсем-то погасили!— закричал толстячок.— Слепили, а теперь ничего не видно!

Она сунула фонарик в карман пальто. Пятаков к тому времени вошел в балок, и окошко вскоре слабо осветилось керосиновой лампой. Ледзинская толкнула дверь. Пятаков сидел на нарах возле стола.

— Садитесь,— пригласил он.

Она присела на краешек. Вошли остальные. Лейтенант Цветков сел на нары рядом с Пятаковым, а парень в энцефалитке и толстячок— напротив. Толстячок отдышался и вытер грязным платком мокрое от пота лицо.

— Ну, что дальше будете делать?— спросил он.— Допрашивать? Очные ставки проводить? В наручники заковывать?

— Утром разберемся,— сказала Ледзинская.

— Почему утром?

— Утро вечера мудренее.

— Мудренее, да не на голодный желудок!— взорвался толстячок.— А вы нам даже поесть ничего не дали взять с собой!.. Или нам уже на арестантский паек переходить?

— Вы не иронизируйте, гражданин...

— Я не иронизирую! Я протестую! Я...

— Иронизировать я сам могу,— перебил Цветков.— А поесть надо было взять. Никто вам не мешал.

— Как же не мешали, когда...— Толстячок замолчал, поняв, что такой разговор ни к чему не ведет.— Придется мне сходить за едой,— твердо сказал он, не спрашивая разрешения и как бы считая это само собой разумеющимся.— Сходишь со мной?— спросил он у парня в энцефалитке.

Тот удивленно посмотрел на него, но кивнул.

— Никуда вы не пойдете,— сказала Ледзинская.

— Да вы не волнуйтесь, куда же мы ночью-то

уедем,— сказал толстячок.— Да вы же меня знаете! — закричал он Ледзинской.

Она промолчала.

— Да это же!.. Это... Пошли!..— Толстячок схватил за рукав парня в энцефалитке и потянул с нар. Тот вздохнул и медленно, словно нехотя, поднялся, ни на кого не глядя.

— А ну сядь,— тихо сказал Цветков. Парень быстро опустил на нары.— А вы, гражданин, не самовольничайте.

— Это как вас понять? — почти шепотом спросил толстячок.— Как вас понять прикажете? — И вдруг закричал с визгом: — Мы что, арестованные?!

Ему не ответили. И эта тишина, наступившая после его визга, показалась ему страшной. Он пошатнулся и сел на нары. Молчание продолжалось с минуту. Слышно было только хриплое дыхание Пятакова, следившего за всем этим с неподдельным интересом.

— Да что же это?! — вновь закричал толстячок.— Это же беззаконие!

Ледзинская поморщилась.

— Перестаньте истерики закатывать,— сказала она.— Пока еще не арестованные...

— Вот именно! — выкрикнул толстячок.

— Не перебивайте,— сказала Ледзинская.— Арестовать я вас не могу. Поэтому вы не арестованные, а пока только задержанные... На берег сходит... вот он,— неожиданно для всех, в том числе и для себя, указала Ледзинская на Пятакова.

— Что? — шепотом спросил толстячок.

Ледзинская посмотрела на участкового инспектора. Она сама не знала, как это у нее вырвалось, и теперь жалела об этом. Наверное, участковый не станет отменять ее распоряжение, не станет показывать перед всеми, что она растерялась, просто растерялась, но тогда ему придется и самому идти на берег, а ее оставить с двумя браконьерами. Ох, влезла куда не надо,— подумала Ледзинская.

Но Цветков вдруг одобрительно кивнул.

— Давай топай,— сказал он Пятакову.

В первый раз за все время пребывания на участке у Ледзинской было хорошее настроение.

— Он — тоже? — спросил толстячок, тыкая пальцем в сторону Пятакова.

— Что?
— Задержанный?
— Да.
— Тогда почему ему можно, а мне нельзя? Вы что, ему больше доверяете? Или он ваш родственник?
— Ему доверяю,— сказал участковый.— Про него я знаю, что он хулиган. А про вас я ничего еще не знаю. Пятаков хмыкнул и смутился, как от похвалы.
— Ладно,— сказал он.— Фонарик-то дадите? Ледзинская протянула ему фонарик.
— Пошел,— сказал Пятаков.
Толстячок проводил его взглядом.
— Погоди! — бросился вдруг вслед за Пятаковым.— Я скажу только где взять! — скороговоркой сообщил участковому. И исчез за дверью.
Цветков понял, что тот действительно вернется, хотя и догадывался, что выбежал толстячок неспроста. Пусть договаривается на свою шею, подумал лейтенант. Затем взглянул на часы.
Дверь закрипела. В проеме, тяжело отдуваясь, стоял толстячок.

31

Ужинали молча. Пятаков с парнем в энцефалитке по очереди поддевали ложками из одной банки, толстячок из другой ел один, давясь большими кусками тушенки и брезгливо вышвыривая прямо на пол застывший говяжий жир. Со своей банкой он управился скорее, чем те вдвоем.

Ледзинская от еды отказалась, выпив лишь стакан кефира, и Цветков не стал уговаривать, глядя на ее бледное лицо, вялость в движениях и неодолимую усталость в глазах. Сам он без всякого аппетита пожевал колбасы.

Печка, которую, вернувшись с берега, безропотно разжег все тот же Пятаков, едва еще занималась; слабо и неуверенно, как отдаленные одиночные выстрелы, потрескивали поленья, и чая, покуда вскипит, ждать не стали: выпили по кружке холодного, оставшегося в пятилитровом чайнике с утра.

Предстояло устраиваться на ночлег. Толстячок, не раздевшись и не сбросив сапог, завалился на нары по-

верх обоих матрацев. Парень в энцефалитке сбросил бродни, лег на матрац, накрылся с головой вторым, так что ноги его в толстых шерстяных носках остались снаружи, и быстро уснул, во всяком случае, лежал не шевелясь.

— Вы сами-то где думаете спать? — хмуро поинтересовался у Ледзинской Пятаков, оглядывая нары, заваленные хламом.

— Мы? Мы, наверное, пойдем в соседний балок, да, Валя? — спросила Ледзинская, вставая и одергивая мундир.

На нее сразу посмотрели все, кто был в балке, кроме участкового. Даже Пятаков выразил на своем равнодушном лице нечто вроде удивления: слегка приподнял брови. Парень в энцефалитке высунул из-под матраца голову — значит, все-таки не спал.

Удивились все не тому, что она собралась уходить с Цветковым. Будь дело летом, никто бы ничего и не подумал. Но сейчас холодно, печки из балков повыкинута, спальников нет, а она собралась уходить из теплого балка с печкой. Вот это-то и было удивительно и вызывало подозрение. Толстячок смотрел откровенно двусмысленно, облизывая жирные после тушенки губы и боясь пропустить хоть одно слово или движение.

Первым нарушил молчание Пятаков.

— Идти-то вам никуда не надо, — сказал он Ледзинской. — Холодно там, а печку ставить да разжигать — до утра в аккурат и проканителишься. Вы вот сюда... — Он начал сгребать хлам с незанятых нар. — Я вам пару матрацев щас схожу принесу. — Он закинул под нары последнюю жестянку и вышел.

Толстячок разочарованно отвернулся к стене. Парень в энцефалитке вновь накрылся с головой грязным матрацем.

Пятаков вернулся минут через пять. Кряхтя, с трудом пролез в дверь, держа под мышками по скрученному матрацу. Расстелил на нарах. Сказал:

— Вот.

Ледзинская ответила:

— Спасибо.

— А ты со мной ложись, лейтенант, — сказал Пятаков, сбросил сапоги и лег поверх матрацев ближе к стене, чтобы было где прилечь участковому.

«Да».

«Владимир Федорович...»

«Да-да, я слушаю, Сережа!»

«Только что Коваль звонил из Кедрового...»

«Так!»

«Повариха Лямзина со сплавучастка заявляет, что ее хотели изнасиловать».

«Кто?»

«Пятаков».

«Пятаков?»

«Да. Вообще-то она на двоих заявляет, но Коваль там еще разбирается. Кажется, второй ни при чем... Тут вот еще что, Владимир Федорович. Водку, оказывается, Пятаков достал у каких-то городских охотников, мимо они там проезжали на шлюпке. Выменял на бензин. Эти охотники заправились и уехали, а через два дня опять пристали к сплавучастку, и Пятаков с ними уехал».

«С ними?»

«Да. Может, испугался, что за повариху привлекут. Точно неизвестно. Это Фомин показывает».

«Вот это действительно новости...»

«Нужно, я думаю, искать охотников, Владимир Федорович...»

«Срочно пиши поручение в милицию!»

«А в Кедровый, видимо, мне самому придется поехать...»

«Зачем? Громов не звонил больше?»

«Нет».

«Вот жди, что он еще разведает. А в Кедровом Коваль сам разберется... Впрочем, давай пошлем в Кедровый Крапивникова. Раз уж об изнасиловании речь зашла, пусть там кто-нибудь побывает из прокуратуры».

«Ну, я-то не могу его послать. Помощниками прокурора не командую».

«Он сейчас у себя?»

«Нет. На рыбокомбинате. Там какой-то приказ незаконный издали...»

«А, да-да, я в курсе. Появится — скажешь, чтоб сразу мне позвонил... Да, и вот еще. Никитин считает, что действовать нужно порешительней».

«Я знаю».

«Что ты знаешь?»

«Что он так считает».

«Ну вот и думай».

«Думаю, Владимир Федорович... но... вы чего-то недоговариваете?..»

«Да как тебе сказать... В общем, мы с ним говорили про тебя. Я пока тебя отстаиваю, говорю, что ты решительный, с прокурором даже в споры ввязываешься, но... кроме шуток... Ты меня понимаешь?»

«Да».

«Да-то да, но результата нет!»

«Он, в общем-то, разговаривал со мной довольно доброжелательно...»

«Чтоб давления на тебя не оказывать. Понимает специфику нашей работы. Вообще, один из самых деликатнейших людей, каких я когда-либо встречал. Знаю его еще по району. Сколько помню — не чертыхнулся ни разу, что, как сам понимаешь, для руководителя большая редкость...»

33

«Старшему следователю прокуратуры тов. С. Д. Хомякову.

По поводу интересующего Вас происшествия могу сообщить следующее. 3 октября 197... г. рабочий Итья-Ахского сплавного участка Ф. И. Пятаков самовольно оставил рабочее место и убыл с производства в неизвестном направлении.

Мастер сплава участка Н. М. Игловиков мер к розыску рабочего Ф. И. Пятакова не предпринял и не уведомил руководство Кедровского отделения сплавконторы об имевшем место случае нарушения трудовой дисциплины.

Работы на Итья-Ахском сплава участке были свернуты 6 октября 197... г. На следующий день, 7 октября 197... г., люди были вывезены со сплава участка вертолетом в Правдинск, ввиду того, что вертолетная площадка в пос. Кедровом была повреждена бульдозеристом П. И. Кичигаевым, управлявшим бульдозером в нетрезвом состоянии. Из Правдинска люди были доставлены катером в пятницу вечером 10 октября 197... г. О том,

что люди вывезены со сплава участка, руководство Кедровского отделения информировало контору лишь в понедельник утром 13 октября 197... г., то есть на другой день после трагедии.

Приказом по конторе наказаны следующие лица:

1. Бульдозерист П. И. Кичигаев за управление бульдозером в нетрезвом состоянии, в результате чего был поврежден деревянный настил вертолетной площадки, переведен на нижеоплачиваемую работу сроком на 3 месяца.

2. Мастеру Итья-Ахского сплавного участка Н. М. Игловикову за ослабление политико-воспитательной работы среди подчиненных, в результате чего было допущено грубое нарушение трудовой дисциплины, объявить выговор.

3. Управляющему Кедровским отделением В. К. Кадышникову указать на слабый контроль за деятельностью вверенных сплавучастков и потребовать в кратчайший срок устранить указанные недостатки.

С приказом ознакомлены под роспись все должностные лица, а также рабочие, управляющие лесозаготовительной и другой техникой, являющейся источником повышенной опасности.

Директор конторы Байдин».

34

Он сел глубже на нары, так что сапогами уже не доставал пола, привалился к стене и задремал, надвинув на лоб фуражку. Ложиться рядом с Пятаковым не стал: его нары стояли в самом углу, а инспектору хотелось быть поближе к дверям.

Ледзинская спала, свернув в голову свое пальто и накрывшись цветковским, вернее, он сам ее накрыл, когда она не решилась залезть под грязный матрац, хоть и видно было, что мерзнет. Она лежала вначале калачиком, но, угревшись под пальто, уснула, разогнула колени и уперлась ступнями ему в бедро. От этого прикосновения Цветков успокоился и тоже уснул, как иногда засыпают на вокзалах люди, полагая, что если чемодан упирается им в колено, то его не украдут. И хотя здесь, на сплава участке, далеко от всяких вокзалов, ситуация была совершенно иная, лейтенантом овладела

успокоенность именно такого рода; он не слышал, как ворочались во сне браконьеры и завывал за стеной ветер.

Проснулся он от холода и с минуту еще не открывал глаз, тяжелая дрема не давала разлепить веки, и когда он все же разлепил их, осознав, наконец, что замерзает и надо встать, подложить в печку дров, а главное — проверить, все ли на месте, то ничего не увидел.

Лампа едва тлела. Цветков с трудом оторвал спину от холодной стены, сдвинул на затылок фуражку и, дотянувшись сапогами до пола, встал, пошатываясь со сна.

Первым делом выкрутил фитиль. Огляделся. Все спали на своих местах, как легли с вечера; плохо просматривались только угловые нары, где спал Пятаков. Лейтенант взял со стола фонарик и осветил угол: Пятаков лежал все так же, поверх обоих матрацев, вжавшись в стену. Толстячок ночью, видно, замерз и забрался под матрац.

Участковый открыл печную дверцу, разгреб золу и сунул на угли три сушняковых полена. В трубе была сильная и ровная тяга, и он обратил внимание на глухие удары ветра.

Вновь стала угасать лампа: обугленный кончик фитиля выглядывал из красного, все уменьшающегося ободка пламени, и коптило все сильнее, — кончился керосин. Вытащив из-под стола канистру, Цветков дунул на огонек, отвернул, обжигая пальцы, головку вместе со стеклом и заправил бачок, светя себе фонариком. Мощный шквал ветра швырнул на стену порцию песка, и лейтенант, взглянув на окно, за которым начинало уже сеять, понял вдруг, что это не песок, — снег. Он торопливо зажег лампу и подошел к двери.

Дверь неожиданно не поддавалась. Цветков похолодел от страшной догадки: приперта снаружи! Он бросился с фонариком к нарам и лишь в последний момент удержался, чтобы рывком не сбросить матрац. Приподнял его за уголок в головах. Нет, горбилось не тряпье — под матрацем мирно спал и даже посапывал толстячок. Обругав себя за панику, Цветков вернулся к двери.

Теперь он уперся в нее плечом и надавил посильнее. Дверь со скрипом, преодолевая какую-то силу снаружи, отошла от косяка, и в щель хлынул холодный ветер со снегом. У порога в колено лежал сугроб. Он-то и дер-

жал дверь. Дальше снегу было поменьше, но все равно по шиколотку, и он все валил и валил.

Неожиданности никакой, конечно, не было,—напротив, этого следовало ожидать, судя по вчерашним тучам; но настроение заметно упало. Теперь было ясно, что по Итья-Аху вот-вот двинет шуга. Времени в обрез, а ехать придется в перегруженной шлюпке. Не погодишь.

Сзади чиркнули спичкой. Лейтенант оглянулся. Пятаков сидел на нарах и раскуривал папиросу. Затянувшись, он бросил взгляд на нары, где спал толстячок, и вдруг кивком указал лейтенанту на дверь. Цветков кивнул в ответ и вышел из балка. Выбравшись за торцовую стену, где не бил в лицо ветер, подождал Пятакова. Тот подошел, в несколько затяжек докурил папиросу и, швырнув в снег окурок, сказал без предисловий:

— Он знашь зачем побег за мной вечером?

— Кто? — спросил Цветков, прекрасно зная, о ком речь, но не желая показывать, что сам долго размышлял над этим.

— Толстяк, кто!

— Ну?

— Меха у него в шлюпке. Под полубаком.

— Так.

— Просил припрятать понадежней на берегу и место заметить. Зимой, мол, как-нибудь доберемся, на оленях или как, и заберем. Обыска боится.

— Так.

— Так-так! Затакал. Все.

— Как все? — удивился Цветков. — Не все. Откуда меха?

— Откуда. Сам знашь откуда. У охотников на спирт меняли. Две выдры, соболя, белки... Ондатры одной сорок с чем-то шкурок... Дурак человек! Знает, что за дешевку отдает, зато спирт вот он, с ходу, ни ждять, ни в магазин бежать — наливай да пей!.. Да что другие, я сам такой... Вот, мол, говорит, припрядь, а я тебе за это бутылку спирта...

— Ну и ты что?

Пятаков помолчал.

— Да что. Спирту-то у них больше нету. Весь вчера да позавчера выжрали. А в Ёган приедем — на черта он мне сдался... В Ёгане я сам с усам. Мне бы вчерась

опохмелиться — веришь ли, на белый свет глядеть неохота было... да и сегодня б еще не отказался. Ну, сегодня, правда, терпеть можно.

— То есть ты не спрятал... раз у них спирту больше нету?

Пятаков усмехнулся:

— Ты, Валька, сколь уж в милиции прослужил, а все не знаешь, что у вас не считается, по какой причине не сделал. У вас: сделал или нет. Так?

— Ну,— ответил лейтенант.— Я тебе ничего и не говорю.

— Как же не говоришь...

— Я к тому, что мне надо знать: для чего ты это сказал? Мне надо понять: с какой такой для себя выгодой ты это сказал? И чего мне ждать от тебя в дальнейшем?

— Жди бандитской пули.

— Я — кроме шуток. Доберись ты сними до города, ты бы ко мне не пришел. Так?

— А ты что, никак городским уже заделался?

— Ты не финти. Отвечай.

— Валь, ну ты же знаешь, что я вообще милицию десятой дорогой обхожу...

— Ты серьезно можешь разговаривать? Дело-то ведь и тебя касается.

— Это каким же боком?

— Там увидишь.

— Не, Валька, ты долго в милиции не прослужишь, ежели будешь за каждым разом так ковыряться. Тебя разрыв сердца хватит, помяни мое слово. Милиционер должен просто: разузнал, где что не так — за шиворот и в КПЗ. А ты копаешься... Ладно, давай без шуток. Ты вот что, ты меня не выдавай, что я тебе про шкурки рассказал. Ты знаешь как сделай? Ты возьми как бы невзначай...

— Это ясно,— сказал Цветков,— спирт ихний жрал. Они тебе теперь братья-собутельники...

— Вот именно,— перебил Пятаков.— Не скажешь?

— С ними не участвовал?

— Нет.

— А лося кто убил?

— Толстяк. Стрелять-то, блин, не умет. Сколь раз при мне по копалухе с двадцати метров мазал. А тут

выехали на плёс, а лось — вот он, реку переплыват. Матерый лосище...

— Я видел...

— Ну, толстяк и шибанул почти в упор.

— Из «Белки», что ли?

— Не. Двустволку схватил этого длинного. «Жаканом» один ствол был заряжен. Все медведя хотели встретить. Так, чтоб со шлюпки можно было шибануть. Без риску.

— Ясно,— сказал лейтенант.— Охотников называй, у которых шкурки брали.

— Записывать будешь? — усмехнулся Пятаков.

— Так запомню. Давай говори.

— Не знаю охотников,— зевая, ответил Пятаков.

— Ну говори в которых местах, приметы.

— Ничего не знаю.

— Федор, давай не крути. Какой толк? Говори, коли начал.

— Ничего не знаю, правда, Валь. До меня они все набрали. При мне ни одной шкурки. Я бы сказал, чего уж теперь...— Пятаков достал новую папиросу.— Твои,— подбросил пачку на ладони.— Лейтенантша твоя снабдила. Слышь, Валька, ты ежли будешь с такими лейтенантами по командировкам ездить, тебе твоя Зинка все сковородники на голове переломает...

— Хватит,— оборвал участковый.— Нашел время шутики шутить.

— Не обращай внимания,— вздохнул Пятаков.— Это я с похмелюги злой. Вообще на всю жизнь злой. У меня через этих баб все навыворот. Не везет... Тоже вот на сплавучастке — чуть не залетел с поварихой. Ладно хоть заявление не написала, а ты бы...

— Дурак ты,— сказал лейтенант.— У тебя не через баб все навыворот. У тебя через это вот дело,— щелкнул себя по шее.— Одна у тебя причина — пьянство и алкоголизм. И винить тут некого, кроме своей дурной головы.

— Да это верно,— легко согласился Пятаков.— Но оно-то,— тоже щелкнул по шее,— отчего думаешь?

— А это всегда от одного: от того, что дурак, от того, что жизнь свою на отраву меняешь. Как так водку можно жрать по-черному? Не пойму... Ты как с ними-то оказался? — Лейтенант ткнул локтем в стену балка.

— Да как? Так же и оказался. Глянул: спирту у них много, а они говорят: шкурок, мол, нету? Может, дескать, из рабочих кто охотничал... Я: нету; а потом — выпить-то охота — поехали, говорю, до юрт Лозямова, там у меня кореши, достанем...

— Достали?

— Старик Лозямов послал по матушке. И еще, говорит, в милицию сообщу. А толстяк ему: в какую милицию? Я сам, говорит, в прокуратуре работаю. Ты, старику говорит, только пикни, блин!..

— Серьезно? — удивился Цветков.

— Но.

— А старик что?

— Лозямов-то? Не поверил. Не может быть, говорит, чтобы такие охломоны, как ты, в прокуратуре работали... В общем, уехали не солоно хлебавши. Они... Я-то в свое удовольствие попил. Я и не думал шкурок-то достать. Да и старика-то этого только однажды в Ёгане и видал, в магазине за ним стоял в очереди... Так, думаю, попью дорогой. Тем более, что поддамши уже был. Я им, вишь, бензину сперва организовал за бутылку... Ну что бутылка — мы ее с Мишкой Фоминым враз уговорили. Потом полез к поварихе, спасибо — Мишка остановил. А я ему же и набил морду. В общем, неудобно как-то стало, а тут спирт. Я и поехал. Дурак, вообще-то, конечно...

— Дурак, — подтвердил Цветков. — А рабочие где?

— Дак улетели.

— Когда?

— Дак дня три уж, наверно. Не знаю. Вертолетка, видать, пришла, они и улетели. Я же толкую: с этими к Лозямову подался. Приехали обратно: никого. Молодой-то говорит толстяку: айда еще вверх пройдем по Итья-Аху, может, медведя поддежурим. Тем более, что, мол, бензину теперь хоть залейся. Когда еще такой случай представится? Вот... Потом лося шваркнули. На меня злые, что спирт зря споили... Я ведь выпить-то знашь сколь могу?

Лейтенант вздохнул:

— Догадываюсь.

— Ну, а я на них злой, — сказал Пятаков.

— Что так?

— А когда вверх опять поехали, меня брать не хотели. Жди, говорят, на обратном пути захватим. А я так

решил, что бросить меня замыслили. Добирайся потом как знаешь. Ну, и настоял, что тоже поеду. Как же я тут один-то? За ружье схватился. Так и ехали, друг на дружку озирались. Потом уж, как лося шваркнули, раздобрились. Спирту опять налили. Свежевал-то я, сами не могут ни холеры.

— Мясо почти все бросили,— сказал инспектор.

— А сразу, ага, в воду. Насчет головы только спорили. Толстяк настаивал, чтоб бросить, а молодой говорит: нет, чучело отдам сделать, над кроватью повешу. Укрою, мол, палаткой... И вообще, говорит, прошу не выступать: шлюпка моя, что хочу, то и везу. А кому, мол, не нравится, тот пушай пешком топает... Ты сам-то здесь зачем? — спросил вдруг Пятаков.

— Я-то?..

— Ищешь, что ли, кого?

— В этом роде.

— Ну секрет, дак не надо. Я вообще-то соображал, что за этими и приехал. Думаю, известно уже насчет мехов. Лозямов по радиации сообщил али как... Оне ведь тут больше недели ошиваются.

— Потому и сказал про шкурки, чтоб самому выкрутиться?

— Мне выкручиваться нечего, я не покупал.

— Ну способствовал. Откуда ты знаешь, сколько у них шкурок?

— Дак при мне ж делили! Покамест я лося свежевал, оне их делить стали.

— Смотри. Охотников и сам найду. Дознаюсь.

— Вот и дознавайся... А вертолетка седня навряд придет,— перевел он разговор.— Метет... Я, однако, с вами останусь. Возьмешь до города?

— Придется,— сказал лейтенант и, помолчав, добавил: — Вместе поедем. На шлюпке.

Пятаков поперхнулся дымом:

— Ты что, сшалел?! Об эту пору им самим бы успеть добраться!..

— Ничего. Не в первый раз.

— Да на каку холеру тебе это надо-то? Акт составь насчет лося, шкурки заberi, ружья—и пушай едут с богом! В городе разберешься. Никуда ж оне не денутся... А лейтенантшу тут одну, что ли, бросишь? Вертолетка, может, неделю еще не придет: вишь, как метет!..

— Все,— сказал лейтенант.— Пошли людей подымать. Светает.

— Погоди, Валь,— поняв, что участкового не переубедить, сказал Пятаков.

— Ну?

— Как полагаешь: меня теперь с работы-то вышибут? Я ж сбежал фактически...

— Уж наверно. Не знаю.

— Ну, а деньги-то, что причитаются, отдадут?

— Хм... Ясно — отдадут. Что заработал — твое. Во всех смыслах.

— Тогда хрен с ним. Работы много — устроюсь. Может, еще по собственному желанию дадут уволиться... Ладно хоть заявления нету насчет поварихи.

— Насчет заявления — не обольщайся,— сказал участковый. Пятаков внимательно посмотрел на него.— Может... может, еще напишут,— сказал лейтенант, и ему показалось, что бумажка, где описаны хулиганские действия Пятакова, хрустнула во внутреннем кармане.— Значит, шкурки, говоришь, там же, в шляпке?

— Там,— рассеянно подтвердил Пятаков.

— Ну и пусть лежат покамест. Ничего им не говори: ни да, ни нет. Понял?

— Понял, ага. Слышь, давай лучше на вертолетке полетим?

— Нет. Я же сказал.

— Упрямый ты, Валька.

— Упрямый, да. Но ты тоже упрямый. Я тебя за уши из тюрьмы тащу — ты туда лезешь. Покамест в этой системе упрямей ты. Твои результаты выше. Зло меня берет, как я на тебя погляжу. До того охота тебе сейчас морду набить — сил нету. Все. Давай топай, буди всех, я сейчас.

Пятаков кивнул, повернулся и исчез в снежной круговерти. Лейтенант достал из кобуры пистолет и вытащил из него обойму, в которой не хватало четырех патронов: трех, что он выстрелил, и еще одного, который был в патроннике. Вставил полную запасную обойму, а эту засунул в кармашек на кобуре. Теперь пистолет был заряжен девятью патронами.

Черная полоса воды, окаймленная белыми берегами, все расширялась и расширялась, и, когда они подошли совсем близко, так что стало видно всю ширину реки, участковый облегченно вздохнул: шуги не было. Снег и ветер стихли одновременно, сразу потеплело, но тучи не уходили.

К шлюпке, залепленной мокрым снегом, Цветков подошел первым, разрядил лежавшие на баке ружья и, скорее по милицейской привычке, нежели по срочной необходимости, спросил у подошедшего следом толстячка:

— Разрешение на «Белку» есть?

— Есть,— упавшим голосом ответил толстячок, решивший, что осмотром ружья и вопросом о разрешении начинается обыск.— Только не продленное,— добавил он еще тише.— Все времени не выберу зайти продлить...

— Не выберете, потому что вам его не продлят. Все нарезное оружие подлежит сдаче. Не относится только к охотникам-профессионалам.

— Зачем же тогда продавали?— спросил парень в энцефалитке.— Продали, а теперь отбирают...

— Продавали, когда тут три деревни было на весь округ. А теперь города.— Лейтенант обвел рукой вокруг себя, указывая на глухую прибрежную частину, на лиственницы противоположного берега и на черную воду Итья-Аха.— И не просто «отбирают», как вы говорите, а возвращают деньги. Вы повестку разве не получали?— обратился он к толстячку.

— Нет.

Врет, подумал Цветков.

— Но я сдам,— торопливо добавил толстячок, довольный, что милиционер пустился в объяснения и не полез под полубак.— Раз положено, так какой разговор...

— На месте разберемся,— сказал инспектор, сгреб с бака все три ружья и передал парню в энцефалитке.— Сложи-ка там в шлюпке. И портфели определи,— поднял с песка и протянул оба портфеля.

Если до этого толстячок еще сомневался, зачем милиционеры, идя на берег, взяли с собой портфели (может, у них там бумаги всякие, протоколы), то теперь

стало ясно, что в город едут под конвоем, и, следовательно, опасность обнаружения мехов не только не снимается, но, напротив, увеличивается: уж в городе-то непременно обыщут. Пятаков, конечно, ничего не сделал. Когда он вошел утром без лейтенанта в балок, и толстячок, покосившись на спящую женщину-следователя, спросил, как с тем делом, Пятаков ничего не ответил. Значит, не спрятал, и стоит милиционеру открыть крышку багажника и запустить туда руку... Шкурки были уложены в целлофановые мешки и прикрыты двумя полушубками. Дурака сваяли, что стали делить их при Пятакове, подумал толстячок, лучше б не знал.

— Вы, товарищ лейтенант, с нами хотите поехать? — вежливо осведомился он.

— Нет, — помедлив, ответил участковый. — Вы — с нами поедете.

— На-а... вертолете?

— На шлюпке.

— А-а... вертолет как же?

— А вертолет без нас не пропадет. Долетит как-нибудь. Ну-ка вылезайте, — приказал он парню в энцефалитке, — столкнем. А ты давай залазь, Ольга Васильевна, — повернулся он к Ледзинской. — А потом ноги замочишь. Сапоги у тебя короткие.

— За бензином надо еще, — сказал сзади Пятаков.

— Где он?

— Вон, — махнул Пятаков в сторону склада ГСМ под обрывом. — Там наша, верней, ихняя, — указал на толстячка, — фляга стоит пустая. Дай мне шланг от бачка, — обратился он к парню в энцефалитке, который все стоял в шлюпке, принимая и отпуская, словно кладовщик, — я схожу накачаю.

Парень подал шланг, и Пятаков, волоча ноги по мокрому снегу, пошел к белым емкостям.

— Там же солярка должна быть, — усомнился Цветков.

— В емкостях — да, соляр, а в бочках — бензин, — пояснил парень в энцефалитке. — Для бензопил, видимо. Мы уж там бра... — осекся он, вспомнив, что рассказывает милиционеру, как воровали бензин.

— Он брал, — поправил толстячок, вытянув подбородок вслед Пятакову. — Мы тут ни при чем. И фляга не моя, — добавил он, вспомнив, что Пятаков указывал на него, как на владельца фляги.

— Фляга моя,— сказал парень в энцефалитке, с презрением покосившись на толстячка. Тот кивнул—справедливость была восстановлена.

Все надолго замолчали, глядя в сторону склада ГСМ, куда, не спеша, будто выбирая где ступить, шел, как по минному полю, Пятаков. Он сделал еще несколько шагов и, на ходу разматывая шланг, скрылся за грязно-белой емкостью.

— Коля, ты бы прогрел покамест двигатель,— обратился толстячок к парню в энцефалитке. Тот посмотрел на участкового и шагнул к мотору.

— Я сам,— остановил его лейтенант.

Парень остановился.

— Что — вы сами? — не понял толстячок.

— Сам прогрею.

— То есть вы... и поведете сами?

— Да.

— Любопытно,— сказал толстячок.— Выходит, мы с тобой и правда арестованные,— обратился он к парню в энцефалитке.— А наручников надевать не будете? — повернулся опять к Цветкову.

— Не болтайте глупостей,— сказала молчавшая до сих пор Ледзинская.

— Ну почему глупостей? — не унимался толстячок.— В наручниках не выплывем, коли шлюпка перевернется. А у нас столько народу, что немудрено. Вы ведь тоже поедете? — спросил он у Ледзинской.

Она не ответила.

— Тут и без наручников не выплывешь,— сказал парень в энцефалитке и поежился.

Пятаков показался из-за емкости, таща на плече почерневшую молочную флягу с бензином. Шланг он обмотнул вокруг локтя, но тот размотался и попал под ноги. Пятаков сбросил ношу, обвязал шланг вокруг пояса, вскинул с видимым усилием флягу и побрел еще более осторожно, чем шел туда, то и дело осклизаясь на мокром снегу.

На полпути он сильнее сгорбился и выглядел на белой равнине снежным человеком, раздобывшим где-то странный тяжелый предмет непонятного назначения.

«Прокурору города товарищу Со-
мову В. Ф. от гражданки Кобенко-
вой И. А., проживающей по ул. Авиа-
торов, 7, кв. 12,

з а я в л е н и е

Прошу разобраться в моем заявлении и немедленно принять меры. В настоящее время мой муж Кобенков Анатолий Викторович, пилот 1-го класса, командир вертолета Ми-4, отстранен от полетов. Командир авиаотряда Дергачев А. А. сказал, что он отстранен временно, до окончания дела в прокуратуре, а там будет видно. Я прошу вас, товарищ прокурор, прямо сообщить мне: виновен мой муж Кобенков А. В. или не виновен, потому что я безотлагательно должна решить, оставаться ли мне здесь или улететь к маме. Если мой муж виновен и у него отберут пилотское свидетельство, то он не сможет прокормить меня и ребенка, и я вынуждена буду уехать от него, так как меня согласны содержать с ребенком родители, пока я опять не устрою мою жизнь. А если он не виновен, тогда прикажите командованию авиаотряда не самовольничать и немедленно допустить моего мужа к полетам, иначе он, за малым налетом часов, получит в этом месяце ничтожную сумму, где-то не более 200-250 рублей, и нам не на что будет жить и кормить нашего ребенка. Прошу не отказать мне и срочно сообщить ответ, иначе я буду писать Генеральному прокурору СССР».

37

Зима наступала широким фронтом: всюду по берегам лежал снег.

Справа и слева проплывали сосновые боры, смешанные частины, белые пространства болот и пойменных террас; то и дело взлетали, близко подпустив шлюпку с ревушим мотором, глухари и копалухи, порхали из тальниковых зарослей белые куропатки, и Пятаков, скосившись на свое ружье, лежавшее на дне шлюпки, вздыхал и вопросительно глядел на участкового инспектора,

Но тот не хотел замечать ни дичь, ни выразительных взглядов Пятакова и лишь прибавлял газу, если позволяло русло.

Шлюпка оказалась не такой уж и перегруженной и шла ходко. На поворотах — при среднем газе — буль со стороны крена лишь наполовину погружался в воду, и не опасайся лейтенант плавника, он бы вообще не сбавлял хода, шел на полном. Лось, вернее, то, что осталось от него, тянул немного. Голову с рогами лейтенант выгрузил, пройдя от сплава участка плёсов десять, а мяса было не более тридцати килограммов — из-за него угробили такого быка!.. Цветков мог выгрузить и мясо, и так он и поступил бы, если б шлюпка перегрузилась до опасных пределов; но этого не случилось, и он решил довести лосятину до Ёгана и сдать на звероферму.

Мотор «Вихрь-М» мощностью в двадцать пять лошадиных сил работал пока четко, ровно и без захлеба, и горючего ел умеренно, несмотря на большую нагрузку; была только опасность со стороны системы охлаждения, и на шестом часу плава лейтенант причалил к берегу.

Здесь по обеим сторонам стоял молодой захламленный ельник: старые перестойные деревья доживали свой век вперемешку с молодыми, оставляя после себя гнилой валежник.

Парень в энцефалитке и Пятаков наломали сушняку и развели костер. Минут через десять вода в котелке вскипела, но заварки ни у кого не осталось: пили кипяток с сахаром. Толстячок достал из кармана банку тушёнки, сказал: «Последняя...» и принялся за еду, никого не приглашая. Участковый извлек последние полкруга колбасы и четверть буханки хлеба, разделил между остальными. Вечером он рассчитывал поужинать у Хорова оленевой. До его избы оставалось часа четыре, должны были успеть засветло.

Парень в энцефалитке знал, что тушёнка под полубаком еще есть, но ничего не сказал: боялся за шкурки. Пятаков тоже знал об этом, но ему и подавно полагалось молчать: и тушёнка не его, и лейтенант приказал о мехах пока не распространяться.

Толстячок отбросил пустую банку, облизал губы и, повернувшись к участковому, вдруг сказал:

— А ты бы не зарывался, парень.

Цветков удивился:

— Это в каком смысле?

— А в таком, что нас тут трое, а ты один.

— Ничего,— сказал лейтенант.— Я рецидивиста с автоматом задерживал, а уж с вами, шантрапой, разберусь как-нибудь.

— Или ты, может, бабу за боевую единицу считаешь? — продолжал толстячок. Цветков нахмурился.— А ты на меня не смотри, не смотри...— Толстячок вдруг мелко захихикал.— Ты лучше на нее глянь, она тебя в отдельный балок спать приглашала!..

Цветков перестал жевать:

— Ну, вы...

Ледзинская встала с вещевого мешка и направилась к толстячку.

— Вы что... что...— забеспокоился тот, бросая взгляды на парня в энцефалитке, будто ища защиты, но тот прихлебывал кипяток и нимало, казалось, не интересовался происходящим.— Вы что?! — завопил толстячок, округлив глаза и птясь от Ледзинской.

Ледзинская коротко размахнулась и вlepила ему пощечину.

— Ледзинская! — строго сказал Цветков.— Вы все же офицер, не забываете!

— Вы за это ответите! — взвизгнул толстячок.— Я Владимиру Федоровичу!.. И свидетели есть!.. Есть свидетели!.. Вот он! — Толстячок схватил за плечо мирно сидящего у костра парня с кружкой, который чуть не обжегся кипятком.— Он подтвердит!..— вопил толстячок, продолжая трясти за плечо парня в энцефалитке.

— Да хватит вам,— сказал тот, стряхивая его руку.— Надоело...

— Ах ты, щенок!..— захлебнулся толстячок.

— Вы это...— сказал парень в энцефалитке.— Я ведь вам не...— покосился на Ледзинскую.— Я вмажу, так вы не скоро очухаетесь...

Толстячок покачнулся, обвел всех диким взором,— и вдруг бросился бежать через захламленный ельник к берегу.

Первым понял опасность Пятаков.

— Шлюпка! — хрипло заорал он и бросился вслед за толстячком.

Это была критическая минута. Толстячок успел отвя-
зать шлюпку, влез на бак и оттолкнулся, но в послед-

нюю секунду его схватил за ногу Пятаков. Свободной ногой толстячок двинул Пятакова в живот; тот выпустил ногу и отлетел на берег; толстячок начал карабкаться к мотору, но в этот момент участковый ухватил конец бечевки и подтянул шлюпку, а в следующее мгновение парень в энцефалитке прыгнул на подбиравшегося к мотору толстячка, схватил за шиворот и резко ударил ладонью в подбородок. Толстячок обмяк и опустился на днище.

— Фу, блин...— выдохнул Пятаков и ощупал свой живот.— Крепко шибанул, собака... Ведь немного же оставалось,— повернулся он к лейтенанту.— Оттолкнулся бы — и с приветом.

Цветков снял фуражку и утер со лба пот.

— Иди костер погаси,— сказал он Пятакову, все еще не выпуская из рук бечевку. Пятаков оглядел шлюпку, лейтенанта, держащего ее на привязи, как собаку на поводке, и пошел в ельник навстречу подходившей уже к берегу Ледзинской.

38

Плёсы сменяли друг друга с усыпляющей монотонностью: вправо — влево, вправо — влево; крены шлюпки следовали в такт поворотам, и немудрено было уснуть за мотором. В том и состояла главная опасность движения по Итья-Аху на большой скорости. Цветков давно уже перекрыл все разумные нормы — давно бы уже передать рычаг-газ парню в энцефалитке, но он боялся, что, оказавшись пассажиром, действительно уснет и пропустит то место, где нужно пристать, чтобы добраться до избы Ивана Хорова. Сам он, Цветков, узнает это место, если даже на берегу не будет никаких указательных знаков в виде причаленной лодки или развешанных для просушки сетей, но нужно обязательно смотреть вперед — вести, как говорят топографы, непрерывное опознавание, не обращая внимания на бьющий в лицо ветер и не поддаваясь усыпляющей монотонности плёсов. И лучше всего для этого сидеть за мотором, постоянно ощущая ладонью вибрирующую рукоятку рычаг-газа.

Четверо сидели на двух беседках попарно, спиной против холодного ветра: на передней — Пятаков и Лед-

зинская; на той, что ближе к корме,— парень в энцефалитке и толстячок. Все дремали, сжавшись от скоростного ветра.

Ледзинская была теперь в просторном для нее полушубке, надетом поверх пальто; она втянула голову в плечи, подняла все воротники, но все равно дрожала от холода. Ее то укачивало до тошноты, то отпускало, но потом, когда усилился ветер, она ничего уже больше не ощущала, кроме холода.

Рядом, скорчившись в три погибели, спал Пятаков.

Толстячок изредка вскидывал голову и устремлял бессмысленный взор на лейтенанта, потом, пробормотав что-то, снова склонялся и продолжал дремать.

Парень в энцефалитке временами оборачивался, пробуя смотреть по ходу движения, но выдерживал лишь несколько секунд, после чего удивленно взирал на Цветкова, думая, видно, о том, что сам бы он не выдержал стольких часов сидения лицом к ветру. Обычная логика пассажира, рассудил участковый, поймав удивленный взгляд парня. А сиди он на моем месте — точно так же прибавлял бы газу и не удивлялся.

Лейтенант, по своей привычке думать обо всех людях лучше, чем они есть, ошибался. Парень смотрел только на Ледзинскую, на которой был его полушубок, добытый с таким трудом из багажника, и вид у него был не удивленный, а сердитый. Сердился на себя: легкомысленно предложил полушубок женщине — выискался рыцарь!.. Случилось это, когда они, задержав общими усилиями толстячка, устраивались в шлюпке. Ледзинская была еще на берегу, участковый возился с мотором, и парень, уловив момент, открыл багажник и достал полушубок. Там был еще один — толстячка, но этим он получше прикрыл целлофановые мешки со шкурками. И настроение было тогда такое приподнятое, что, не задумываясь, предложил полушубок женщине.

Теперь он жалел об этом. В конце концов, не его дело, что женщина-лейтенант забралась в такую глушь. Пусть бы как хотела и выкручивалась теперь на ветру. И уж полушубок ни в коем случае не зачтется, когда приедут в город и станут разбираться с пушниной. Когда рядились с Шалагиным, тот требовал две трети, ссылаясь на то, что ему принадлежат идея и спирт, а шлюпка и мотор, которые принадлежат парню, — дело десятое. Шлюпок в городе сотни, заявлял толстячок, и лю-

бой предложит свою за одного только соболя, не говоря уже о прочем, тем более, что ведь и шляпка никуда не денется — останется у того же владельца. Теперь же, в милиции, толстячок наверняка скажет, что лично ему принадлежат две бракованные ондатры, все остальное — мастеру производственного обучения СПТУ, воспитателю будущего сельского рабочего класса!.. Лично он, Шалагин, когда ехал, вообще ни о каких мехах не промышлял, собирался лишь поохотиться на боровую дичь. И не докажешь даже, что спирт принадлежит толстячку. Брали его в Ёгане. «Ты помоложе, — сказал Шалагин, — сбегай в магазин...» и протянул пачку червонцев. Продавщица, конечно, покажет, что покупал высокий парень, одетый, как геолог, а на деньгах ведь не написано, чьи они.

Наобещал, заманил, сволочь, — парень зло покосился на толстячка, — влипли, да еще и удрать вздумал на чужой шляпке! Трепался: я! я!.. С прокурором, как вот с тобой!.. Ни один не посмеет, сам начальник милиции побоится!.. А на поверку: первого милиционера встретили — и все. Приехали.

Нет, решил парень в энцефалитке. Черта с два. Если уж потащат в милицию, все нужно рассказывать. Главное — охотников помочь найти, всех до единого. В охотниках теперь все спасение: уж они-то скажут, кто торговался, совал в руки спирт и вообще был главный в этом деле. Не отвертеться толстячку, пусть хоть пять прокуроров его спасают. Закон есть закон. Может, и насчет денег, на которые спирт покупали, удастся доказать. Он до сих пор из долгов не выберется — перед самым Днем рыбака шляпку с мотором купил, полторы тысячи угрохал, и сейчас, перед самой поездкой, в долг брал полста рублей. Может, и дознается милиция, чьи деньги и чья идея. Должна разобраться, на то она и милиция!..

Парень поднял голову и посмотрел на Цветкова с надеждой и чуть ли не с симпатией. Собственно говоря, злобы на милиционеров у него не было: те ведь делают свое дело. Ведь не могло же такого быть, чтобы младший лейтенант закрыл на все глаза и вступил в дележку пушнины? Не могло? Нет. Ну, так о чем разговор? Не получилось — не выкрутились.

Не получилось... Впрочем, о пушнине милиция ничего еще не знает. А лося убил толстячок. Может, еще

удастся выкрутиться? Он, гад, ведь и лося застрелил из чужого ружья.

Он окончательно замерз в своей энцефалитке, обернулся и, не глядя на Ледзинскую, потянул за полу палатку. Палатка развернулась и мясо вывалилось на промазученную решетку, выстилавшую днище. Накинул палатку на плечи, нечаянно подтолкнув при этом толстяка, который сразу проснулся, проморгался и без дальних слов потянул палатку на себя. От такой наглости парень чуть не задохнулся. Черта с два!.. Дернул в свою сторону — шлюпка резко накренилась, и в ту же секунду сидящий на управлении милиционер больно пнул по сапогу и без шутки пригрозил кулаком. Парень подумал — и уступил половину палатки, решив на всякий случай не собачиться. Может, и толстячок еще пригодится, кто его знает. На этих милиционерах свет клином не сошелся. И кулак, по правде говоря, у этого рыжеватого младшего лейтенанта приличный. Причем тут, на Итья-Ахе, он, пожалуй, не станет долго размышлять о законности.

Палатки вполне хватило на двоих.

Лейтенант продолжал гнать шлюпку вперед почти на предельной скорости, и парень в энцефалитке подумал, что гонщик из милиционера — дай бог. Это надо уметь — так гнать по Итья-Аху.

Теперь, по расчетам участкового, до избы Ивана Хорова оставалось не более двадцати пяти плёсов. По времени это составляло часа полтора.

Шлюпка вышла на длинный прогон. Цветков прибавил газу, и в это время густо, как ночью в поселке, повалил снег. Лейтенант, мгновенно потеряв видимость, сбросил газ. Мотор от резкой смены режима работы чихнул дважды и заглох. В непривычной тишине слышался только шум в ушах и глухой плеск воды о борт, но и он вскоре смолк, и шлюпка, потеряв инерционную скорость, развернулась кормой вперед и медленно поплыла вниз по течению. Единственное, что утешало, — плыла она в нужном направлении.

Высокий с обеих сторон лес надежно защищал русло от ветра; снег, мельтеша где-то вверху, на Итья-Ах опускался почти отвесно; сквозь густую его пелену, не

рассеиваемую ни на мгновение, едва проглядывали берега, и Цветков, держа двигатель на самых малых оборотах, старался не упустить из виду темных очертаний и не налететь на плавник.

Четверо, сидевшие попарно на беседках, уже не дремали, но и не переговаривались между собой, опасаясь помешать лейтенанту: сбить его с толку или отвлечь.

Молчал парень в энцефалитке, знавший лучше других, как опасно идти так долго на малых оборотах: перегреется и сгорит bobина. Он с уважением думал о милиционере, который чувствует чужой мотор, как самого себя, и не дает ему захлебнуться. Впрочем, и Цветков в этот момент думал о парне с уважением: неизвестно, каким мастером производственного обучения был тот, съел ли собаку на двигателях внутреннего сгорания, хорошо ли обучал ребят в СПТУ,— собственный его мотор пока не подводил: работал четко, как часы, заводился с первого раза, как вертолет, а дроссель реагировал на малейшее движение рукоятки.

Молчал толстячок, не раз порывавшийся криком предупредить лейтенанта, что идут прямым курсом на плавник, но успевавший каждый раз вовремя подумать, что милиционер, сидящий на управлении, видит лучше — имеет больший обзор, и кричать — лишний раз мотать младшему лейтенанту и без того натянутые нервы.

Все четверо, полуобернувшись, вглядывались вперед, в густую пелену снега, и каждый, кто терял из виду смутные очертания берегов, благодарил в душе лейтенанта, что тот их видит и не дает шлюпке налететь на мыс или на плавник. Скорость, даже самая маленькая для двадцатипятисильного мотора, была все же достаточной, чтобы, неудачно наткнувшись на торчащее из воды бревно, шлюпка опрокинулась. И оно, бревно, словно в подтверждение, протащилося вдруг мимо, едва не зацепив левый борт, так что все вздрогнули, а толстячок отпрянул назад и убрал с борта локоть; и поскольку шлюпка за мгновение до этого рыскнула вправо, четверо, враз выдохнув, снова подумали об участковом инспекторе и о том, что он бревно заметил загодя и успел обойти, а они увидели только тогда, когда оно, нелепо высываясь одним концом из воды, прошло мимо.

Это был единственный в их совместном путешествии момент, когда все они, не сговариваясь, слились в

единый коллектив, и каждый знал об этом, надеясь на ближнего, как на себя. Это спасло их, пятерых, оказавшихся, как на маленьком острове, в дюралевой посудине посреди бескрайней тайги, спасло от неминуемой смерти, разлегшейся так близко, что протяни руку, опусти за борт,— и ощутишь ее холодное мокрое тело. Перевернись сейчас шлюпка — никто из них не добрался бы даже до берега, схваченный железными судорогами, закрученный стремительно несущимися водоворотами, затянутый в омуты, и даже трупы их потом, на другой год, вряд ли бы всплыли, попав под глухие коряжины, какими устлано дно сплавной реки Итья-Ах. Но пусть кто-нибудь, совершив невозможное, добрался бы до берега: мокрый, обессилевший, увязая по щиколотку в снегу, в покрытой ледяным панцирем одежде, без сухих спичек в кармане, он замерз бы уже к утру, и тогда шатун, если б забрел сюда, сожрал труп.

Пережидать снег, пристав к берегу, они не могли: на этом участке снег, возможно, шел бы неделю.

То, что они сейчас случайным, но все же единым коллективом, спасло их от смерти, всех пятерых, когда до избы Ивана Хорова оставалось каких-нибудь пятнадцать-семнадцать плесов, а некоторые из них, которые меньше всего этого заслуживали, добрались и до города. Они не вспоминали потом, что спас их участковый инспектор лейтенант Цветков с одной звездочкой на погоне, потому что он не знал еще, что он лейтенант, и так и умер, не успев привернуть вторую. Те, что спаслись, продолжали ненавидеть его даже после смерти из-за тех (мелких, конечно, в сравнении с гибелью людей) неприятностей, которые принесла им встреча с двумя, безымянными в общем строю, сотрудниками милиции.

Но пока они были единым коллективом и благодарили в душе лейтенанта Цветкова за то, что он не дает им погибнуть. Сейчас он был для них непререкаемым авторитетом, царем и богом, и тем, что не поддается определению никакими словами.

• • • • •

Пелена снега постепенно разрежалась, все четче проступали очертания берегов, и лейтенант прибавил газу и разогнул затекшую спину, давая себе передышку.

Когда, наконец, шлюпка окончательно вырвалась из полосы снегопада, лейтенант выжал газ до отказа, и мотор, облегченно взревев, понес, показалось, с утроенной силой. Быстро сгущались сумерки, но теперь до избы Ивана Хорова оставалось всего пять плёсов: самоплавом за час можно спуститься.

40

«Я, инспектор ОУР лейтенант милиции Скаржинский, взял объяснения у Кутепова Виктора Антоновича, 1939 года рождения, уроженца г. Салдус Латвийской ССР, проживающего в пос. Правдинский Тюменской области, русского, беспартийного, образование неполное среднее, помощника бурильщика буровой бригады Правдинской нефтеразведочной экспедиции, в 196... году осужден народным судом г. Цхинвали по ч. 2 ст. 151 УК ГССР к 3 годам лишения свободы, освобожден в 196... г. по отбытию срока наказания; в 196... г. осужден народным судом Богородского района Кировской области по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, освобожден в 196... г. по отбытию срока наказания; в 196... г. осужден народным судом г. Самарканда по п. «б», ст. 88. УК-УзССР к пяти годам лишения свободы, освобожден в 197... г. по отбытию срока наказания».

«Поясняю, что 12 октября 197... года, около 18 часов по местному времени, находясь на верховой площадке, я заметил, что внизу, на бурильной площадке, появился мастер Амиров и стал объяснять что-то находящимся там бурильщику Крамаренко и помбурам Дьячину и Бычкову. При этом мастер указывал рукой в направлении реки Ёган-Ах. Затем все четверо спешно покинули бурильную площадку. Куда они направились, я из-за укрытия рассмотреть не мог и остался на своем рабочем месте, так как вскоре должен был начаться спуск колонны после смены отработанного долота. Что касается ухода мастера, бурильщика и помбуров, то я подумал, что мастер отозвал их для какой-либо срочной производственной необходимости и они вот-вот вернуться. Я решил спуститься вниз и узнать, что случилось, и в это время застучали по трубе монтировкой. Это означало, что меня вызывают вниз. Спустившись, я увидел

старшего дизелиста Пиницу, который послал меня в балок, а сам пошел глушить дизеля. Войдя в балок, я увидел, что на топчане лежит сотрудник милиции в форме младшего лейтенанта, а возле него находятся Крамаренко, Дьячин и Бычков. С одежды младшего лейтенанта ручьем стекала вода. Мастер Амиров в это время вызывал по радиации город. Я стал помогать Крамаренке, Дьячину и Бычкову раздевать младшего лейтенанта. Он был не то чтобы в бессознании, но и не совсем в себе, так как неоднократно порывался вскочить с топчана, крича при этом: «Ольга! Ольга!», а иногда: «Федька, вернись, я тебе приказываю!» и еще отдавал какие-то команды, которых было не разобрать. Мы на его действия и команды не реагировали, а продолжали раздевать, как нам приказал мастер Амиров. Пальто, мундир и остальную одежду до пояса мы сняли легко, а сапоги набрякли и не поддавались. Кроме того, младший лейтенант от нас отбивался и не давал, чтобы его раздевали. Однако, повозившись, мы сняли и сапоги, а затем брюки и кальсоны. Раздев младшего лейтенанта, мы увидели, что колено у него перетянуто какой-то тряпкой. Сняв, с разрешения мастера Амирова, и тряпку, мы обратили внимание на то, что на колене младшего лейтенанта имеется большая опухоль синеватого цвета. Крамаренко высказал предположение, что, должно быть, милиционер разбил коленную чашечку. Я достал из аптечки чистый бинт, и мы снова перебинтовали ногу младшему лейтенанту. К этому времени мастер Амиров кончил переговоры с городом. Он сообщил нам, что за милиционером прилетит вертолет, и послал Крамаренко, Дьячина и Бычкова рубить сушняк для костров для обозначения посадочной площадки, так как ко времени прилета вертолета будет уже темно. Мне же он велел идти к старшему дизелисту Пинице и вместе с ним обеспечить, чтобы возле каждого места для костра стояли наготове банки или канистры с бензином, после чего Пинице заняться укладкой костров, а мне вернуться в балок для дальнейших указаний. Когда спустя минут двадцать, выполнив, что мне было поручено, я вернулся в балок, мастер растирал спиртом младшего лейтенанта. Увидев меня, он передал мне бутылку со спиртом, велел растирать дальше, а сам вышел проверить, как движется работа по подготовке ночной посадочной площадки. Младший лейтенант лежал спокойно, только

что-то невнятно бормотал, а когда я стал растирать его, он совсем затих, вроде как заснул. Я растирал его до тех пор, пока не кончился спирт, а потом укрыл тремя полушубками. Сперва я хотел оставить его и идти помогать ребятам, но потом подумал, что милиционер в таком состоянии может соскочить и как есть, в чем мать родила, выбежать на улицу, где, чего доброго, сразу схватит воспаление легких. Я пододвинул к топчану электропечь, а сам сел в ногах младшего лейтенанта и стал ждать мастера. Последний отсутствовал минут тридцать, может, чуть больше. Когда он, наконец, вернулся, я собрался уходить, но он сказал, что ребята там сами управятся, так как вертолет придет не раньше, чем через полтора часа, и велел мне выжимать одежду младшего лейтенанта. Когда я поднял с кучи нижнее белье, мастер увидел, что поверх брюк лежит офицерский ремень с кобурой, и сказал, что пистолет надо вынуть и почистить, иначе он поржавеет, и у младшего лейтенанта будут неприятности. При этом мастер Амиров заметил, что он старый солдат и знает, что делать. Я хотел взять кобуру, но мастер сказал: «Погоди-ка, я сам». Он поднял ремень с кобурой, нахмурился и сказал: «Что за черт?» Затем открыл кобуру. Она была пуста. Только в кармашке на кобуре была запасная обойма. Мастер стал пристально смотреть на меня, и я растерялся, так как решил, что он заметил, что я выпил спирту. Мастер вдруг спросил: «Где пистолет?» Я еще больше растерялся от такого вопроса и ответил, не знаю. Мастер сказал: «А кто же знает?» Я опять ответил: «Не знаю». Мастер сказал: «Ты что же, хочешь сказать, что тут вообще пистолета не было?» Я ответил, что в кобуру даже не заглядывал. Мастер разозлился и заявил, что этот номер у меня не пройдет и чтобы я немедленно вернул пистолет. Я ответил, что не брал никакого пистолета. Мастер сказал, что он мне не верит. Я стал ему доказывать, что ни в чем не виноват, что мне нет никакого расчета снова лезть в тюрьму, так как я теперь получаю по четыреста рублей и решил жениться на хорошей женщине с ребенком, которая живет в поселке. Но мастер сказал, что горбатого, видно, могила выправит, и предложил мне вернуть пистолет и катиться на все четыре стороны. При этом он добавил, что еще делает мне одолжение, так как если я добровольно сдам пистолет, то он не будет заявлять в милицию, чтобы

на бригаде не было пятна. Тогда я стал срывать с себя одежду и кричать: «На! Обыскивай! Не брал я пушку! Смотри!» Мастер усмехнулся и сказал, чтобы я свою уголовную истерику прекратил. Потом добавил, что если я не хочу по-хорошему, то и не надо, милиция придет — все равно пистолет найдет. В это время вошел бурильщик Крамаренко и доложил, что все готово. Мастер Амиров коротко изложил ему суть дела и приказал охранять меня, не спуская глаз. Я сказал, что охранять меня не надо, так как отсюда бежать некуда, но мастер сказал, чтобы я его за идиота не принимал, и что если я порешил выбросить пистолет в воду, то этот номер мне не пройдет. После этого он сел на табурет и стал сокрушаться, что взял меня в бригаду на свою голову и что буровая теперь встала. Я сказал: «Как встала?», а он закричал: «А как же не встала? Колонну надо опускать, а верхового нету, и погода не-летняя, этот рейс по санзаданию выполняют, и ждать придется неизвестно сколько». Я закричал: «Как же так?», потому что получалось, что из-за меня будет стоять вся бригада, притом не потому, что я виноват, а только из-за того, что в моей прошедшей биографии имели место неприглядные факты. Я стал просить, чтобы меня не отстраняли от работы. Крамаренко, как старший вахты, тоже стал уговаривать, чтобы меня не отстраняли, потому что обидно вставать, когда мы только что вошли в график, но мастер заявил, что решение его окончательное. Крамаренко попросил, чтобы меня допустили к работе под его ответственность. Мастер на это ответил: «А с тебя потом спрос маленький, когда он тебе свечу на голову сбросит. Спросят с меня!» Я сказал мастеру как можно спокойнее: «Самит Сагитович, поверьте, век мне свободы не видать, не брал я пистолета!» Но мастер вскочил с табурета, схватился за голову и стал говорить, что теперь все горит, план горит, передовое знамя горит, обязательство брали к партийной конференции — тоже горит, и ему, как коммунисту, позор на его седую голову. Тогда Крамаренко сказал мне, что, может, я брал пистолет, так лучше вернуть, и тогда, может, мастер допустит меня к работе. Тут я не выдержал и заревел, как лось, так как жизнь у меня налаживалась уже по-настоящему и я твердо решил забыть прошлое и не сворачивать с прямой дороги. В это время вошла коллекторша Рая Забирова

с горячим бульоном для лейтенанта, увидела, что я реву, и сама заплакала в голос, так как подумала, что помер младший лейтенант и что, мол, поэтому я реву. Больше ничего добавить не могу, категорически заявляю, что пистолета я не брал.

Вопрос: Сколько спирту вы выпили, когда растирали младшего лейтенанта?

Ответ: Граммов сто пятьдесят, не больше. Мастер и другие члены бригады даже не заметили, что я выпил.

Вопрос: Кто снимал ремень с кобурой с младшего лейтенанта, когда его раздевали?

Ответ: Снимал я.

Вопрос: Кобура при этом была закрыта или открыта?

Ответ: Кажется, закрыта, но точно не помню.

Вопрос: Пистолет системы Макарова весит 810 граммов. Не заметили ли вы по весу, когда снимали ремень, есть в кобуре пистолет или нет?

Ответ: Не заметил. Все было мокрое и тяжелое, и ремень с кобурой я относил на кучу вещей вместе с брюками и сапогами, так что определить было трудно, да я и не задумывался над этим.

Вопрос: Подозреваете ли вы кого-либо из членов бригады в хищении пистолета?

Ответ: Никого не подозреваю.

Вопрос: Оставался ли кто-нибудь, кроме вас, наедине с младшим лейтенантом?

Ответ: Никто не оставался, кроме еще мастера Амирова. Но я за себя иной раз не поручусь, а за мастера мы все поручимся головой, хотя он со мной обошелся несправедливо. Записано с моих слов правильно».

41

Ледзинская не задумывалась над своим отношением к мужу, вернее, если и приходили ей в голову какие-то мысли по этому поводу, то она старалась уверить себя, что все идет как нужно, во всяком случае, не хуже, чем у других, и лучше, быть может, и не бывает, а если и бывает, то не всем же жить на небесах. Собственно, и теперь, по прошествии двух лет, она не могла упрекнуть

себя в легкомыслии. Ледзинский однажды сделал ей предложение, она представила его родителям, а вечером, на семейном совете, обсудили его кандидатуру. Отрицательных качеств в Ледзинском не нашли. Спокойный, управляет собой, не суетлив, недурен, умен, держится скромно, но твердо и достойно. Они поженились. Поехали на Север. Так хотела она. Он, кажется, хотел остаться в Москве (сам он был не москвич), однако прямо этого не говорил, лишь перед самым отъездом как бы мимоходом заметил, что в Москву вернуться никогда не поздно, благо у ее родителей площадь позволяет. Потом его взяли в армию, и она писала ему обычные письма, какие пишут солдатам, не считая, может быть, последнего, которое она написала в порту перед вылетом на Итья-Ах.

И вот здесь, на Итья-Ахе, под монотонное кружение плёсов, она стала вдруг размышлять о том, почему она оказалась замужем за Ледзинским. В самом деле: почему? Почему именно он из всех парней, которые за ней ухаживали, стал ее мужем? Она вспомнила самое первое близкое с ним знакомство. Он пригласил ее в общежитие на свой день рождения, пригласил достойно, без лишних слов, очень естественно, и было неудобно отказаться, потому что, кроме нее, он позвал еще человек пять с их курса. И в общежитии все было достойно и естественно, без большой пьянки, неуместных шуток и уж тем более без липких предложений, так что когда на другой день он пригласил ее в театр, ей вновь было неудобно отказаться, тем более, что билеты были на Таганку. И потом, когда ей хотелось провести время со своими школьными еще друзьями на вечеринке, а он пригласил ее пойти на лыжах, тоже было неудобно отказать ему, стоявшему уже с лыжами и с билетами на электричку: старые друзья поймут, а он еще обидится. И все было так корректно и вежливо. Неудобно... Она вдруг задержалась на этом слове — неудобно. Что?.. Неудобно. Неудобно. Так вот почему?.. Неужели?.. Значит, ей просто неудобно было отказать ему, когда он сделал предложение? И при этом не было ни одного существенного повода отказать ему?..

Это открытие было столь ошеломляюще и в то же время так исчерпывающе объясняло историю ее замужества, что на минуту ей стало страшно.

Она посмотрела на Цветкова. Он заметил это, улыбка

нулся и энергично потрянул головой. Наверное, хотел подбодрить ее. Или сообщал таким образом, что до ночлега остается совсем немного. Потом вновь сосредоточился на управлении шлюпкой. Она понимала, что не должна отвлекать его, иначе он подумает, что она хочет что-то сказать ему, и, чего доброго, остановит шлюпку, но не могла отвести от него взгляда. Она хотела понять: почему вот с этим деревенским участковым, которого она едва знает, ей не страшно было на сплавучастке, когда они оказались отрезанными от всего мира, почему сейчас она спокойна на этой опасной водной дороге в соседстве с тремя браконьерами, и почему ей очень не хотелось бы, чтобы сейчас на месте этого рыжеватого участкового оказался ее муж? Ей стало обидно, что, оказывается, существуют вот такие мужчины, которых можно без ошибки понять с первого взгляда, с которыми не страшно и которых не нужно раскладывать по полочкам, гадая, что в них хорошего и что плохого. Еще обиднее было то, что в Цветкове не было ничего особенного, он был один из многих, но ей почему-то попался именно Ледзинский, кажется, один из немногих.

Она заставила себя отвести глаза, потому что участковый опять обратил внимание на то, что она смотрит на него. На повороте шлюпку занесло, днище ударилось об упругую спину Итья-Аха, и в лицо Ледзинской полетели холодные брызги. Она засмеялась, и сама вначале удивилась тому, что засмеялась, но потом поняла, что, несмотря на горечи и обиды, несмотря на ветер и брызги в лицо, несмотря на укачивающую монотонность плёсов, несмотря на сидящих рядом браконьеров,— было в ее теперешнем состоянии что-то светлое и хорошее. Все, наконец, становилось на свои места. Не оставалось гнетущей неясности. Теперь она знала все и, следовательно, могла строить свою дальнейшую жизнь уверенно и твердо, пусть трудно, пусть не сразу, но без этого дурацкого чувства неудобства и поисков несуществующих или существующих (все равно) доводов и поводов.

Шлюпка набирала разгон после крутого поворота.

13 часов 05 минут.

С борта вертолета 88294.

От подполковника Громова майору Пахоменко.
Срочно.

ЖЕНА ОХОТНИКА ХОРОВА ВИДЕЛА ПИСТОЛЕТ ПОРТФЕЛЕ ЛЕДЗИНСКОЙ тчк ОТРАБОТАЙТЕ ВЕРСИЮ ЛЕДЗИНСКАЯ ПОЛУЧИЛА ПЕРЕД КОМАНДИРОВКОЙ ЧУЖОЙ ПИСТОЛЕТ тчк ПРОВЕРКУ ОСУЩЕСТВИТЕ МЕТОДОМ ИСКЛЮЧЕНИЯ ВСЕГО ОРУЖИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА тчк РЕЗУЛЬТАТ РАДИРУЙТЕ НА БОРТ НЕМЕДЛЕННО

Передал: командир вертолета Лещев.

Принял: командир авиаотряда Дергачев.

13 часов 40 минут.

Из центральной диспетчерской аэродрома.

От майора Пахоменко подполковнику Громову.

Срочно.

ЛИЧНОЕ ОРУЖИЕ ЛЕДЗИНСКОЙ НАХОДИТСЯ ОТДЕЛЕ тчк ЧИСЛИТСЯ СДАННЫМ тчк ПРОВЕРКА ОСУЩЕСТВЛЕНА СОГЛАСНО ВАШЕМУ УКАЗАНИЮ

Передал: командир авиаотряда Дергачев.

Принял: командир вертолета Лещев.

К ночи небо очистилось, высыпали звезды, и было ясно, что подморозит, но это никого не тревожило: шуга не шла, и потому за ночь река не встанет, а ехать им оставалось всего один завтрашний день.

Последние полтора плёса шли опять на малых оборотах при свете звезд. Шлюпка легко скользила по течению, плавно, как планер, выходя из кренов, и здесь, среди реки, было, казалось, гораздо теплее и уютнее, чем на безмолвных белых берегах, а черная вода Итья-Аха больше не пугала. Зная, что теперь до ночлега совсем немного, причаливать вовсе не хотелось, а хотелось скользить и скользить по этой черной, блестящей под звездами поверхности, покамест не покажутся впереди огни Ёгана.

Начинались знаменитые Итья-Ахские кедровые рощи.

Следующий плёс — последний. Этот участок реки лейтенант знал как пять своих пальцев — ездил здесь охотником.

Приставать не хотелось еще и потому, что безотлагательно нужно было решить: как дойти до избышки? Проблемы этой, конечно, не возникло бы — дорога известна, но люди, с которыми он должен идти туда, — отнюдь не из тех, с кем можно идти в разведку. Случай с толстячком лишней раз убедил в этом. До избышки около двух километров лесом — и где гарантия, что кто-нибудь вновь не попытается бежать? Самое надежное — идти замыкающим. Но кого пустить вперед? Никто, кроме него, тропы не знает.

Шлюпка шла, между тем, последним плёсом, в середине которого нужно было причаливать к правому берегу. Берег здесь был высокий, и лейтенант высматривал место, где легче будет подняться, когда заметил внизу заснеженного спуска длинное темное тело... Лодка!.. Он положил рычаг-газ влево и метра за три до берега нажал кнопку «стоп». Через секунду шлюпка мягко ткнулась в прибрежный мох против вытащенной из воды и перевернутой лодки.

Первым на берег выпрыгнул Пятаков с чалкой. Закрепил бечевку за росшую у самой воды хилую елку. Хмуро сказал остальным:

— Вылазь.

Лейтенант повернул краник отстойника, отсоединил шланг, аккуратно намотал его на ручки бензобака и, дождавшись, когда выбрались все, сказал, указывая на высокий берег:

— Поднимайтесь... Погоди, я тебе помогу, Ольга Васильевна.

Ледзинская хотела ответить: «Ничего, я сама», но вдруг поняла, что участковый остановил ее вовсе не затем, чтобы помочь.

— Портфель мой захвати тоже, — сказала она.

Трое карабкались на кручу; пока они трещали сучьями и ругались вполголоса, скользя по снегу резиновыми сапогами, лейтенант, подхватив левой рукой оба портфеля, правой на ходу расстегнул кобуру и, оказавшись рядом с Ледзинской, громко сказал:

— Возьми портфель, — протягивая в то же время и пистолет. Она взяла без удивления, сунула в карман пальто и подумала: хорошо, что не успела зашить в

кармане дырку — туда прошло дуло, и пистолет лег удобно, как в кобуре.— Если что — стреляй поверх голов,— сказал инспектор.— Пошли!

Трое наверху прислушались: о чем говорят меж собой милиционеры? Но лейтенант рассчитал правильно: говорить нужно тогда, когда они лезут, треща сучьями, и не могут обернуться, а теперь, когда трое, затаив дыхание, вслушивались в то, о чем говорят и что делают внизу,— там уже ни о чем не говорили и ничего особенного не делали, а тоже, треща сучьями и поминающая черта, карабкались вверх по склону.

Здесь, наверху, под редкими кедрами, было темнее и лиц не видно, но участковый определил по напряженным позам и напряженному молчанию, что трое чего-то ждут. Они стояли шеренгой, которая, впрочем, едва угадывалась. Сомнение мелькнуло еще раз: нужно ли?.. Но пистолет лежал уже в кармане Ледзинской. И эта расхлябанная шеренга, похожая на строй мелких хулиганов перед разводом на работу, тоже чего-то ждет. Конечно, они не знают, что именно предпримет лейтенант, но знают, что что-то предпринять собирается, и отступить сейчас — значит, сдаться.

Он оглядел расхлябанный строй и твердо начал:

— В осуществление данных мне полномочий объявляю вас всех троих,— сделал он шаг в их сторону, чтобы обращение выглядело убедительней и не могло быть истолковано превратно,— задержанными по статье сто двадцать второй Уголовно-Процессуального Кодекса Российской Федерации.— Ледзинская при этих словах удивленно подняла брови, но, к счастью, в темноте этого никто не заметил.— В соответствии с данной статьей,— продолжал лейтенант,— вы считаетесь находящимися под стражей, и в случае побега будет открыт огонь. Так как в настоящее время возникла необходимость... проследовать этапом к месту ночлега, создается специальная конвойная группа в составе меня и лейтенанта Ледзинской. Командование конвойной группой беру на себя. Исходя из реальных условий конвоирования, а также специфичности передвижения по ночному лесу, побегом будет считаться пять шагов в сторону от колонны. Порядок следования до ночлега следующий: впереди я, за мной задержанный Пятаков, далее задержанные... как стоите по строю,— он пожалел в этот момент, что все еще не спросил у них фамилий

и что, пожалуй, лучше бы следом пустить толстячка. Но поздно спрашивать фамилии: могут соврать, и тогда задержание — и без того достаточно условное — обратится в фарс. — Замыкает колонну лейтенант Ледзинская. — Он посмотрел в ее сторону.

— Есть, — вяло отозвалась та.

— Интервал движения — три шага, — закончил Цветков. — Вопросы, жалобы есть? — неожиданно для самого себя задал он прокурорский вопрос, но очень уж хотелось узнать, как отнеслись к его словам трое.

— Жалоба есть, — нехотя откликнулся Пятаков.

— Слушаю.

— Горячим кормить думаете? Уже кишка кишке рапорт отдает. — Непонятно было: серьезно он говорит или мурьжится. — Раз задержанные, положено кормить... Я законы знаю.

— Кормить будем, — сказал лейтенант. — По прибытию к месту ночлега. Еще вопросы есть?

— Есть вопрос! — сорвавшимся от долгого молчания голосом вскричал толстячок. — Вы думаете, мы это потерпим?! Это глумление!

Лейтенант спокойно сказал:

— Повторяю для тех, кто не понял и думает, что здесь профсоюзное собрание: пять шагов в сторону — считается побег. — Он помолчал. — Оправка произведена?

— Чего? — спросил парень в энцефалитке.

— Произведена, — ответил Пятаков.

— Да вы что, издеваетесь?! — завопил толстячок, не трогаясь, однако, с места и соблюдая шеренгу.

— Истерику прекратить. Во внимание не берется. Лейтенант Ледзинская!

— Я.

— Предъявите личное оружие.

Трое переглянулись. Она сунула руку в карман и достала пистолет. Подкладка кармана вывернулась вслед за стволом, и Ледзинская, перехватив пистолет в левую руку, правой быстро затолкала подкладку обратно. Потом сообразила, что в темноте дырку никто увидеть не мог, и усмехнулась своей поспешности. Взяла пистолет в правую руку.

— Поставить на боевой взвод! — приказал Цветков.

Она опустила флажок предохранителя и, собрав все силы, быстро передернула затвор. Трое опять пере-

глянулись. Слава богу, сказала себе Ледзинская, подумав, какой был бы сейчас конфуз, если б не хватило сил передернуть, а этот парень в геологическом костюме, наверное, недавно из армии и помнит, как должен лязгнуть затвор, если его дотянули, а не просто дернули да отпустили.

Лейтенант Цветков между тем был в коротком замешательстве. В ту же секунду, как Ледзинская взвела пистолет, раздался быстрый шурхнувший звук — вылетел патрон из патронника. Как же он забыл, что пистолет заряжен девятью патронами, и при передергивании затвора один патрон вылетает! Что теперь делать?.. Искать патрон? Едва ли отыщешь его сейчас в глубоком мху даже с фонариком. Его и днем-то вряд ли найдешь, если не заметил, куда он упал. И эти трое... что они подумают?.. Ладно, отчитаюсь как-нибудь, подумал Цветков.

Впрочем, никто не обратил внимания на звук. Может, сучок под чьим-то каблуком хрустнул: мало ли звуков может быть в ночном лесу? Лейтенант подхватил свой портфель и скомандовал:

— Нале-во!

Трое нехотя повернулись. Ледзинская поставила пистолет на предохранитель и сунула в тот же карман «кобуру».

— Эх-ма... — вздохнул Пятаков.

— За мной с интервалом в три шага марш! — скомандовал лейтенант и, не оглядываясь, пошел по тропе. За ним двинули остальные. Ледзинская немного задержалась.

44

Тропа вела через кедровую гриву. Деревья стояли торжественно и прямо, как на построении, и лес был чистый, без коряг и бурелома, будто ухоженный. В просветы между хвойными лапами пробивались мерцающие звезды, а Млечный Путь был четко оконтурен и походил на неяркое северное сияние. Ягель проседал под ногами — пятеро шли бесшумно, как призраки; их короткие тени исчезали в бездонной глубине лесных теней и когда на мгновение выползали на тропу, то казались существами более плотными и реальными, чем

их хозяева, как бы растворенные в эфирной чистоте морозного воздуха. Тени словно бы не зависели от людей, не ими отбрасывались, а просто следовали по пятам, как соглядатаи или агенты неведомого мира.

Снег в этом месте шел, видно, недолго — едва присыпал ягель и тут же, подтаяв, просочился к земле; миллионы крошечных теней от ягельных стебельков слились в сплошное темное поле, и оттого казалось, что снег здесь не шел вовсе. Но на тропе ягель был примят, кой-где вытоптан начисто, и снег здесь лежал ровным белым слоем, не затемняясь, а лишь немного тускнея под кедрами. Весь путь до избушки, словно присыпанный мукой, обозначался так хорошо, что заблудиться было невозможно. И совсем неважно было знать дорогу: просто иди по белой тропе. Цветков подумал, что, догадайся он об этом наперед, он бы не стал отдавать пистолет Ледзинской и затевать все на берегу, а шел бы сейчас сзади, и браконьеры были бы как на ладони. Но теперь, когда существовал железный порядок передвижения и браконьеры ему подчинились, менять ни к чему. Не нужно суетиться. Суету порождает неуверенность.

— Фу! — выдохнул толстячок. — Устал, мочи нет. Ты как, Коля?

— Я ничего, — сказал парень в энцефалитке. — Я все ж таки кандидат в мастера. По лыжам. Тоже лошадиный вид спорта...

— Я сам когда-то был чемпионом, — влез в разговор Пятаков. — По прыжкам в сторону.

Грива едва заметно пошла на спуск. Кедровые стволы сперва мельчали и редели, перемежаясь все больше с покосившимися елями и пихтами, а вскоре, когда спуск стал еще круче, вовсе перестали попадаться, и тропа привела к неширокому — метров в пятьдесят — болотцу. По ту сторону низины опять был кедровый бор, и Цветков, взглядевшись, увидел сноп искр, мелькнувший меж вековых стволов.

— Что это? — спросил толстячок.

— Болотина, — сказал Пятаков. — Гиблое дело.

— И что... утонуть можно?

— А ты думал. Так и сбрыкаешь...

— Хватит болтать! — сказала Ледзинская.

— Да я что... человек вон интересуется...

Через болотце вели две параллельные обледенелые

жердочки. Слега с этого берега торчала только одна, а вырубить еще было нечем. Лейтенант выдернул слегу из торфа, взвесил в руке и, обернувшись, крикнул:

— Ольга Васильевна! Вот возьмишь — опираться через болото! Слышишь?

— Слышу.

— А нам? — закричал толстячок. — Или вам все равно, если мы утонем?

— Почти что, — сказал Пятаков. — Ложки дешевле будут... Да ты не дрейфь! Помню как-то раз на тюрьме...

— Меня ваша тюрьма не интересует!

— А зря, — сказал Пятаков. — От тюрьмы да от сумы не зарекайся...

— Так что же нам делать? — закричал опять толстячок.

— За мной, — сказал Цветков, воткнул слегу обратно в торф и пошел по жердям.

Пройдя метров двадцать, он снова обернулся, убедился, что слегу взяла Ледзинская, а трое пробираются за ним, соскальзывая с обледенелых жердей и чертыхаясь. Он тоже соскальзывал и пробивал каблуком сантиметровую корку льда, боясь порвать сапоги острыми краями лунок. Пока сходило. Сзади слышалось легкое постукивание слег об лед.

Миновав болото, он опустил на мох портфель, закурил, подождал, пока переберутся остальные, и, махнув рукой в темноту кедровой рощи, сказал:

— Пришли.

45

«Я, следователь СО ГРОВД старший лейтенант милиции Коваль, рассмотрев заявление гражданки Лямзиной Н. М. от 15 октября 197... года,

установил:

2 октября 197... года рабочий Итья-Ахского сплавного участка Кедровского отделения сплавной конторы гр-нин Пятаков Ф. И., обменяв на бензин у проезжавших по реке неизвестных охотников бутылку спирта, распил ее с рабочим того же сплавучастка гр-ном Фоминым М. М., после чего, будучи в состоянии алкоголь-

ного опьянения, ворвался в балок к рабочей котлопункта гр-ке Лямзиной Н. М., где, несмотря на сопротивление последней, сорвал с нее халат, бюстгальтер, пытался повалить на раскладушку. Противоправные действия Пятакова пытался прервать прибежавший на крики Лямзиной Фомин, однако гр-нин Пятаков на замечания не реагировал, вступил с Фоминым в драку, причинив последнему легкие телесные повреждения, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. ст. 15, 117 ч. 1, 206 ч. 2 УК РСФСР.

Действия гр-на Фомина следует признать правомерными, направленными на защиту Лямзиной от преступных посягательств, а утверждение последней о том, что Фомин также имел намерение насильно совершить с ней половой акт,— признать ошибочным.

После совершения преступления гр-нин Пятаков скрылся в неизвестном направлении, а впоследствии погиб при трагических обстоятельствах.

На основании изложенного и руководствуясь пп. 2 и 8 ст. 5 и ст. 113 УПК РСФСР,—

п о с т а н о в и л :

1. В возбуждении уголовного дела по заявлению гр-ки Лямзиной отказать: в отношении Пятакова Ф. И.— за смертью; в отношении Фомина М. М.— за отсутствием в его действиях состава преступления.

2. Копию данного постановления вручить заявительнице, разъяснив последней, что данное решение может быть обжаловано прокурору...»

46

Летняя охотничья избушка, аккуратно, как игрушечка, срубленная из тонкой корабельной сосны, на фоне могучих вековых кедров казалась хрупкой времянкой, выстроенной чуть ли не на один сезон; глядя на ее светлые, будто покрытые бесцветным лаком стены, трудно было поверить, что она стоит без малого тридцать лет — и лет двадцать уже, а то и больше, отмечается типографским способом на издаваемых в Москве полетных картах, отмечается отдельной точкой, как целый населенный пункт, и имеет набранное четким курсивом без всяких сокращений название: изба Алексея Хо-

рова. Пилоты, проходя над этим местом, ищут ее глазами и, найдя, говорят друг другу, прижимая плотнее ларинги: «А вон изба Алексея Хорова», будто о своем хорошем друге. И хотя они подразумевали под этим только то, что идут правильным курсом и что до Ёгана остается лететь час-полтора (в зависимости от типа машины и скорости ветра), — он и был им надежным другом со своей избой-ориентиром, единственной на много километров окрест. И не беда, что, столкнувшись случайно в Ёгане, куда сели заправиться, с седым стариком, подошедшим из любопытства расспросить вертолетчиков, откуда те прибыли и куда направляются, наскоро ответят на его вопросы и тут же улетят, не признав в нем, конечно, того самого Алексея Хорова, которого всего час-полтора назад поминали как старого друга и которого, не зная в лицо, поминало так не одно поколение пилотов. Не беда и то, что надпись на картах устарела: местные жители давно уже называли избу-ориентир по имени ее нынешнего хозяина — Ивана Хорова. Но, может, карта точнее: строил-то избу Алексей.

Венцы были рублены без остатка, но один, под низко расположенной крышей, высывался на полметра: специально оставляют для ружей (зимой в избу заносить нельзя — отпотевают), и на нем висела бескурковая одностволка двадцатого калибра с удлиненным стволом, признанная местными охотниками лучшим промысловым оружием. Одностволка была совсем новая, без единой царапинки на полировке ложа. Лейтенант еще раз скользнул лучом по вороненому стволу и спрятал фонарик в карман. Конечно, Хоров мог взять новое ружье в госпромхозе, но вряд ли: промысловики не любят менять пристрелянное оружие, разве уж утопят. И собак нигде не видать — уже бы выскочили навстречу. Скорее всего, самого Ивана Алексеевича нет дома, а кто в его избе — неизвестно. Лейтенант снял ружье, переломил, вынул патрон из патронника и повесил ружье на место. Затем, не оглянувшись и не пригласив никого за собой, отворил дверь и, пригнувшись, пролез под низкий проем внутрь. В избе он разогнулся, коснувшись низкого потолка тульей фуражки. Снял ее и огляделся.

Первое, что бросалось в глаза, был слепленный из глины чувал — древнейшее, проверенное веками изобретение, костер в избе, — хантыйский камин, отличающийся от английского тем, что дает больше тепла и

света и никогда не дымит, хотя гораздо более открытый. Стены внутри избы были такие же светлые, как тридцать лет назад; любая, самая совершенная печь закоптила бы их в полгода. Но, пожалуй, главное достоинство чувала — живой открытый огонь, и сидеть возле него длинными вечерами так же уютно, как у костра, только удобнее можно расположиться с рукодельем и не ест глаза дым.

Перед чувалом сидел, пристраивая на углях чайник, малец лет двенадцати в перепачканном полушерстяном костюмчике, какие выдают в Ёганском интернате. Опять сбежал из школы, привычно подумал участковый инспектор. Надо будет попозже выяснить, долго ли он, Андрюха Хоров, намерен отлынивать от ученья под разными предлогами (сейчас наверняка скажет: отцу помогаю перебраться в зимнюю избу), и предупредить, чтобы это было в последний раз. Новенькое ружье, висевшее за дверью, принадлежало, видно, Андрюхе. Теперь его калачом из тайги не выманишь, только категорическим приказом.

Чувал был справа, в углу, а вдоль двух стен — слева и у противоположной от входа — тянулись широкие низкие нуры. Жена Ивана Хорова, молодая еще с виду женщина (никогда бы не поверил, если б не знал точно, что Андрюха ей сын — не брат) в длинном с орнаментом на груди платье, сидя на нурах, раскачивала подвешенный за деревянный крюк в потолке он туп — удобную берестяную люльку с отклоненной назад спинкой, очень похожую на катапультное или космическое кресло. В онтупе тихо посапывал грудной космонавт, перетянутый для верности, будто находился уже на пути к Марсу, тонкими оленьими ремешками поверх меховой обертки.

Мальчик, проканителясь значительно дольше, чем это было необходимо, пристроил, наконец, чайник на углях и настороженно, снизу вверх, поглядел на участкового инспектора, уверенный в том, что дядя Валя-милиционер обязательно поинтересуется, чем, собственно, обязан такой неожиданной встрече с Андрюхой Хоровым здесь, в охотничьей избе посреди урмана, за сотни километров от школы. Цветков усмехнулся. Мальчик, решив, что усмешка не предвещает ничего хорошего, насторожился еще больше.

— Вуся вола! — поздоровался лейтенант, проходя, к

нурам и кладя сперва фуражку, а затем устраиваясь сам.

— Здравствуй, дядя Валя,— неуверенно ответил мальчик, справедливо полагая, что вряд ли отделается от неприятного разговора. Уж не за ним ли, по просьбе директора интерната, и заехал участковый? Отвечать, однако, требовалось так, как подобает хозяину: — Еша хошмылтыла интам шаем кавырмал, яньси питлумын¹.

— Вуся! Вуся, Валентин Михайлович! — поздоровалась и жена Ивана Хорова — Наташа. — Вохалын лохыслан юхи, ал потлаит².

Но те входили уже сами. Первым протиснулся Пятаков, за ним, согнувшись в три погибели, длинный парень в энцефалитке; кряхтя, протолкался толстячок. Последней легко скользнула Ледзинская. Наташа удивленно и встревоженно посмотрела на нее. Не часто заглядывают в охотничьи избы русские женщины. Никто из вошедших, кроме Ледзинской (да Пятаков что-то буркнул себе под нос), не поздоровался, но мальчик говорил каждому, уже по-русски: «Садись ближе к огню, грейся». Эту же обычную в здешних местах фразу он сказал и толстячку, но взгляды, какими они — мальчик и толстячок — обменялись, насторожили Цветкова. Уж не Иван ли Хоров отдал меха толстячку, а мальчик был свидетелем? Здесь, в тайге, каждый знает: отдал меха на сторону — украл у государства. Ханты могут оставлять часть пушнины для себя — шить национальную одежду, но даже эту пушнину, оставляемую в личную собственность, продавать частным лицам запрещено: не нужны самому — продай в промхоз. Не замечалось раньше за Хоровым, но вдруг?.. Спирт хоть кого собьет с панталыку. Наташа не допустит, но, может, тогда скандал был?.. Во всяком случае, ясно, что мальчик и толстячок уже встречались.

Ледзинская между тем сняла пальто, свернув его так, что пистолет оказался внутри свертка, и Наташа вновь посмотрела на нее с удивлением, а мальчик с явным восхищением. Видя, что свернутое пальто Ледзинская держит под мышкой, инспектор успокоился. Нет, не продавал Хоров меха, вернулся он к своим

¹ Грейся пока, сейчас чай вскипит, пить будем.
(Здесь и далее хантыйский язык, казымская диалектная группа.)

² Зови своих товарищей в дом, пусть не мерзнут.

мыслям. Иначе мальчик вряд ли восхитился бы при виде второго сотрудника милиции.

— Иди сюда, садись,— ласково сказала Наташа Ледзинской, поправив правой рукой шкуру на нурах рядом с собой; левой она продолжала качать онтуп. На мужчин Наташа внимания не обращала: хотят — пусть садятся, нет — стоят, ей все равно. Мужики не пропадут.— Очень замерзла?

— Нет, ничего,— ответила, улыбнувшись, Ледзинская и тоже удивленно посмотрела на хантыйскую женщину, хорошо, совсем без акцента говорившую по-русски, смуглую, в красивом национальном платье, с тремя серебряными колечками на безымянном пальце левой руки; вид у нее был немного усталый, как у всякой матери, кормящей грудью.

— Спасибо,— сказала Ледзинская, устраиваясь на шкуре и заглядывая в онтуп на перетянутого ремешками космонавта.— Мальчик?

— Девочка,— засмеялась Наташа.

— Как зовут?

— Оринька. А тебя?

— Ольга.

— Меня — Наталья. Вот и познакомились...

Они продолжали говорить о чем-то уже совсем тихо, так что за треском поленьев в чувале их голоса не были слышны сидевшим в другой стороне избы на нурах мужчинам.

— Отец-то где? — спросил у мальчика лейтенант.

— В зимнюю избу уехал. Оленей угнал. Потом за нами приедет.

— Рановато нынче в зимнюю перебираетесь.

— Отец говорит: зима рано придет. Белку скоро бить можно. Я... — собирался он рассказать, что тоже подготовился к охоте, и что ружье, висящее снаружи у входа, его, Андрюхино, управляющий отделением госпромхоза Сафонов подарил в июне, как двенадцать лет исполнилось; но вовремя вспомнил, что дядю Валю белка сейчас вряд ли особо заинтересует, — давно уже не охотовед, — ему гораздо интереснее будет спросить о школе. Впрочем, Цветков и будучи охотоведом школой всегда интересовался, и при объезде охотников забирал беглецов с собой в Ёган, не принимая никаких возражений. — Я отцу капканы привез, думал: быстро. Капканы нынче поздно в госпромхоз привезли. Хотел

обратно ехать — отец говорит: шуга пойдет, опасно. Говорит: река встанет, дорога будет — отвезу на оленях. Спешил в школу, шибко спешил — нельзя ехать...

— Та-а-ак,— протянул лейтенант, зная, что Андрюха нарочно выехал попозже, чтобы потом, сославшись на распутицу, задержаться в тайге и поохотиться. Все эти Андрюхины хитрости шиты белыми нитками. В интернате, небось, отпросился на два дня, а то и вовсе не отпрашивался — удрал потихоньку, в Ёгане теперь новый директор — совсем молодой ленинградский парень, только после института, и у него не больно-то отпросишься. Цветков сразу нашел с ним общий язык, ему нравились такие строгие и обязательные в работе люди. А вот с управляющим госпромхоза, не знающим и не признающим ничего, кроме плана, придется поговорить. Вместо того, чтобы дарить мальчишкам ружья, поинтересовался бы лучше, как они учатся. Это легче всего: сунул ружье «потомственному охотнику» — и вся забота о подрастающем поколении. — Я-а-асно,— дал он понять Андрюхе, что не больно-то верит рассказням, будто тот шибко спешил в школу. — Забрал бы сейчас с собой, да шлюпка перегружена...

— Отец сам привезет на оленях! — обрадовался Андрюха, решивший уже было, что участковый обязательно заберет его с собой. — Я, дядя Валя, всегда...

— Пойтэк нюхи кавырта!¹ — громко приказала Наташа.

— Лукашл!² — подхватился Андрюха, довольный тем, что его перебили и избавили от необходимости дальнейших объяснений с участковым. — Я быстро! — добавил он по-русски и скрылся за дверь.

Куропатку? Какую куропатку? Мяса у них нет — вот что, подумал лейтенант. А то какая же может быть куропатка, когда столько народу? Ханты — люди гостеприимные, все на стол поставят. А тут — куропатка. Только почему нет мяса? Свои олени... Оленей, правда, у Хорова мало, пусть не захотел бить на мясо. Но Хорову, если понадобится, беспрепятственно дадут бесплатную лицензию на лося. Что-то неясно.

— Хувы нюхи такла омыслыты?³ — спросил он Ната-

¹ Мясо куропатки вари!

² Ладно!

³ Давно без мяса сидите?

шу. Та смутилась, но инспектор глядел на нее в упор, и она поняла, что он повторит вопрос, если не получит вразумляющего ответа. Хорошо еще, что спросил не по-русски: Наташе не хотелось, чтоб об этом узнали посторонние — ханты не любят жаловаться. Есть — ставят на стол, нет — не объясняют почему и не извиняются за скудный обед. Помолчав немного, Наташа принялась за рассказ, медленно произнося длинные хантские слова, чтобы Цветков понял и не стал переспрашивать по-русски.

— Волэм, волэм, оша версэм,— заверил лейтенант, когда Наташа вопросительно посмотрела на него.— Еллы потыртэ¹.

Из рассказа ее выходило, что мяса им Иван оставил, когда уезжал позавчера, на неделю: сложил у порога и велел Андрюхе прибрать в лабаз. Андрюха вышел исполнить поручение, но увидел на той стороне болота куропаток, сорвал с венца ружье и побежал. Собак Иван Алексеевич кликнул с собой, но те, пробежав с километр, вернулись, сожрали мясо, а потом догнали хозяина. Так Андрюха, гоняясь за куропатками, убил трех, но проворонил мясо. С тех пор питаются куропатками. Последняя осталась.

— Халэвыт на веллум²,— виновато пообещал вошедший под конец рассказа Андрюха. Положил ощипанную и выпотрошенную куропатку в деревянную миску и поставил на угли чувала небольшой котел с водой.

— Ясно,— сказал Цветков.— Селты ен емася, анкен лапта, ампытны ки нат лэпылсан³...

Трое сидели рядышком на нурах и в разговор не вступали ни с хозяевами, ни друг с другом. Толстячок напряженно вслушивался в речь хозяйки, но знакомых слов не было, и понять, о чем она говорит, он не мог, однако почувствовал, что речь не о нем, и успокоился. Он знал, что в своем доме ханты плохого о госте не скажут.

Вода в котле закипела. Мальчик бросил туда куропатку. Толстячок удивленно вскинул брови: маловато для такой компании.

Пятаков давно спал, привалившись к стене.

¹ Понимаю, понимаю... Продолжай рассказывать.

² Завтра еще убью (добуду).

³ Давай старайся, корми мать, раз собаки тебя перехитрили.

Андрюха извлек из-под шкур маленький квадратный столик на таких низких ножках, что, поставленный на полу возле нур, он казался просто толстой доской. Столик ставят обычно на нуры, но теперь они были заняты. Андрюха выложил несколько сухих галет, которые могут храниться годами, не покрываясь плесенью. Затем опять вышел и, вернувшись, положил на столик десятка два крупных вяленых чебаков, поставил сливочное масло в литровой банке, сахар в ситцевом мешочке и берестяной с орнаментом кукор с брусникой. Налил в четыре кружки чаю.

— Пейте,— предложил толстячку и парню в энцефалитке, а Пятакова тронул за колено и, когда тот оторвался от стены и сел прямо, мотая кудлатой головой, чтобы окончательно проснуться, указал ему на кружку.— Ты тоже пей, дядя Валя,— повернулся к участковому.

Трое уже шелушили чебаков.

— Пивка бы щас,— сказал Пятаков, покрутив рыбой, с которой стекал янтарный жир.— Полжизни бы отдал.

— Не говори,— вздохнул парень в энцефалитке.

Андрюха полез куда-то под шкуры, скрывшись в них с головой, а вылез с красивой фарфоровой чашкой и блюдцем; налил в чашку чаю, положил на блюдце несколько кусочков сахара, две галеты, подал все Ледзинской, скользнув еще раз восхищенным взглядом по ее поганам. Во как!.. Поглавнее даже дяди Вали будет: по две звездочки на каждом погане, а у него по одной. И если дяде Вале от Ёгана до Пырьи все подчиняются, то она, наверное, на весь район начальник!.. Не-ет, ей простая кружка не подойдет, тут уж старайся, Андрюха! Не каждый день к тебе такие гости жалуют.

— Ям няврем!¹ — сказала сыну Наташа.

— Какая красивая! — сказала Ледзинская, разглядывая чашку.— Настоящий фарфор!

— Один был сервиз в Ёгане,— сказала Наташа.— Мне достался. Иван хотел «Спидолу» взять, я — сервиз. Взяли сервиз. «Спидолу» потом промхоз дал на премию. Иван говорит: правильно, надо жену слушать!.. — Она засмеялась.

«Ям няврем» к тому времени зачерпнул объемистой

¹ Молодец!

берестовой плоской ягод из кукора и поставил рядом с Ледзинской на нуры:

— Ешь бруснику, тетя. Съешь — еще наберу.

— Спасибо. Ты мне подай, пожалуйста, мой портфель,— попросила она мальчика, кинувшегося сразу исполнять.— Нет, другой.— Мальчик поставил цветковский портфель на место и кинулся к другому.— Спасибо.— Она достала два последних яблока, горсть конфет и большую плитку шоколада, протянула все это Наташе. Та отрицательно покачала головой.— Возьми, возьми! — сказала Ледзинская.— Магазинов у вас тут нет.— Она взяла плоску с ягодами и начала есть, отсыпая на ладошку.— Вкусно!

Наташа засмеялась. Ей очень нравилась красивая русская женщина с бледным лицом. Будто в избе от нее стало светлее, подумала она на хантыйский манер, очень, впрочем, напоминающий и русское сравнение.

Толстячок, облизывая губы от рыбьего жира, поднял голову и, встретив неожиданно напряженный взгляд мальчика, быстро опустил глаза.

Что-то неладно, снова подумал Цветков, луца чебака. Спросил как можно спокойнее и переключив все внимание на рыбу, будто вопрос относился к ней:

— Сыры войтантыилсытны?¹

— Аа²,— глядя тоже на цветковского чебака, ответил мальчик.

Толстячок забеспокоился.

— Да! Уж что жирные, то жирные! — произвел он разведку (может, действительно, все-таки о рыбе говорят?).— Так и течет!.. Сам ловил?

Мальчик кивнул.

— Молодец! — похвалил толстячок.

Мальчик вздохнул.

— Опять же ежели, допустим, с пивком, дак вовсе мы уже и на задержанных-то походить не будем,— здраво рассудил Пятаков.— Уж в КПЗ такого не поднесут,— снова покрутил чебаком перед носом.

— Да,— поддержал парень в энцефалитке.— Да, все хочу у тебя спросить: что такое КПЗ? Я так-то представляю, вот только как расшифровывается? Так и не знаю.

¹ Встречались раньше?

² Да.

— А посидишь — узнаешь, — ответил Пятаков. — Штука, по сути, не хитрая, но ежли, допустим...

— Помолчите-ка! — сказала Ледзинская.

Пятаков внимательно посмотрел на нее.

— Бу сделано, — сказал парень в энцефалитке, и они действительно надолго умолкли.

Наташа удивленно и как бы заново оглядела троих.

Своими нелегкими мыслями был занят и Андрюха. Сказать или не сказать дяде Вале-милиционеру, какой плохой человек этот толстый? Сказать — значит, нарушить древний закон: в своем доме плохо говорить о госте. Да еще о каком госте! Пант ехлан — путник, человек с дороги — самый дорогой гость. Нельзя говорить о нем плохо. Но не сказать — худо поступить с дядей Валею и тетей-милиционером, ведь они едут с толстым в одной шлюпке! Второго мотора не слышно было на Итья-Ахе. Дядя Валя и тетя-милиционер должны знать, что толстый способен на худое. И почему они едут в одной шлюпке? В ту сторону — вверх по Итья-Аху — ехали двое: толстый и этот высокий, одетый, как геолог, а обратно, вниз, спускаются уже впятером. Высокий человек, одетый, как геолог, тоже, наверное, способен на худое, а то зачем бы он поехал с толстым? Надо сказать дяде Вале... Только что обо мне тогда подумают? Похвалят ли отец, дед?.. Я в своем доме не дал человеку с дороги спокойно попить чаю! Облил его болотной водой. Нехорошо. Если толстый — нехороший человек, то и я должен быть нехорошим человеком? Нет. Нельзя равняться на плохих людей. Это и дедушка Алексей говорит. Но как не сказать? Ведь и дядя Валя, и тетя-милиционер — тоже пант ехлан — люди с дороги! Похвалят ли отец, дед, вся деревня Ёган, если я обману дядю Валу, не скажу ему, что толстый — нехороший человек? Как поступить?..

Если бы дядя Валя сам спросил! Тогда было бы легче. Потому что обманывать нельзя. Но как же дядя Валя спросит, если он не знает, о чем спросить?..

Нет, не трудно одному оставаться в урмане и быть опорой семье. Он завтра убьет куропатку или глухаря и накормит мать. Сходит на ключ за водой. Заготовит дров для чувала. Это все не трудно. Можно прожить, когда отец в отъезде. Но как обойтись без отца, когда нужно решить: сказать худое про человека с дороги

или не сказать? Вот когда не обойтись без отца! Уж он-то бы знал, как поступить.

Нет, нелегко быть в доме за главного: самому все решать надо.

Впрочем, о том, что он, Андрюха Хоров, здесь главный, заставил позабыть окрик матери:

— Пойтэк нюхен вантэ! Кавырмыс муй антом?¹

Мальчик метнулся к чувалу, снял тяжелую крышку с котла и потыкал тушку большим ножом с костяной рукояткой.

— Етшис!²

Он поддел тушку своим разбойничьим ножом и положил на мелкое деревянное блюдо. В избе вкусно запахло мясом. Толстячок, не переставая жевать, отодвинул от себя шелуху, чтобы сюда поставили блюдо: больше все равно некуда — весь столик занят. Парень в энцефалитке презрительно посмотрел на толстячка. Мальчик выпрямился с дымящимся блюдом и встал как бы на распутье: на стол подавать или...

— Тыв мие!³ — приказала мать. Он облегченно вздохнул и передал блюдо матери.

— Гха! — громко кашлянул толстячок, напоминая о себе, но на него никто не обратил внимания, только парень в энцефалитке посмотрел с уже нескрываемым отвращением.

— Ешь,—сказала Наташа, отдавая блюдо Ледзинской.— Пожалуйста, ешь, Ольга.— Ледзинская перехватила тяжелое блюдо, потому что Наташе трудно было держать его одной рукой (второй она качала онтуп), но и есть одной было неловко.— Ольга, ешь! — строго повторила женщина.

Толстячок шумно и возмущенно вздохнул: вот они — ломки добрых национальных традиций! Раньше разговору бы не было: лучшее — мужчинам, особенно если они гости. По странной случайности толстячок числился в мужчинах. Парень в энцефалитке отодвинулся от него ближе к Пятакову.

Женщина продолжала строго глядеть на Ледзинскую. И та вдруг поняла, что нужно есть. И куропатка, по правде говоря, пахла очень вкусно. Какие они люди, по-

¹ Мясо куропатки смотри! Сварилось ли?

² Готово!

³ Давай сюда!

думала Ледзинская. Какие они люди... Ей уже не было неудобно, что она ест одна, потому что Наташе и мальчику нравилось это, Цветков одобрял, а остальные ее не интересовали. Только почему они сварили всего одну? Неужели пожалели для остальных? Такого не может быть. Тогда, может, она у них последняя? Она перестала жевать и посмотрела на Наташу.

— Не нравится, Ольга? — спросила женщина.

— Н-нет... нравится...

— Тогда ешь.

47

Парень в энцефалитке допил чай, достал сигарету и начал хлопать по своим многочисленным карманам, ища спички.

— А ну, не курить тут! — сказала Ледзинская.

— Пусть курят, — сказала Наташа. — Чувал уносит дым.

— Ну да! Закадят сейчас в четыре глотки. Выметайся, выметайся! — грубо сказала она парню в энцефалитке, и Наташа опять удивилась. — Не видишь — ребенок!

Толстячок, держа спички наготове, посмотрел на Цветкова.

— Покурите, — сказал, помедлив, инспектор. — Я тоже выйду покурю.

Парень в энцефалитке усмехнулся:

— Уж это само собой, что выйдете.

Участковый пристально посмотрел на него:

— Ваша как фамилия вообще-то?

Тот насмешливо ответил:

— Онегин.

— Онегин? — переспросил Цветков. — А второй, — кивнул на толстячка, — уж не Печорин ли? Ладно. Пошли покурим.

Парень в энцефалитке побледнел.

— Я... я... — пробормотал он. — Извините... если...

— Пошли, пошли, — сказал лейтенант.

Первым выбрался толстячок, за ним, оглядываясь на лейтенанта, парень в энцефалитке. Последним, вслед за Цветковым, выходил Пятаков. У двери он обернулся и так комично подмигнул Ледзинской, что та едва не рас-

смеялась. Наташа проводила их взглядом. Потом, повернувшись к Ледзинской, хотела что-то сказать или спросить, но не успела. Ледзинская, опередив ее, спросила, наклонившись над онтупом:

— Что это у нее на щечках?

— Расцарапала,— ответила Наташа. Затем развязала узел— онтуп скользнул ей на колени, и женщина, высвободив грудь, принялась кормить ребенка.— Ручками царапает и царапает... Вот связала— заживать начинает...

— Чем-нибудь лечила?

— Старухи говорят: нужно ребенка голым в снегу покачать. А я боюсь...

— Что ты! — ужаснулась Ледзинская.— У тебя тут лекарство какое-нибудь есть?

Женщина что-то сказала мальчику по-хантыйски, тот нырнул под шкуры и извлек пластмассовую коробку-аптечку, какие выдают в промхозе охотникам вместе с длиннющей инструкцией что и от чего. Инструкцию Ледзинская читать не стала.

— Вот,— сказала она.— Стрептоцид есть. Давай присыплем.

— Хорошо.

Ребенок заплакал.

— Ну-ну-ну,— сказала Ледзинская.— Что же ты плачешь, Оринька... Кто тебя обидел?.. Вот видишь, уже и все... Вот. Хорошо... Двое у тебя?

— Ой! — сказала Наташа.— Четверо.

— Четверо?!

— Трое в Ёгане живут. Двое с дедом, а этот,— кивнула на Андрюху,— в интернате. Спать тебе надо, Ольга. Устала ты. Зачем на такую работу пошла? По тайге ходишь. Мужики пускай по тайге ходят. Муж у тебя есть?

Ледзинская вздохнула:

— Есть...

— Где работает? Тоже в милиции?

— Нет, он адвокат... Ну, это когда в суде...

— Я знаю,— улыбнулась Наташа.— Я педучилище в Хантах закончила.

— Педучи-и-и-лице?!

— Да. Год работала в Ёгане учительницей. Потом за Ивана вышла, ушла в тайгу. Не пускали. Комсомол

выговор объявил. Я депутат была, председатель исполкома в город позвонил. Секретарь райкома говорит: Ивану в Ёгане найдем работу, не уходи из школы. Ты — национальная интеллигенция, в институт Герцена пошлем... Как можно? Иван — охотник. И отец — охотник. И дед. Ему в тайгу надо. Ушла.

— Полюбила, — сказала Ледзинская.

— Знаешь, теперь не верится даже, что полюбила.

— Почему?

— Выпить любит. Стал много денег получать — охотник хороший, все хвалят, премии дают, а пьет! Никуда не годится. Как в лесу живем — хорошо. В Ёган приехали — побежал в магазин. Денег не даю — в долг берет. Пошла к продавщице: зачем в долг даешь? Опять дает. Валентину Михайловичу пожаловалась, тогда прекратилось. Опять друзей много. Все поят. Ищи пьяного! Как трезвый — хороший человек. Водку, спирт увидел — побежал телок за маткой. — Она помолчала. — Шибко пьют мужики. Делать что-то надо...

— Так делают, — сказала Ледзинская. — Указ вот вышел...

— Надо еще Указ. Башки им поотрубать. Вот... — Она вдруг осеклась, бросив взгляд на дверь.

— Знаешь их? — быстро спросила Ледзинская. — Я заметила, что знаешь.

Наташа помолчала.

— Иди за дровами, — сказала она мальчику. Тот вышел, натягивая на ходу интернатское пальто. — Приезжали неделю назад.

— Зачем?

— Со спиртом. На спирт — давай шкурки. Суют Ивану бутылку. Сама взяла бутылку — по голове хотела этого... полного — промазала, попала по спине. Потом уехали.

— Сюда приходили? — спросила Ледзинская. — Как же они нашли?

— Нет. Не сюда. На берегу мы были: Андрюшка как раз с капканами приехал. И они едут. Увидели — пристали.

— Спирту у них много было?

— Много. Полный мешок. И так еще.

— Какой мешок?

— Ну, вот такой... за плечами носить.

— Рюкзак?

— Да.

Полный рюкзак, подумала Ледзинская. И так еще. Нет, столько спирту они выпить не могли. Значит, обменяли на пушнину. Вот почему они второй полушубок не достают.

— Кто-то им отдал все же шкурки,— сказала Ледзинская.

— Отдал,— подтвердила Наташа.— Он показывал.

— Показывал? Шкурки?

— Да. Говорит: смотри — другие дают. Чего боишься? И ты давай, ничего не будет. Деньги предлагал. Говорит: ничего не бойся. Меня самого, говорит, все боятся. Я сам, говорит...

— Что?

— Говорит... сам в прокуратуре работаю. Это правда?

Это теперь на весь район разнесется, подумала Ледзинская, что работник прокуратуры ездил и выменивал на спирт пушнину. Ну, погоди, Шалагин!..

— Да что ты! — возмущенно сказала она.— Как ты могла подумать! Никакого отношения к прокуратуре он не имеет! Просто шофером там... работал.

— Ой! — сказала Наташа.— А я его бутылкой по спине. По голове хотела — не попала.

— Жаль, что не попала,— рассеянно сказала Ледзинская.— Слушай, а у кого они шкурки взяли, не говорили?

— Нет.

Вошел Андрюха с дровами. Они замолчали. Ледзинская вдруг почувствовала, что очень устала.

— Ложись, Ольга,— сразу это заметив, сказала Наташа.

Мальчик вдруг спросил:

— Тетя, а вы хорошо в школе учились?

— Что? В школе? — Она засмеялась.— Да, хорошо. С медалью окончила. А что?

Андрюха опустил голову. А Ледзинской вдруг все показалось таким далеким: мама, Москва, дом за плотиной, школа, медаль, выпускной бал, Красная площадь, юридический факультет на Герцена — все мелькало, как в калейдоскопе, в ее усталом мозгу, и она подумала, что все реже и реже вспоминает об этом, и эти картины уже не стоят перед глазами с такой отчетливостью,

как прежде, когда она только что приехала на Север. Но, может, ей казалось так потому, что она очень устала.

— Тетя,— решился Андрюха на второй вопрос.— А меня возьмут милиционером?

— Что? Милиционером? Возьмут.

Мальчик просиял.

— Вот! А дядя Валя сказал, что не возьмут! А возьмут!.. А он говорит, что не возьмут!

— Почему? — спросила Ледзинская.

— Он говорит... — запнулся Андрюха.— Говорит... что я в школе плохо учусь...

— Да, это правильно,— подтвердила Ледзинская.— Надо хорошо учиться.

— А я...

— Все, оставь тетю в покое! — сказала Наташа, потом добавила что-то по-хантыйски, и Андрюха, бросившись к нурам, принялся разворачивать оленьи шкуры. Ледзинская потянулась снять сапоги, но женщина опять что-то быстро сказала мальчику, и он, не взирая на вялые протесты Ледзинской, присел на одно колено и стащил с нее сапоги. Придвинул их подошвами к глиняной стенке чувала.— Ложись, Ольга, спи,— повторила Наташа.

Ледзинская взяла сверток пальто с пистолетом, пролезла в широкий мешок из оленьей шкуры, положила пальто под голову и закрыла глаза. Пистолет упирался в щеку рукояткой. Она дотянулась до портфеля, развернула пальто и, достав пистолет, затолкала в портфель. Потом сунула портфель поглубже в мешок, так что он оказался в ногах, и опять улеглась.

Андрюха поставил в чувал дрова (поленья в чувале горят стоя), помог матери поднять и закрепить онтуп на крюке.

— Ты тоже давай спать,— сказала Наташа.— Милиционер. Жалко дневника твоего нету, я бы тете показала, как ты учишься. Почему не привез?

— Я забыл...

— Забыл! Знаю, как ты забыл. Одни двойки, небось...

Потом они тихо заговорили по-хантыйски.

Когда четверо вернулись в избу, Ледзинская уже спала.

«Начальнику отделения БХСС ГРОВД
капитану милиции Коробатову

ОТДЕЛЬНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

В моем производстве находятся материалы проверки по заявлению рабочей Итья-Ахского сплавного участка Лямзиной. По этому заявлению в возбуждении уголовного дела отказано.

В ходе проверки выявились обстоятельства в отношении не указанных в заявлении лиц, действия которых подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 92 УК РСФСР и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 декабря 1972 года «Об усилении ответственности за нарушение правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и переработку пушнины».

Так, установлено, что 2 октября 197... года двое неизвестных, совершая вояж на моторной лодке по реке Итья-Ах, пристали к берегу близ поселка Итья-Ахского сплавного участка Кедровского отделения сплавной конторы, где обменяли на спирт около 70 килограммов бензина. Указанные лица в разговоре с рабочими сплава участка Пятаковым Ф. И. и Фоминым М. М. выразили готовность приобрести за спиртное или за деньги пушнину, если таковая окажется у рабочих.

По поступившим в ГРОВД материалам прокуратуры известно, что в конце сентября — начале октября текущего года двое неизвестных скупали и обменивали на спирт пушнину у охотников Ёганского отделения госпромхоза, промышленяющих в бассейне реки Итья-Ах. По приметам, указанным рабочим сплава участка Фоминым и сообщившим о скупке пушнины у охотников Хоровой Н. С. и Хоровым А. И., следует предположить, что речь идет об одних и тех же лицах.

Те же приметы указывают жители расположенных по Итья-Аху юрт Лозямова, у которых неизвестные также пытались приобрести пушнину.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 127 УПК РСФСР, прошу:

1. Установить лиц, занимающихся незаконной скупкой пушнины, выявить места хранения или сбыта приоб-

ретенных мехов и изъять в порядке, предусмотренном УПК.

2. Установить охотников госпромхоза, совершающих хищения государственного имущества путем незаконной продажи частным лицам.

Для оперативного использования прилагаю справку о приметах указанных лиц и лодки, составленную со слов очевидцев.

Исполнение прошу ускорить.

Следователь СО ГРОВД
ст. л-нт милиции Коваль».

49

Ночью ей опять стало плохо. Она приподнялась на локте, вдохнула глубже похолодавший за ночь воздух, но тошнота только ближе подкатилась к горлу. Она быстро выбралась из оленьего мешка, развернула лежавшее в головах пальто, накинула на плечи и натянула сапоги, сушившиеся у чувала.

В онтупе захныкал ребенок. Ледзинская качнула люльку, но дурнота все подступала, и она облегченно вздохнула, когда Наташа зашевелилась в своем мешке.

— Зачем встала? Холодно? Сейчас растоплю чувал.

— Нет... ничего,— с трудом выговорила Ледзинская и, стараясь не покачнуться, пошла к выходу. У двери она запнулась об ногу Цветкова, который сразу подхватился и уставился в угол, где спали браконьеры. Тут она вспомнила, что пистолет остался в мешке. А, ничего с ним не случится, подумала Ледзинская.

Густой холодный воздух кедровой рощи сразу освежил ее. Она поглядела на небо. Звезды постепенно угасали, а самые яркие мигали, будто сквозь серую пелену. Скоро рассветет, а потом опять целый день езды на проклятой шлюпке, целый день тряски, монотонного, укачивающего кружения плёсов, шума в ушах и бог знает чего еще.

Скрипнула дверь. Не оборачиваясь, Ледзинская поняла, что вышла Наташа.

— Что с тобой?

— Ничего.

Наташа левой рукой обняла ее за плечи, а правую мягко положила на живот.

— Ребенок будет?

— Бу... будет.— Ледзинская вдруг заплакала.

— Ох ты, господи!— совсем как русская женщина, сказала Наташа.— И надо же было тебе в лес-то ехать... Пройдет... Сейчас пройдет... Вот видишь, уже и хорошо... Хорошо?

— Хоро... шо,— всхлипнула Ледзинская.

— Пойдем,— мягко сказала Наташа.— Отдохнешь до рассвета. Надо еще отдохнуть. Дорога длинная.

В избе тускло горела керосиновая лампа. Андрюха, заспанный, всклокоченный, поджигал бересту между поленьями в чувале; через минуту пламя осветило избу. Андрюха потушил лампу. Цветков, сидя на нурах, что-то говорил мальчику по-хантыйски.

— Я говорю,— повернулся он к Ледзинской,— оставим им лосятины. А то Иван дня через три-четыре только за ними приедет. С нами пойдешь на берег,— сказал он мальчику,— дам тебе мяса. А то с твоей охотой прокормишь мать ровным счетом... Иван пусть потом сдаст несколько килограммов на звероферму,— сказал он Наташе.— Не мое мясо.

— Пусть идет сейчас,— сказала Наташа.— Вам сварю на дорогу.

— Да нам-то не надо,— сказал участковый.

— Тебе не надо, Ольге надо! Иван потом сдаст сколько нужно. Собирайся, Андрей!— Мальчик быстро надел интернатское пальто и шапку.— Быстрее успевай!— сказала вслед Наташа.— Им рано выезжать.— Она взяла ведро.

— Куда ты?— спросила Ледзинская.

— На ключ. Вода кончилась.

— Далекое это?

— Нет,— вмешался Цветков.— Полчаса ходьбы.

— Вот ты и сходи. А ей ребенка нужно кормить.

— Я сама,— запротестовала Наташа.

— Ничего, он сходит... Валя, ну что ты копаешься!

Лейтенант коротко взглянул на нее, сказал негромко:

— Пистолет.

— Тебе его?

— Нет. В порядке?

— Да.

Цветков выразительно глянул в сторону спящих браконьеров. Она кивнула.

— Федор,— позвал участковый.

Пятаков пошевелился:

— Че?

— Айда со мной.

— Куда ишо?

— За водой, куда.

Пятаков нехотя поднялся, натянул шапку и, на ходу вытаскивая пачку «Беломора», вышел из избы. Цветков еще раз выразительно поглядел на браконьеров, потом на Ледзинскую.

— Да ясно! — громко сказала она. — Идите, сколько можно!

Когда Цветков, гремя ведрами, вышел вслед за Пятаковым, Наташа сказала:

— А ты приляг еще, Ольга. Отдохни.

Ледзинская посмотрела на браконьеров — те не шевелились, лежали, как два трупа, — и, скинув сапоги, забралась в мешок. Закрыла глаза — всего на секундочку, но открыть больше не смогла. Ладно, подумала Ледзинская, засыпая, подремлю немного, а пошевелиятся — услышу. И Наташа разбудит, если что... Может, предупредить ее?.. Так сама знает...

Через минуту она крепко спала.

Но браконьеры давно уже не спали, что можно было определить по их застывшим напряженным позам. Они прислушивались к тому, что творится и о чем говорится в избе, и делали только вид, что спят.

Едва Ледзинская забралась в олений мешок и затихла, парень в энцефалитке осторожно высвободил из-под головы руку и посмотрел на часы. Потом потянулся и толкнул в бок толстячка. Тот открыл глаза. Парень указал взглядом на дверь.

— У вас папиросы есть, Григорий Нестерович? — спросил он негромко, но достаточно внятно, чтобы женщина-лейтенант, если все же не спит, услышала, что ни о чем крамольном они не говорят.

— Есть, — испуганно пробормотал толстячок, потом удивленно посмотрел на парня. У того с вечера была полная пачка сигарет, и папиросы он не курит.

— Пойдемте покурим,— сказал парень, пристально глядя на толстячка.

Хозяйка, кормившая грудью младенца, подняла голову. Толстячок достал пачку «Беломора» и протянул парню. Тот, задержавшись в дверях, взял помятую пачку, перебрал несколько папирос, выбрал поцелее, вернул пачку и, не спеша доставая спички, гремя коробком, вышел из избы. Толстячок протиснулся следом.

50

Пятаков, несмотря на свою кажущуюся неповоротливость и на то, что особой охоты идти на ключ не выказывал, обратно шел ходко, обгоняя участкового инспектора. Когда до избышки оставалось совсем немного, Пятаков вдруг заметно прибавил шагу и почти побежал, ведро неся, однако, ловко и осторожно, так что не пролил ни капли.

— Давай... жми, лейтенант,— прохрипел он, обернувшись на миг, и в перекошенном лице его мелькнула тревога. Инспектору стало не по себе. Он тоже прибавил ходу, поспевая за Пятаковым и стараясь не расплескивать воду, которой и так оставалось по рубчик.

Пятаков ничего не знал наверняка, но тревога его была не беспочвенной. Проснулся он сегодня, когда в чувале затрещали поленья, открыл глаза—и сразу встретил холодный, пристальный и отнюдь не бессмысленно-сонный взгляд парня в энцефалитке: тот, как можно было догадаться, давно уже не спал. Но главное заключалось в том, что парень, едва Пятаков открыл глаза, моментально сомкнул веки и больше уж не реагировал ни на какой говор и шорох в избе, явно делая вид, что спит. Почему-то, когда участковый позвал за водой, Пятаков не подумал об этом, но подсознательная тревога закралась в душу. Теперь же, вспомнив холодный взгляд парня, Пятаков понял совершенно отчетливо: надо спешить.

— Быстрей! — обернувшись еще раз, гаркнул Пятаков, увидев в ту же секунду, что пустое ведро лейтенанта катится с пригорка, а сам участковый, держась за правое колено, стоит, согнувшись, у свежего елового пня, об который, должно быть, ударился. Ударился, ви-

димо, сильно, потому что, попробовав ступить на правую ногу, тут же вновь упал.

— Валька! — закричал Пятаков, но участковый, с трудом поднявшись, махнул рукой — иди, и Пятаков, перехватив ведро в другую руку, побежал к избе, которая уже светлела своими будто отполированными стенами в зеленой хвое кедров.

Оставшись один, Цветков сжал зубы и попробовал еще раз опереться на правую ногу, — и на этот раз устоял. Ничего серьезного, подумал он, хотя догадывался, конечно, что это не так. Нужно было идти, и как можно быстрее. Тревога Пятакова непонятным образом захватила и его. Лейтенант, припадая на правую ногу, добрался до ведра и, подобрав его, приказал себе бежать. Боль с каждым шагом нарастала и теперь уже не отпускала ни на минуту. Дорога до избы показалась ему вечностью. Доковыляв кое-как до двери, он бросил ведро и пролез в узкий проем, не поверив сперва собственным глазам, но в то же время будто и ожидая этого: толстячка и парня в энцефалитке не было. Ледзинская спала в своем мешке и не проснулась даже от грохота ведра, когда Цветков швырнул его перед дверью и оно, покотившись, ударилось о стену. Наташа продолжала качать онтуп, но, взглянув на перекошенное от боли лицо лейтенанта, испуганно замерла.

Пятакова в избе не было.

— Где?.. — переводя дыхание, крикнул лейтенант. Наташа, ничего не понимая, указала взглядом на дверь. Ледзинская, проснувшись, наконец, стала спешно выбираться из мешка. — Где?! — закричал инспектор вне себя и, не дожидаясь, пока Ледзинская что-либо сообразит и ответит (да, собственно, ни в каком ее ответе теперь нужды не было), рванулся обратно к двери. Последнее, что он слышал в избе Хорова, был громкий захлебывающийся плач космонавта в онтупе.

Выбравшись из избы, он сразу увидел Пятакова. Тот поднимался уже от болота по противоположному склону. Лейтенант, собрав силы, закричал, сам не зная что, стараясь только, чтобы было как можно громче, но Пятаков, не оборачиваясь, нелепо выбрасывая вперед длинные ноги, уходил все дальше и дальше и вскоре скрылся из виду в низкорослом ельнике.

Лейтенант бросился вниз, к болоту, до крови закусив губы и стараясь не опираться на больную ногу, что,

конечно, было невозможно. Поскользнувшись на середине спуска, он больше не пытался встать, а покатился, переваливаясь с боку на бок, и лишь достигнув следи, воткнутой вчера Ледзинской на этой стороне, схватил ее, привстал сперва на здоровое колено, потом на эту же ногу и побежал, ковыляя, через болото. Он больше не мог удерживаться на обледенелых жердях и порвал об острые края льда правый сапог, потом левый, а у самого берега противоположной стороны! вновь поскользнулся и угодил больным коленом в пробитую уже кем-то лунку. В ледяной воде ноге вдруг стало легче, и после непрерывной боли, облегченной теперь хоть немного, встать не хотелось, но он заставил себя подняться и заковылял вверх по склону, опираясь на слегу.

Только теперь, поднимаясь по склону, он обратил внимание, что туда, к реке, ведут четыре свежих сегодняшних следа: три больших — тех двоих и Пятакова и один маленький — Андрюхин. Они мешались и путались, правда, со вчерашними следами, но и эти можно было с уверенностью отличить даже на ходу.

Пистолет, мелькнуло в голове, пистолет не взял! Но возвращаться уже времени не было, да и все равно стрелять он не станет, те двое, пожалуй, знают это, и угроза их не остановит. Единственная надежда — догнать, догнать во что бы то ни стало на берегу, пока те не сели в шлюпку. Иначе все. Три метра воды будет разделять — и ничего уже не поделаешь. Догнать! Догнать на берегу! Вот тебе задача, лейтенант Цветков. Выполняй.

Но как? Как догнать, если он едва ковыляет на трех ногах? И те двое тоже ведь торопятся.

И слишком ничтожно расстояние.

Бежать! Бежать! Выложиться!

С каждым шагом, дававшимся с таким трудом, у него темнело в глазах, и он знал, что при всех обстоятельствах не сможет догнать здорового человека, но другого варианта у него не было. Подвел бы мотор! Там на берегу есть лодка... в погоню!.. Но мотор не подведет. Очень надежный мотор у этих подлецов... Ходу давай! Жми, лейтенант Цветков.

«Эх, давай хоть ты, Федька, — вспомнил вдруг о Пятакове... — Ты ж когда-то всех пацанов обгонял в Кышах!..»

Но ничто уже не могло помочь. Слишком ничтожно расстояние: каких-то жалких два с небольшим километра. И по времени те двое были уже недосягаемы.

Он выбрался, наконец, из ельника и сразу увидел на тропе Андрюху Хорова. Тот стоял спиной к участковому инспектору, держа в обеих руках по куску мяса, и глядел на дальний поворот тропы, за которым, очевидно, не так давно скрылся Пятаков. Обернувшись, мальчик испуганно отпрянул, в первое мгновение не признав лейтенанта, грязного, мокрого, в снегу, с перекошенным от боли и ярости лицом.

«Где?» — хотел крикнуть Цветков, и в это время на реке взревел «Вихрь». Все. Это было все. И хотя спешить уже было бесполезно, лейтенант, будто надеясь на чудо, собрал остатки сил и побрел, опираясь на слугу, в сторону берега. И наперехват не выйти: плесы на этом участке реки шли направленно к Ёган-Аху, будто парусник на встречный ветер, — меняя только галсы.

Двое ушли.

51

— Слушаю — дежурный милиции лейтенант Уполовников.

«Здравствуйте. Врач Банникова из психоневрологического отделения».

— Здравия желаю.

«Скажите, пожалуйста, Пахоменко никуда не уехал? Я двенадцать тридцать четыре набираю — никто не отвечает...»

— А по этому телефону теперь замполит занимается. Он в командировке. АТС тут меняет без конца... Я вас соединю...

«Слушаю».

— Товарищ майор, врач Банникова...

«Соедините».

«Алло!»

«Да, я слушаю, Людмила Клавдиевна. Здравствуйте».

«Здравствуйте, Юлий Владимирович. Вы, наверное, догадываетесь...»

«Да, у меня тоже это из головы не идет... Кстати, помните, вы мне говорили, что тех пилотов на буровой он тогда не узнал?»

«Врач санавиации, по крайней мере, так мне объяснил...»

«Так вот: узнал».

«Понятно. Просто, значит, не захотел с ними разговаривать... Все же эти вертолетчики по-хамски поступили».

«По-хамски — чисто женское определение, Людмила Клавдиевна».

«Да, наверное... Вот он, знаете, я забыла вам сказать, как пакет передал, так попросил, чтобы ему принесли «Преступление и наказание». Я долго думала...»

«С «Преступлением и наказанием» объясняется просто: он в этом году на экзаменах в Высшую школу милиции срезался по литературе. Как раз Достоевский попался в билете. На следующий год собирался опять поступать».

«Неужели, Юлий Владимирович, чтобы поступить в школу милиции, нужно знать Достоевского?»

«Выходит, да. Нужно».

«И потом ему сразу стало плохо. Конечно, такой стресс перенести... Вообще он был хрупкий...»

«Хрупкий?»

«Я имею в виду: хрупкая нервная система. Ну, как говорят в народе: принимал все близко к сердцу. Очень точное определение, хотя и не медицинское...»

«Вообще-то есть такое мнение, что принимать близко к сердцу — специфика нашей работы...»

«Возможно. Если без этого нельзя...»

«В общем-то, наверное, можно, Людмила Клавдиевна. Можно и без этого...»

52

Шум мотора удалялся ровно и неотвратно, на другом участке реки его было б слышно с полчаса, а то и дольше, но здесь Итья-Ах уходил и уходил к юго-востоку, не возвращаясь ни одной петлей, слегка только отклоняясь то влево, то вправо, как штопор с вытянутым шагом винта. К тому времени, как участковый добрался до гребня берега, «Вихрь» умолк насовсем...

Пятакова на гребне не было.

— Федор! — позвал участковый.

Ответа не последовало.

— Федька!

— Ну че? — недовольно отозвался снизу Пятаков.

— Ниче! — разозлился участковый.— Отвечать нужно, когда спрашивают!

Он перехватил покрепче слегу и стал спускаться к воде. В отношении ноги лейтенант успел отметить следующую печальную закономерность: по ровной горизонтальной дороге он мог еще, опираясь на палку, кое-как передвигаться, не испытывая особых мук, но на спусках и на подъемах боль становилась нестерпимой. Он пробовал ставить больную ногу и на пятку, и на носок, и на всю плоскость подошвы — результат был один и тот же: адская боль в колене.

Пятаков сидел на огромной коряжине, развалившись, как в кресле, и молча глядел на реку, по которой несло с верховьев желтоватые сгустки слипшегося и не таявшего в воде снега. Река была готова к шуге. Лейтенант подобрался к самой воде и, держась за елку, проткнул слегой один сгусток, проплывавший в метре от берега, но комок не рассыпался, а лишь разломился надвое, и дальше поплыли уже два куска. Было ясно, что не сегодня-завтра пойдет настоящая шуга.

Пятаков спросил:

— Ты че с клюкой-то?

Лейтенант, не отвечая, достал папиросу и закурил. Валы от шлюпки давно улеглись, и теперь ничто не напоминало о том, что она здесь стояла, разве что молодая хилая елка с примятыми лапами, за которую привязывали чалку. Даже и чалку отсекал не стали те двое. Успевали и так. Аккуратно отвязали и поехали. Только сейчас участковый обратил внимание на то, что возле Пятакова валяется на мху одностволка. И тут не поспешили, вспомнили — оставили чужое ружье. В краже ружья их не обвинишь. Вполне приличные люди. Могли ведь увезти, никто не мешал,— нет, оставили. Чужого им не надо. И не потому, что ружьишко худое,— участковый был уверен в том, что они и бельгийский охотничий автомат не взяли бы.

Вспомнив вообще о ружьях, инспектор запустил руку в карман и достал четыре патрона. Три подкинул на ладони и запустил в воду, а четвертый — двадцатого калибра — пристроил сверху на коряжине, чтобы не забыть потом отдать Андрюхе.

— Ногу, что ль, зашиб? — вновь поинтересовался Пятаков.

Лейтенант отмахнулся и стал внимательно осматри-

вать берег. Слева от коряжины, под высоким берегом, было узкое пологое место, круча висела над ним, готовая обвалиться и удерживаемая только корнями кедров, как арматурой; там, как бы в нише или в гроте, лежала перевернутая хоровская лодка. Лейтенант подковылял к ней, постучал слегой по борту и, с опаской поглядев на нависший козырек обрыва, осторожно присел на днище. Подумав, сказал:

— Не догнать.

— Где же,— сразу откликнулся Пятаков.— Я уж глядел мотор: двадцатка. А у тех двадцать пятый. Да и на шлюпке оне. Ходче. Дак че у тебя с ногой-то?

— Где ты мотор смотрел?

— А вон под лодкой. В брезентину завернут.

Тут же, в нише, прикрытые брезентом, стояли фляга с бензином и два «вихровских» бачка.

— Фляга полная,— сказал Пятаков, когда участковый постучал по ней слегой, пытаюсь определить на звук, есть ли в ней бензин.— И в бачке одном больше половины. А вон в той,— указал пальцем на лежавшую на боку чуть в стороне флягу,— нету. Пацаненок, видать, сжег, когда сюда ехал.

— Н-да,— сказал лейтенант, оглядывая лодку.

— Верткая холера,— подтвердил Пятаков, поднимаясь с коряжины.

— Что ж,— сказал лейтенант.— Ехать-то все равно надо.

— Дак ясно,— ответил, зевая, Пятаков,— за нею ишо надо бы смотаться,— кивнул на высокий берег.— За лейтенантшой-то.

— Сейчас сходим.

— «Сходим!» Куда ты сходишь-то на костыле! Сиди уж. Сам сбегаяю. Ты давай, сиза-то, лучше мотором займись. Он с ходу-то ишо хрен заведется, сколь пролежал. Вставай, лодку спихну.

Лейтенант, опираясь на слегу, встал, и Пятаков, легко перевернув лодку на днище, поволок ее кормой вперед к воде. Участковый, желая помочь, ухватил ее за борт левой рукой, правой не выпуская слегу.

— Оставь! — сказал Пятаков.— Болташься только под ногами.

— Ну, и хорош, хватит,— сказал участковый, когда корма брякнула в воду.— Мотор хватит опробовать. Тут глубоко.

Пятаков кивнул и вернулся в нишу за мотором. Установив его на корме и затянув винты, закрепил страховочный тросик; вышел из лодки и, закуривая, сказал:

— А шкурки-то твои ушли. Проворонил.

— Иди, я сам тут теперь,— сказал лейтенант.

— Это уж точно,— продолжал Пятаков.— Ушли шкурки.

— Ничего. Доберусь и до них.

— Теперя ага, доберешься. Оне их так затартают, что вообще концов не сыщешь.

— А ты? Свидетель.

— Ну-у, я что за свидетель. Так, алкашил с имя. Оне скажут, с пьяных-то, мол, глаз мало ли что кому привидится. Тем более, с работы убег, какая, мол, ему вера. А сам ты эти шкурки и в глаза не поглядел, не то что пощупал.

— Нечего их щупать, не девки,— сказал участковый.— Я их в тот же день найду, как приеду.

— Хм! Я ему — стрижено, он мне — шмалено. Кого ты найдешь? Толстячка, что ли? И этого длинного? Найти-то найдешь, дак только с чем? И лося оне к тому времени оприходуют...

— Ладно, не твоя забота,— перебил лейтенант.

— А я тебе дело говорил: шкурки забери, акт на лося составь и полетели на вертолете...

— Тьфу! — сплюнул участковый, злясь на свою неловкость, на боль в ноге и еще более оттого, что Пятаков, в сущности, прав (не считая вертолета).— Давай топай, время-то идет!

— Куды его тебе, время-то? До Ёгана так и так за-светло успеваем. По течению-то. Ладно, пошел. Там одне только портфели?

— Портфели,— мрачно ответил участковый.— Помоги донести.

— Я ее самое донесу, не то что портфели,— буркнул Пятаков.— Не то что ты, калека двадцатого века...— Он вскинул голову и прислушался: на высоком берегу трещали сучья.— Мальчонка, видать, чешет,— догадался Пятаков, и действительно — на круче мелькнуло черное интернатское пальтишко.— Пошел,— повторил Пятаков и полез навстречу Андрюхе.

Проводив взглядом Пятакова, лейтенант присел на борт лодки и осторожно ощупал колено. Боль не унималась, но полной блокады (ущемления полулунного

хряща в суставной щели), по-видимому, не было, иначе нога бы вовсе не разгибалась. Участковый вздохнул и нетерпеливо взглянул на подходившего уже к лодке мальчика с кусками мяса под мышкой.

— Так,—сказал он, стараясь не морщиться.— Полежай-ка наверх, собери сушняку для костерка.— Подумаю, добавил для достоверности: — Свечу, верно, прокалить придется.

— А что, забросало?

— Не знаю, не смотрел еще.

— А ты посмотри, дядя Валя, может, вовсе и не надо. Я когда сюда ехал...

— Задача ясна? — перебил Цветков.

— Я... ясна...

— Выполняй.

Мальчик подтянулся, быстро пристроил мясо на коряжине и, не задерживаясь более, полез на кручу.

Оставшись один, лейтенант не спеша докурил папиросу, швырнул в воду окурок и, закусив губу, попытался стащить правый сапог. От резкой боли потемнело в глазах. Отказавшись от этой затеи, участковый привстал, расстегнул брюки, спустил их до колен и, ощупав еще раз больную ногу, убедился окончательно, что надорвал мениск.

Надрыв мениска — довольно распространенная травма в воздушно-десантных войсках, правда, там Цветков ее избежал, а вот здесь — на таком пустяке — попался. Он знал, что в этом случае необходимо наложить на колено тугую повязку и холод. В аптечке у Хорова должен быть индивидуальный пакет или бинты, и можно было приказать Пятакову, чтобы прихватил, но заниматься перевязкой при свидетелях лейтенанту не хотелось. В эту минуту он не мог позволить себе расслабиться или хотя бы выглядеть таковым при Ледзинской и Пятакове. Он достал нож, выдернул край нательной рубахи и, сделав надсечку, оторвал по кругу широкую ленту. Затем, полусогнув больную ногу, постарался как можно туже перебинтовать колено. Надев брюки и вытерев со лба пот, инспектор вновь достал папиросу и закурил. Боль вроде немного утихла.

Теперь предстояло войти в лодку, подобраться к мотору и попытаться завести его.

Мальчик, насупившись и думая о чем-то своем, молча помогал лейтенанту: подавал то ветошь, то ключ, держал наготове детали; сложил на дно гребни и ружье Пятакова, поправил сбившиеся беседки. Помощь его в теперешнем положении участкового была весьма кстати.

— Сюда-то ехал — хорошо работал? — спросил лейтенант.

— Хорошо, дядя Валя. Ни разу не заглох. Не знаю, почему сейчас не заводится...

— Заведется. Должен завестись, коли уж ты его заводил...

— Я заводил, — подтвердил Андрюха таким тоном, что, дескать, допусти его, он и сейчас заведет без лишней волокиты.

— Ну, молодец, — сказал участковый.

Плохо, что не было стартера. Приходилось наматывать бечевку на маховик и дергать, не столько дергать, сколько наматывать. Еще хуже было то, что каждый рывок сопровождался резкой болью в правом колене.

— Стартеры у них слабенькие, быстро ломаются, — сказал мальчик. — Зато уж двигатель не капризный, не то что у двадцать пятого.

— Смотря какой двадцать пятый, — возразил лейтенант. — Есть такие, что с первого раза заводятся. Как вертолет.

— А что, вертолеты с первого раза заводятся?

— Так уж наверно. Там такую технику не держат, чтоб ее нужно было маслать до потери пульса. — Стараясь не морщиться, Цветков рывком потянул на себя бечевку. Если б те двое сегодня так же дергались, не уйти бы им. Он бы их догнал в этой лодке на гребях. На шлюпке, с ее игрушечными дюралевыми веслами, без мотора далеко не уедешь. — Ты где их встретил-то?

— А тут, недалеко, — мальчик указал на высокий берег. — Мяса уже взял, шел обратно. Они говорят: почему мало взял? Не хватит. Говорят: ты иди, пусть мать варит, нам будет в дорогу, а мы сходим еще принесем — вам будет с матерью. Говорят: нас тетя-лейтенант послала, чтобы мы побольше принесли. Я им поверил, пошел домой. Они не бежали, просто шли, даже не запыхались. А то бы я не поверил.

Цветков усмехнулся.

— Правда, дядя Валя! А то бы я сразу наперерез!
Цветков бросил папиросу и, стараясь забыть о про-
клятом колене, рванул бечевку. Мотор чихнул.

— Есть искра! — обрадовался мальчик. Цветков кив-
нул и принялся наматывать бечевку.— Дядя Валя,— ска-
зал вдруг мальчик упавшим голосом.

— Ну?

— Я тебе не сказал сразу. Сейчас хочу сказать.

Цветков повернулся к нему:

— А я знал, что скажешь.— Он с досадой дернул бечевку и едва удержался, чтобы не застонать. Мотор только фыркнул. Все-таки не выдержал Иван, подумал лейтенант. Отдал шкурки. Жаль. Хороший охотник, а придется привлекать. Вот она — выпивка, дорога уго-
ловных преступлений. Нет, пора за алкашей браться основательно.— Говори,— строго сказал он мальчику.

— Толстый — худой человек,— быстро заговорил Андрюха.— Приезжал — пушнину просил. Спирт отцу давал. Отец не брал спирт. Толстый опять давал. Гово-
рит: почему другие дают шкурки, ты не даешь? Вот —
смотри: соболь, выдра, ондатра. Говорит: какой ты мужчина — ребенка слушаешь, женщину слушаешь, они в твоём доме командуют. Боишься! Бутылку опять да-
вать стал. Мать взяла бутылку — толстого по спине бац! Бутылкой. Говорит: уезжайте! Толстый — худой чело-
век,— закончил мальчик тем, с чего начал.

— Шкурки сам видел?

— Видел.

— И мать с отцом видели?

— Видели.

— У кого из охотников брали шкурки — говорил толстый?

— Нет... Толстый жадный, как шайтан! Как торговый купец! Народ обманывает, спиртом поит!

— Ты откуда про купцов знаешь,— невольно усмех-
нулся Цветков, поглаживая больное колено.— Ты ж через пятьдесят лет после них родился.

— Читал. В книге читал.

Сжав зубы, лейтенант дернул за бечевку. Мотор опять чихнул. Участковый повернулся к мальчику:

— Читал, говоришь? Плохо ты, брат, читал!

— Почему? Разве не так?

— Нет, брат. Не так. Толстый не народ обманывает,

сил у него таких нету, чтобы народ обмануть. Это охотники, которые за спирт соболей отдают, совесть свою пропивают, сами себя обманывают. Государство им все условия создает. Разве оно бутылками с охотниками расплачивается? А? Ну, чего молчишь? Отвечай, когда спрашивают!

— Н-нет... не бутылками. Деньги дает. Патроны дает, ружья, лодки...

— Моторы,— продолжал Цветков,— снегоходы, премии, пенсии, ордена — все дает! Вот у твоего деда какой орден?

— Красного Знамени...

— Трудового Красного Знамени,— поправил Цветков.— Пенсию он получает?

— Получает...

— Сколько он получает?

— Не знаю...

— А надо знать! Сто четырнадцать рублей пятьдесят копеек! Столько хороший рабочий получает! И врач. И летчик такую пенсию получает! Вот ты — сопляк, пользы от тебя госпромхозу как от козла молока, а тебе управляющий уже ружье подарил! Раньше, кроме как к купцу, охотнику пойти было некуда. А сейчас что, не знает разве каждый охотник, куда ему пойти сдать соболя, чтобы его не обманули? Ну?

— В госпромхоз...

— Но некоторым ничего этого не надо, кроме бутылки спирта. Да на то пошло: соболя он сдаст — что он спирту, что ли, себе не купит, если уж так охота ему нажраться!.. Э-э, плохо ты, Андрюха, читаешь, шибко плохо. Вот сразу видно, что в школу-то не любишь ходить. Так неучем и сам потом будешь соболей на спирт менять! Имя свое честное пропивать! Дурак ты дураком, Андрюха.

— Нет! — крикнул мальчик.— Я не буду! Я буду гнать толстого!

— Да что ты заладил: толстый да толстый! Если хочешь знать, так толстый меньше всех и виноват. Ему меньше всех и будет. Если мехами не спекулировал да скупал в первый раз, так просто шкурки отберут и штрафу дадут. А охотники — воры! У государства воруют! у собственного своего народа, у самих себя! Им за это тюрьма полагается, понял?

— Понял,— тихо ответил мальчик.— Отец не давал шкурки. Ты веришь?

— Мать была рядом, так верю. Мать у тебя золото, ты об ней заботу проявляй... Ладно, заболтались мы с тобой. Почаще в школу надо ходить. Вот Станислав Павлович правильно вас зажал — не распускает, так вы сбегаете. Думаешь, охотником будешь, так тебе и трех классов хватит? Трех классов, Андрюха, не хватит. А в милицию ты даже и не мылся с такими знаниями.

— Я в четвертом...

— В четвертом...

Со следующим рывком мотор чихнул, коротко выбросил грязно-голубую стрелу газа. Лейтенант, торопясь, намотал бечевку и снова дернул.

— Е-е-есть!..— закричал мальчик, и голосок его потонул в реве «Вихря».

Цветков убавил газ, дал поработать мотору на малых оборотах холостого хода.

— Бензину-то хватит? — спросил он.

— Хватит! Полная фляга! И в бачке еще есть! Вам же по течению, дядя Валя. А не хватит, там у Ларьяхского сора — буровая, возьмишь у них.

Лейтенант заглушил двигатель и повернулся к мальчику:

— Что?

— Говорю: буровая у Ларьяхского сора работает, возьмишь у них бензину, если не хватит.

— Поставили уже?

— Сюда ехали — бурит уже всюю! Шумит так, дядя Валя, что свой мотор еле слышать!

Цветков засмеялся — в первый раз, пожалуй, за всю эту нескладную командировку, и на его осунувшемся, заросшем рыжей щетиной лице появилось выражение, которое бывает у усталых счастливых людей. Это почти всегда истинное лицо человека, и именно тогда оно — зеркало души. Таким и запомнили Цветкова знавшие его люди.

Забыв на мгновение про Андрюху, он опустил за борт руку, зачерпнул горсть снега и положил на большое колено. Андрюха широко раскрытыми глазами смотрел на участкового.

— Ты что, дядя Валя?..

— Как что? — глядя поверх Андрюхиной головы и

не поняв, к чему относится вопрос, ответил лейтенант.— Первая, понимаешь, буровая на моем участке! На тех участках — вон хоть Валерки... Валерия Конева взять — по десять уже месторождений пооткрывали! — продолжал он с мальчишеским воодушевлением, вовремя, однако, вспомнив, что при Андрюхе лейтенанта Конева не педагогично называть Валеркой.— А у меня — первая! Но я так и знал, что у меня тоже нефть найдут. Я как чувствовал! Ишь ты! Значит, говоришь, бурит уже всю?

— Да... А что у тебя с ногой, дядя Валя?

— С ногой-то? С ногой ничего,— ответил Цветков, торопливо отряхивая с колена остатки снега.— Брюки вот измарал, надо подчистить малость... Значит, говоришь, бурит...

— Бурит,— в который раз подтвердил Андрюха.— Вот у них и возьмешь, если не хватит.

— У них-то, правда, не знаю,— озабоченно проговорил лейтенант, произвольно опять запуская руку за борт.— У них ведь, смотри, дизеля. На соляре работают.— Он подхватил горсть снега, но, поразмыслив, с сожалением бросил за борт.— Вот какая петрушка-то получается...

— Бензин тоже должен быть,— сказал Андрюха.— Я шлюпку ихнюю у берега видел.

Цветков опять засмеялся.

— Ишь ты! Уже и шлюпку завели! Молодцы. Капитально устраиваются. Рыбачить, верно, будут. Нет, Андрюха, там точно нефть есть. Теперь зря бурить не станут. Все по науке. Да я и так чувствую, что нефть. Или, на крайний случай, газ. А вообще-то газ севернее. У Конева и то одно только месторождение газовое, а он куда меня северней!..— Он дернул за бечевку, и мотор, заведясь на этот раз с первого рывка, заглушил последние слова участкового.

Сгустки пожелтевшего от воды снега, похожие на ржаные ковриги, какие до сих пор пекут в деревенских пекарнях, скопились у борта лодки.

Мальчик крикнул что-то, посмотрев в сторону берега. Лейтенант тоже глянул на кручу: мелькнуло ярко-зеленое пальто Ледзинской. Что-то быстро они, подумал участковый. Ледзинская спустилась уже до середины склона, но Пятаков все не показывался. Где же он?..

— Где он? — спросил участковый инспектор, кивая на высокий берег, когда Ледзинская подошла к лодке и села на борт. Портфелей — ни того, ни другого — с ней не было: видно, оба нес Пятаков. — Разминулись, что ли? — Хотя как можно было разминуться, подумал он сразу, тропа теперь так утоптана... — Я про Пятакова, — нетерпеливо сказал лейтенант.

— Да знаю про кого! — раздраженно ответила Ледзинская. — За портфелями ушел! А я не стала возвращаться.

Участковый поморщился.

— Когда не надо было, так притащила! — припомнил он сплавучасток и потер больное колено. — А когда надо, так... Зачем же тогда шла на берег? Думать надо. Теряй теперь время. Он же как медведь неповоротливый!..

Последнее, относящееся к Пятакову, вряд ли было справедливо, но, собственно, и не в Пятакове было дело. Ледзинская обиженно отвернулась и встретила взглядом с мальчиком. Тот удивленно смотрел то на нее, то на участкового. До сих пор он пребывал в уверенности, что тетя-милиционер главнее дяди Вали: у нее на погонах звездочек больше. Почему же он так сердито ей выговаривает? Или у них по звездочкам не считается? Может, у них по возрасту? Так опять же директор интерната Станислав Павлович совсем еще молодой, а ему все старушки-учителя подчиняются... Непонятно, подумал Андрюха.

Цветков тоже заметил удивленный взгляд мальчика.

— Ты это... — сказал он. — Поди-ка наверх, глянь: где он там?..

Мальчик кивнул и с готовностью полез на кручу. Лейтенант хотел крикнуть вдогонку, но передумал и махнул рукой.

Они дипломатично помолчали, пока Андрюха не скрылся на высоком берегу.

— Ты бы уж не выступал, — сказала, наконец, Ледзинская. — Напугал их вчера до смерти со своим задержанием, они и смотались!

— Как же, напугаешь их! — взорвался Цветков. — Они сами кого хочешь напугают! Спать надо меньше!

Отправила за водой, так хоть бы покараулила! И сама она не переломилась бы, если б сходила. Очень ты ей жизнь облегчила, что она раз за водой не сходила!

— Как тебе не стыдно! Она ребенка кормит! А вы вчера три чайника выпили!

— Мало ли что выпили! О службе надо думать в первую очередь, а не о том, чтобы... Приехали бы в Еган — и спи себе на здоровье хоть трое суток кряду...

— Да ты знаешь?.. знаешь?.. — Она осеклась, вспомнив, что он не знает и что знать ему совсем не обязательно. — Дурак! — сказала она.

— Ты зато умная. — Он помолчал. — Раз такое дело, так нечего было и рваться, вроде конец света. Не дают вертолета — ну, и сиди себе в порту, жди у моря погоды. Солдат спит — служба идет...

— Тебе, конечно, служба идет. А у меня работа стоит.

— Да уж вы, следователи, заработались! С девяти до шести отбудете как-нибудь — и точка. И перерыв с часу до двух. Как в бухгалтерии. А тут ни дня, ни ночи. Как каторжный.

— «Каторжный!» Знаю я вашу каторгу. А тебе там вообще в деревне малина. От начальства далеко. У нас уголовные дела...

— У вас только дела, а с нас, участковых, за все спрашивают: начиная с раскрываемости и кончая дохлой кошкой на дороге, чтоб не валялась...

— Вот именно: за все отвечаете, и ни за что конкретно. И спросить с вас нечего! А у нас по каждому делу прокурор...

— А у нас...

— В квартире газ! — перебила Ледзинская. Цветков смутился. Спор действительно походил уже на детский. Да и кто больше виноват в случившемся, если разобраться? Девчонка-лейтенант только что после университета или он, участковый инспектор — начальник милиции на своем участке? — Валя, а что у тебя с ногой? — спросила вдруг Ледзинская. — Очень болит?

— Ничего у меня не болит! — отрезал Цветков, резко убрав руку с колена. Помолчал. — Ладно, давай пушку-то, чуть не забыл...

— Что? — переспросила она, прекрасно понимая, о чем он спрашивает.

— Пистолет, говорю, давай.

Она растерянно похлопала по пустому карману, и Цветков побледнел. Он сразу забыл и про ногу, и про дурацкий спор, и про все остальное, впившись взглядом в руку Ледзинской, шарившей без успеха в пустом кармане, будто она искала там не пистолет, а двухкопеечную монету.

— Он там...

— Где? — шепотом спросил участковый.

— Там... в портфеле...

— В каком портфеле?! — не помня себя, закричал участковый.

— Ну... в портфеле... в моем... Он сейчас придет... он... ну... этот... Пятаков... он...

— О-о-он?! Да ты понимаешь?! — закричал лейтенант, с ужасом вдруг подумав, что Пятакова нет подозрительно долго.— Понимаешь?!

Вот когда его по-настоящему охватил страх. Мало ему было того случая, когда он прибыл в отдел, оставив дома боевое оружие. Уж теперь-то с ним разговор будет короткий. Как и тогда. Но с другим результатом.

Так и не найдя больше что сказать, с криком «Понимаешь?!» он вскочил в лодке: надо было куда-то бежать, что-то делать, ибо нельзя же сидеть сложа руки, когда твое личное оружие оказалось в руках дважды судимого хулигана и тот скрылся в неизвестном направлении; но в ту самую секунду, как он вскочил, адская боль пронзила от лодыжки до правого плеча, и он, едва не потеряв равновесия и не вывалившись из лодки, успел все же ухватиться за борт и с глухим, еле слышным коротким стоном опустился на беседку: расшвырялся на себя за эту слабость и опять, опираясь на одну левую ногу, попытался встать и выбраться из лодки, но не успел.

55

— Что за шум, а драки нет? — мрачно раздалось с высокого берега. Ледзинская от неожиданности вздрогнула. С кручи спускался Пятаков, таща в левой руке оба портфеля; правой он зажимал под мышкой огромный сверток — оленью шкуру. За Пятаковым, все с тем же удивленным лицом, с каким он покинул берег, следовал

мальчик; через плечо у него была перекинута большая связка вяленых чебаков.— А мы ваш портфель долго искали,— пояснил Пятаков, обращаясь к Ледзинской.— Буквально все уж перерыли.— Он протянул ей оба портфеля.— Я уж, грешным делом, на тех подумал. Так опять же, соображаю, мое ружьишко оставили, а у милиции портфель увести не побоялись. Что-то, мол, не так. Потом Наташка давай шкуры перетряхивать — он и выпал, портфель-то. Думаю, чего вы его так утартали, чуть не на тот свет. А галеты с Наташкой стали туда укладывать — гляжу: игрушка...

— Какая иг... рушка?

— Ну, какая. Которая стреляет.

Участковый, стиснув зубы и потирая колено, не спускал глаз с портфеля. Ледзинская, торопясь, открыла его, порылась в сухих галетах и извлекла пистолет.

— На, положи к себе,— просто сказала она инспектору, протягивая пистолет, будто речь шла о ее собственном.

Желание поскорее схватить оружие и засунуть в кобуру было так велико, что именно это и удержало лейтенанта. Как?.. Открывать при Пятакове пустую кобуру?..

— Положи в карман,— строго сказал он и тут же пожалел об этом. Ведь вовсе не обязательно было открывать пустую кобуру! Ведь и сам же он мог положить пистолет в карман! Спohватившись, он хотел было сказать: «Ладно, давай...», но Ледзинская уже сунула пистолет в свое джерси, а Пятаков смотрел, казалось, так насмешливо, что участковый смешался. Нервы сдают, подумал он, да еще это колено проклятое. Надо же было так неловко упасть. Ладно, потом возьму, как случай представится...

Пятаков бережно извлек из-за пазухи аккуратный берестовый кукорок с крышкой, протянул Ледзинской.

— Что это? — спросила она.

— А Наташка вам передала. Может, говорит, плохо ей будет, затошнит али как, дак пушай, мол, пожует. Брусника это.

— Спасибо,— смутившись, пробормотала Ледзинская и поглядела на мужчин, но те были заняты своим делом: участковый возился с мотором, а Пятаков старательно рылся в своих карманах.

— Все искурил,— доложил он, наконец, после тщетных розысков.— А-а... правильно: я же пачку на яру

еще выбросил... Голова два уха! — постучал себя по лбу.

— Возьми вон в портфеле, — сказал участковый, не оборачиваясь от мотора. — Хорошо обкатан? — спросил у мальчика. — Охлаждать часто нужно?

— Не-е! Не нужно совсем! Прямо, дядя Валя, шланг опускай в бидон и газуй до самого Ёгана. Только не вывернись: лодка — не шлюпка¹. Верткая!..

Пятаков достал из портфеля папиросы, потом, заинтересовавшись, книжку.

— «Преступление и наказание», — медленно прочел на обложке. — Это что же, уголовный кодекс так теперь называется? Или это вроде как бы руководство для вас?

— Нет, это художественная, — сказала Ледзинская.

— А-а... А интересно было бы почитать вообще-то. — Повертев книгу и так и сяк, он не подумал даже открыть ее, затолкал обратно в портфель и закурил. — Давно уж книги в руках не держал. Почитай, однако, с самой колонии. Ну, там в седьмой класс заставляли ходить... А тут ребята вон приедут с работы, поужинают, потом завалятся на раскладушки и читают. Покамест свет не вырубят. А я знай шатаюсь по поселку. Ежели не в карты... Не завыв читать.

— Водку ты пить завыв, — сказал участковый. — Этого у тебя не отнимешь.

— Что верно, то верно, — согласился Пятаков. — Из-за нее и жизнь свою угробил.

— Что значит угробил! — сказала Ледзинская. — Ведь тебе еще тридцати нет! Бросить надо пить — вот и все!

— Как же, бросит он, жди, — сказал участковый. — Он мне уж тыщу раз клялся. На магнитофон записать, так до самого Ёгана хватит слушать. Не верю я больше ни одному его слову. Так, болтовня одна.

— А я верю! — горячо вступилась Ледзинская. — У него еще все впереди. Ну, правда... Федя?..

Пятаков старательно затоптал окурочок и, не мигая, уставился на черную воду Итья-Аха. Что-то дрогнуло в

¹ В нашем повествовании речь, разумеется, может идти лишь о лодках, ибо шлюпками называются только те маломерные суда, которые являются штатными плавсредствами крупнотоннажных судов. Однако на Севере шлюпками называют все металлические маломерные суда заводского изготовления (хотя, конечно, это тоже лодки) в отличие от деревянных лодок местной постройки.

его душе, и Ледзинскую охватила вдруг острая жалость к этому огромному, нескладному, косматому парню в рваной, прожженной в разных местах телогрейке, который не часто держал в руках книгу, но, верно, умел держать топор, и вообще, наверное, многое знал и умел в этой жизни, которую считал для себя потерянной.

Участковый, затянувшись несколько раз подряд, бросил папиросу в воду и сказал:

— Ну все. Поехали. Ты, Андрюха, мясо-то забери. Патрон тоже не забудь, вон на коряжине. Мясо забери обязательно. А то ты со своей охотой прокормишь мать ровным счетом...

— А вам? — спросил мальчик.

— Мы сегодня в Ёгане уже будем. Все. Поехали.

— Вы садитесь, — сказал Пятаков Ледзинской. — Вот, в шкуру сразу заматывайтесь, а то приедем — из вас ледышка получится... Ты тоже сиди, — сказал он участковому, когда тот, держась за борт, попытался было привстать. — Сам как-нибудь. — Он приподнял нос лодки и легко оттолкнул от берега, прыгнув в последнюю секунду сам.

Лодка отошла по инерции метров на пять, и лейтенант дернул за бечевку. «Вихрь» затарахтел на холостом ходу, окутавшись выхлопным газом.

— Па ям волум! До свидания! — крикнул лейтенант и дал ход. Лодка скользнула вперед. Он прибавил газу.

Мальчик тоже хотел крикнуть «Па ям волум!» («Еще доброй жизни!»), но подумал, что за грохотом мотора его все равно не услышат, и помахал просто рукой. Ледзинская тоже махнула ему на прощанье и улыбнулась. Но мальчик не улыбался. Он смотрел на быстро уходящую за плёс лодку, смотрел, пока та не скрылась из глаз, и еще потом долго смотрел в ту сторону, слыша ровно удаляющийся грохот знакомого мотора. Отвернулся он, когда грохот умолк совсем и остался лишь слабый шум в ушах.

Этих троих, только что ушедших в длинной черной лодке вниз по Итья-Аху, мальчик запомнил на всю жизнь. Запомнил участкового инспектора дядю Валю Цветкова в помятом милицейском пальто с приподнявшейся звездочкой на левом погоне, в низко надвинутой на лоб, чтоб не сшиб встречный ветер, фуражке, заросшего за два дня неровной рыжей щетиной. Запомнил завернувшуюся в оленью шкуру русскую женщину с

бледным лицом, которая печально улыбнулась на прощанье и помахала рукой. Запомнил огромного мрачного мужика, сидевшего на средней беседке лицом к участковому инспектору; он не кричал «Па ям волум!» и не махал рукой, зато,— когда они быстро шли, вернее, почти бежали к Итья-Аху, нагруженные припасами, и Андрюха упал, пробороздив носом ягель,— помог подняться и отряхнуть от мокрого снега интернатское пальто.

И хотя лодка давно уже скрылась из виду и не слышно было даже рокота мотора, мальчик видел их всех троих так ясно, словно они все еще были у него перед глазами.

На всю жизнь запомнил он людей, ушедших в длинной черной лодке вниз по Итья-Аху, вроде бы знал, что уже никогда больше их не встретит.

56

И опять они шли бесконечными плёсами под потемневшим от туч небом, только теперь, после четырех часов езды, каждый плёс казался последним. Итья-Ах ближе к устью расширился, и лейтенант гнал на полных оборотах. Впереди, видимо, уже над Ёган-Ахом, спускалась с неба грязно-синяя завеса—шел снег, и Пятаков, взглядевшись туда, повернулся к лейтенанту и покачал головой. Тот отмахнулся: над Ёган-Ахом снег не так страшен—река широкая, и плавник попадает редко. Скорей бы выбраться отсюда. Он протянул руку и покачал флягу с бензином, из-под крышки которой шел к мотору резиновый шланг. Бензину оставалось примерно на одну треть. Должно хватить до буровой, если действительно, как сказал Андрюха, она стоит у Ларьяхского сора. Но если хватит фляги до буровой, тогда бензину занимать не придется: оставшегося бачка вполне хватит до Ёгана. Пристать, конечно, придется, отдохнуть с полчаса, да и с рабочими познакомиться, все-таки участок его, и вообще интересно посмотреть на свою первую буровую.

Лодка шла под двадцатисильным «Вихрем» со скоростью, какой Цветков от нее не ждал. Двигались ничуть не медленней, чем на шлюпке. Может, даже быст-

рей сейчас шли, правда, теперь и шлюпка идет побыстрее, ведь в ней всего двое. О погоне думать не придется. Думать нужно о реальном: как изловить тех двоих с поличным? В Ёгане они вряд ли задержатся. Скорее всего, заправятся только — и дальше. Уж ночевать-то, во всяком случае, не останутся. От Ёгана всего ничего до Оби, а по Оби без опаски можно двигаться и ночью. Завтра утром двое будут в городе. Найти их, конечно, труда не составит, но пушнина? Придется позвонить сегодня вечером из Ёгана дежурному по отделу. Пусть утром пораньше вышлют на реку несколько нарядов: к лодочной станции, к пассажирской и грузовой пристаням, на контейнерную площадку горрыбкоопы и ОРСа нефтяников и к заводу у стадиона. Может, удастся перехватить.

Лейтенант с тоской подумал о детях, о жене и о том, что вскоре, вероятно, предстоит новая командировка в тайгу — на сей раз не со следователем, а с инспектором БХСС. Нужно устанавливать охотников. Инспектор БХСС, обслуживавший участок Цветкова, был совсем еще молодой парень, только что из торгового техникума, где преподавал бухгалтерский учет, и вряд ли ему тут одному что удастся сделать.

О ноге он старался не вспоминать, хотя понимал, что, вероятно, не удастся в ближайшее время ехать по урманам. С мениском шутки плохи. И если в армии, когда парень из его отделения после неудачного приземления надолго выбыл в санчасть, отделение оставалось вполне боеспособным, то на участке Цветкова один человек — очень много. Теперь, когда скопилось столько дел и нужно, не мешкая, закатывать рукава и работать, — он вдруг будет лежать на койке и читать «Преступление и наказание». Зонального инспектора БХСС Ребякина пошлют, ибо дело не терпит, и он, зональный, пока войдет в курс дела, может наломать дров. Послали бы Ляпина, но тот теперь обслуживает зону вниз по Оби. Надо же, какая неудачная командировка, подумал Цветков. Как началось с самого аэропорта, так и поехало. Но ведь само-то, без причины, ничего не случается? И если что-то случилось с ним, лейтенантом Цветковым, то причину следует искать в себе самом. Что же он сделал не так? В чем ошибся, допустил оплошность?

Потемневшие сгустки мокрого снега глухо шлепались

о приподнятое мотором и скоростью днище, и лодка вздрагивала, как на волне, а лейтенант все гнал и гнал, не сбавляя газу, навстречу снежному занавесу, опустившемуся над Ёган-Ахом.

57

— Милиция, лейтенант Уполовников.

«Это милиция?»

— Да-да, вас слушает дежурный.

«Здравствуйте тогда. Вам звонит Корепанова, соседка по квартире Ольги Ледзинской».

— Здравствуйте. Слушаю вас.

«У меня тут... прямо не знаю, как сказать... Видите, Ольга, когда уезжала в командировку, то просила почту вынимать, чтобы не копилась в ящике, а то почтальонке складывать некуда. Я все время вынимала, а сегодня письмо к ней пришло. От мужа от ее. Я и подумала, раз такое случилось, то, может, вам это письмо понадобится?»

— От мужа, говорите?

«От него... И адрес схожий, и роспись внизу конверта вроде его...»

— Понятно. Мы ему сообщили. Он приедет. Ему и отдадите. Некому теперь это письмо читать...

«Нет, я подумала, что, может, вам для следствия понадобится. Потому и позвонила...»

— Спасибо, что позвонили. Только нам не понадобится.

«Хорошо... Горе-то какое, господи... Сама уж который день от слез не просыхаю... На моих глазах жили, прямо голубь с голубкой... Не поругаются, боже избавь, ничего... Вы меня извините, старую...»

— Да за что извиняться-то?.. Большое вам спасибо, что позвонили. Кстати, да. Если вы, может, уезжать собираетесь, так можете занести прямо в милицию, в дежурную часть. Мы передадим. Или я даже сейчас помощника к вам направлю...

«Нет-нет, не гоняйте человека. Никуда я не собираюсь. Передам сама. У вас там и так, поди, и бумаг, и поручений разных хватает.. До свидания».

— Всего доброго...

Еган-Ах встретил их серой пеленой снега с дождем, вовсе не такой густой и мрачной, какую она казалась издали, и Цветков повел лодку, не сбавляя оборотов мотора даже на перекате. Ширина реки позволяла не придерживать строго середины фарватера: лейтенант выбирал кратчайший путь, пересекая плёсы по хорде — от берега к берегу.

Теперь до Ларьяхского сора оставалось не более сорока минут хода. Желтые сгустки слипшегося снега по Итья-Аху попадались значительно реже, но небо было беспросветно в тучах, и все время шел снег.

Ледзинская очнулась от дремы, вскинула голову, зажмурилась от снега, потом натянула получше шкуру и опять задремала.

Пятаков, полуобернувшись, смотрел вперед.

Инспектор, взглянув на часы, вдруг понял, что давно уже не засекает времени, а смотрит просто по привычке. Сколько они едут от устья Итья-Аха? Пять минут? Час? Может, и Ларьяхский сор уже проехали, и буровую проскочили — промелькнула незаметно в снежной пелене?..

Он перестал глядеть на часы, и только гнал и гнал лодку по хордам от берега к берегу, от мыса к мысу, вглядываясь вперед и стараясь сориентироваться. Усталость сковывала всё сильнее. Все горше донимало коллено, лейтенант ощущал уже припухлость в области коленной чашечки и судорожные толчки по всему телу. Не верилось, что всё это когда-нибудь кончится, что эти двое суток когда-нибудь окажутся далеким воспоминанием. Он смотрел на мчащуюся вдоль борта рябь воды — и казалось, что летят, как ветер; смотрел на смутные очертания берегов — и тогда казалось, что вообще стоят на месте. Снег шел все гуще, но лейтенант считал, что идет так же, — просто устали глаза. И не сбавлял скорости.

Пятаков повернулся к нему и что-то крикнул, указав в сторону левого берега. Лейтенант взглянул туда, и то, что он увидел, показалось ему вначале просто деревянным триангуляционным пунктом, каких немало расставлено по тайге, но тригопункта здесь, насколько он помнил, быть не должно; да и не видно было бы сейчас деревянной вышки... Буровая!

В тот момент, когда он осознал это, раздался страшный грохот, треск, сухой визг на миг подброшенного в воздух вместе с кормой винта, и одновременно — тупые и холодные удары дерева и воды. Будто разорвалась мина. Лодка опрокинулась.

Но шум мотора почему-то не прекращался.

59

«начальнику милиции от матохиной
евдокеи глебовны деревня кыши

з а я в л е н и е

прошу принять меры на участкового уполномоченного цветкова он придумал хоккейную шайку и в ей пригреват всех бандитов к имя же примазался учитель по физкультуре филатов и ребяташки вовсе с ума посходили ванька федяев и ево дружки митька гладышев и васька щепеткин залезли ко мне в погреб и утащили банку бруснишного варенья, а когда я стала обзывать их по фамилиям то ванька сказал што он теперева не федяев а мехайлов и витька не гладышев а петров а васька мол не какой не щепеткин а харлампов и от родительских фамилиев отказались стали надо мной надсмехаться и говорят што мы варенья не брали а кто же тогда брал окромя их у нас в кышах бандитов нету а директор школы их покрыват а участковый цветков нет штобы их приструнить наоборот потакает и гоняет с имя по улице с осиновою клюкою прошу принять меры на цветкова а на директора я напишу в райо

матохина»

«тов. Лебедева! Разберитесь и дайте ответ в д. Кыши.
Пахоменко».

«Ответ гр-ке Матохиной дан 16.10. 197...

Ст. инспектор ДКМ Лебедева».

Снег повалил еще гуще, но когда Цветков вынырнул, он не догадался об этом, полагая, что все еще с головой в воде, пока не ухватился за острый край дерева, которое удержало его на поверхности. Он выплюнул воду и попробовал закричать, но крика не получилось. Осознав, наконец, что держится за пробоину в борту, он попробовал перевернуть лодку, но только сам ушел опять с головой, а лодка, когда он вынырнул, так и качалась днищем кверху и в таком положении напоминала плывущий гроб. Раздался еще какой-то треск, и корма немного приподнялась: это оторвался и пошел ко дну «Вихрь», державшийся, видимо, на одном страховочном тросике.

— Ах-х-хр!..— слышалось с той стороны лодки, и лейтенант увидел мокрые космы Пятакова.— Валька!..— крикнул тот уже членораздельно.

— О-ольга-а-а-а!..— закричал, поняв, что тоже может кричать, лейтенант. Ответа не было. Он оторвал руку от пробоины и скользнул вниз, уйдя с головой, но успев в последний момент ухватиться за уключину, которая по счастливой случайности не вылетела из гнезда и удержала его. Перебирая руками по борту, лейтенант прошел до носа, шаря руками и здоровой ногой, как получалось, внутри под лодкой. Боли в правой ноге он не чувствовал, как, впрочем, вообще не чувствовал, есть ли у него эта нога, и потому, не доверяя ей, старался действовать только здоровой.

Подводный поиск оказался тщетным.

— ...алька!..— услышал он, выныривая.

— О-о-оля-а-а-а!..— закричал лейтенант.

— Нету!.. Нету!..— закричал Пятаков.— Нырять под лодку!.. Нету!.. Держись, Валька!.. Ах-хр!..

Но лейтенант не мог в это поверить. Глотнув еще воздуха, он вновь нырнул под лодку и дважды прошел в оба конца. Пожалуй, это было уже больше того, что он способен был сделать, и за пробоину он ухватился почти в бессознательном состоянии. Сзади вдруг что-то тяжело навалилось на него. Он судорожно повернул голову. Острый, в сотую долю секунды, миг надежды сжал его сердце, но когда он понял, что это такое, сердце, может быть, вообще остановилось на какое-то время. Это была плавнина. Бревно высовывалось из во-

ды под углом, как миномет. Ему мало было опрокинуть лодку, погубить человека, за которого Цветков никогда бы себя не простил, проживи он еще сто лет,— нужно было еще напомнить о себе!.. Цветков оттолкнулся локтем, но бревно не отставало, безразлично продолжая прижиматься к лейтенанту своей мерзкой на ощупь, полусгнившей корой. Он оттолкнулся еще раз — оно лишь сильнее навалилось в тупом безмолвии. Дикая злоба захлестнула лейтенанта, в бессильной ярости он ударил по скользкому топляку кулаком, и бревно, словно удивившись, само куда-то убралось и больше не показывалось.

В двух метрах впереди мелькнуло вдруг что-то белее снежного вихря... шкура!.. Оленья шкура!.. Он оттолкнулся от лодки и, как ни тянуло вниз отяжелевшее пальто, преодолел эти два метра в несколько взмахов, но шкура теперь оказалась еще в двух, а потом и вовсе исчезла, и он понял, что ее и не было.

Отчаяние унесло последние силы. К тому же правая нога, видно, вообще не помогала ему держаться. Он барахтался без всякого смысла все слабее и слабее, понимая, что рано или поздно это все равно случится, как уже случилось с Ледзинской. И лодки он уже не видел и не знал даже, в каком направлении ее искать. Но рядом неожиданно возникла мокрая, косматая голова Пятакова, и лейтенант, подхваченный, как щенок, за шиворот, ткнулся лбом во что-то твердое, инстинктивно вытянул руку и вцепился мертвой хваткой в знакомую пробоину, будто бы уже по привычке.

— Валька!.. Держись!..— кричал в самое ухо Пятаков, и казалось странным, почему его так плохо слышно: ведь мотор давно лежал на дне Ёган-Аха.— Я к берегу!.. Все равно замерзать!.. Держись!.. Вернусь с лодкой!..

— Куда!..— заорал лейтенант, плохо слыша даже свой голос, и попытался ухватить свободной рукой Пятакова, но тот легко вырвался из одеревенелых пальцев участкового, пробрался вдоль борта к носу, сбросил с себя фуфайку и сразу оторвался от лодки. Сапог на нем уже не было: как и когда он ухитрился их снять, Цветков не видел.— Не смей!.. Федька!..— кричал лейтенант, пытаясь оторваться от пробоины, но даже этого уже не смог сделать: то ли рука уже не разжималась, то ли он, не понимая, что для того, чтобы уйти от лодки, нужно

разжать пальцы, напротив сжимал их все сильнее.— Федька, назад! Федька!..

— Ах-хр!..— коротко раздалось в ответ, но, может, то просто показалось лейтенанту.

А Пятаков все плыл и плыл, резко выбрасывая из воды руки, мотая головой, чтобы не лезли в глаза налипшие на лоб космы, и лейтенант, не веря себе, обнаружил, что все еще видит его: снег, только что сыпавший, как из прорвы, вовсе перестал идти. Он лихорадочно огляделся: метрах в двадцати ниже по течению болтался «вихровский» бачок, а еще чуть ниже — плавнина-миномет. Прямо же перед глазами стояла посреди Ларьяхского сора, как на ладони, А-образная буровая вышка; из-под бертинга бурукрытия вырывались мощные блики осветительных огней.

— А-а-а!..— закричал лейтенант и тут только понял, откуда этот грохот и шум, перекрывающий все: ревут дизеля буровой. Пятаков был уже метрах в сорока от берега, но дальше не продвигался: обезумев от холода и усталости, он держал курс к шлюпке, вытащенной на песчаную косу напротив буровой,— непременно к шлюпке, а не просто к берегу— к любому месту; но его сносило, и получалось, что он барахтается на месте против течения.— Федя-а-а!..— закричал участковый, снова позабыв, что его не слышно.— Фе-е-е!..

Пятаков обернулся на миг, как-то нелепо вскинул вдруг руки и исчез под водой. Больше он не показывался.

А от буровой, только теперь заметив на середине реки перевернутую лодку с вцепившимся в нее человеком, бежали люди в прорезиненных робах и голубых касках, как солдаты ООН.

61

СЛУЖЕБНАЯ АТТЕСТАЦИЯ

на участкового инспектора ГРОВД
младшего лейтенанта милиции
Цветкова Валентина Михайловича

Год рождения — 1946. Партийность — член КПСС... Национальность — русский. Образование — среднее специальное... Семейное положение — женат... Правитель-

ственные награды — не имеет. Выводы предыдущего аттестования и кратко отмеченные недостатки — не аттестовался...

I. Текст аттестации

Тов. Цветков в органы МВД направлен районным комитетом ВЛКСМ. Обучался на курсах участковых инспекторов при УВД. За отличные успехи в учебе получил благодарность от начальника школы.

За время прохождения службы в качестве участкового инспектора ГРОВД показал себя политически грамотным, профессионально подготовленным сотрудником. Вступив в кандидаты, а затем в члены КПСС, добросовестно выполняет партийные поручения.

В своей работе опирается на общественность, поддерживает связь с партийными и советскими органами. Правильно осуществляет взаимодействие со службами уголовного розыска и БХСС. В текущем году на участке достигнута полная раскрываемость преступлений и раскрыт ряд преступлений прошлых лет.

Хорошо знает местные условия, людей, владеет языком местной коренной национальности. В обращении с населением вежлив, не допускает нарушений социалистической законности.

Обладает большим личным мужеством. В августе 197... года задержал в тайге объявленного во всесоюзный розыск вооруженного преступника Ляшенко, за что награжден руководством УВД ценным подарком. Неоднократно поощрялся руководством отдела и УВД.

Честен, морально устойчив, хороший семьянин. Характер уравновешенный. У товарищей по службе пользуется уважением и авторитетом. Является членом суда офицерской чести.

Физически развит, имеет второй спортивный разряд по самбо. В строевом отношении подтянут. Хорошо владеет личным оружием, водит автомобиль и мотоцикл. Знаком с основами радиодола, умеет пользоваться радиостанциями различных типов.

Постоянно повышает политический и профессиональный уровень, перенимает опыт старших товарищей. Готовится к поступлению в Омскую высшую школу милиции.

Недостатки. В свете новых требований недостаточно активно проводит работу по профилактике преступлений

и правонарушений. В ряде населенных пунктов на обслуживаемом участке малоэффективно действуют добровольные народные дружины, слабо развернута работа по организации и укреплению опорных пунктов правопорядка.

II. Выводы служебной аттестации

Тов. Цветков занимаемой должности соответствует.

Начальник отделения службы ГРОВД
капитан милиции Медведев

62

Очнулся он от яростного вертолетного грохота, которого не спутал бы ни с каким другим, почувствовал, что как будто плывет куда-то, открыл глаза и увидел в свете бурового прожектора склонившееся над ним лицо командира Кобенкова.

— Младший лейтенант!.. Младший лейтенант!.. — кричал Кобенков. — Ты меня узнаешь, младший лейтенант?..

Цветков почувствовал запах спирта, но вид у командира был отнюдь не пьяный, и он понял, что спиртом пахнет от него самого.

— Ты меня узнаешь, младший лейтенант?..

...Нет, я не узнаю тебя, командир Кобенков. Я знаю, зачем тебе нужно, чтобы я узнал тебя. Ты хочешь знать правду, какой бы горькой она для тебя ни была. Но я ничего не могу тебе сказать. Я должен прежде посоветоваться с лейтенантом Ольгой Ледзинской и другом детства Федькой Пятаковым. Но их нет. Мне нечего сказать тебе, Кобенков. И потому я просто не узнаю тебя...

Он закрыл глаза, а когда открыл их вновь, лица командира больше не было, а был все тот же запах спирта, спина человека, тащившего носилки, и еще дальше — темный силуэт вертолета с номером на борту: 02296.

«... но сам-то Кобенков говорит...»

«Погоди. Что он говорит, нас должно интересовать в последнюю очередь. Обстоятельства нам известны? Известны. Как он выглядел в этих обстоятельствах, известно? Известно. А говорить он может что угодно, его право».

«Во всяком случае, вины своей не отрицает. И потом, Владимир Федорович, тот же самый Кобенков ночью, в такую погоду, на буровую за ним полетел. В общем-то чуть ли не героизм проявил, в порту так говорят...»

«Да я вовсе и не считаю, что он человек потерянный. В том-то и дело. Был бы подлец — тогда бы и разговора не было. А вот что не подлец — и такое случилось — это-то истораживает... Ты это учти, Сережа... Впрочем, решай сам. Сам все сделал — сам и решай. Вообще, ты молодец. Молодец. Отстоял свое мнение — и правильно... Ну, а что с охотниками?»

«Ищем тут с милицией... Владимир Федорович!»

«Слушаю».

«Я тут с вами посоветоваться хотел... вернее, я уже решил... В общем, я тут рапорт написал...»

«Прокурору области
государственному советнику юстиции 3-го класса
тов. Садовникову А. В.

Рапорт

Прошу Вашего согласия на мой переход в органы МВД следователем.

Принять такое решение меня побудили следующие причины: желание принять непосредственное участие в оперативно-розыскной деятельности милиции; иметь возможность расследовать более широкий круг уголовных дел, подследственных следователям МВД.

Некоторые другие причины, носящие более личный и, быть может, более отвлеченный характер, которые не считаю возможным привести в данном рапорте, я могу изложить по Вашему требованию в личной беседе.

Принятое мной решение прошу считать твердым и обдуманным: расследуя ряд уголовных дел, а также

производя доследственную проверку по выяснению причин трагического случая на реке Ёган-Ах, я работал в тесном взаимодействии с сотрудниками милиции и имел возможность близко познакомиться с их деятельностью.

В просьбе прошу не отказать.

Старший следователь прокуратуры
С. Хомяков».

65

«Начальнику ГРОВД майору милиции
тов. Пахоменко Ю. В.

Докладываю, что сотрудниками отделения БХСС ГРОВД установлены лица, занимавшиеся в конце сентября — начале октября 197... года незаконной скупкой и обменом на спирт пушнины у охотников госпромхоза, промысляющих в бассейне р. Итья-Ах. Ими оказались граждане Шалагин Г. Н., 1929 года рождения, и Авдеев Н. К., 1949 года рождения.

В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий у указанных лиц, их родственников и знакомых изъято 56 шкурок ондатры, 14 шкурок соболя, 1 шкурка выдры, причем есть основания полагать, что изъятое — лишь часть пушнины, скупленной в разное время у охотников госпромхоза и охотников-любителей. В настоящее время разрабатывается дополнительный план по розыску и изъятию оставшихся мехов.

Будучи привлечены к ответственности, гр-не Шалагин и Авдеев дали показания, используя которые, можно установить охотников госпромхоза, незаконно сбывающих пушнину частным лицам, и привлечь их к ответственности.

На основании изложенного, прошу Вашего разрешения на откомандирование сроком на 30 дней в район охотничьих угодий госпромхоза, расположенных в бассейнах рек Итья-Ах и Ёган-Ах, старшего инспектора ОБХСС старшего лейтенанта милиции Ляпина И. В. для исполнения отдельного поручения.

Начальник отделения БХСС ГРОВД
капитан милиции Коробатов».

Двоеглазов В. П.

Д24 Отдельное поручение.— Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1982.—176 с., 1 л. ил.

Остросюжетная повесть, посвященная работникам советской милиции.

Д $\frac{70302-030}{M143(03)-82}$ 28—82. 4702010200.

P2

Владимир Петрович
Двоеглазов

ОТДЕЛЬНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Повесть

Редактор Г. М. Прашкевич
Художник И. Д. Шуриц
Художественный редактор В. П. Минко
Технический редактор М. Н. Коротаяева
Корректор В. К. Кречетникова

ИБ № 1181

Сдано в набор 05.10.81. Подписано в печать 23.02.82. МН 04010.
Формат 84×108/32. Бум. тип. № 2. Гарнитура журн. рубленая.
Высокая печать. Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 10,08. Уч.-изд.
л. 9,5. Тираж 30 000. Заказ № 81. Цена 75 к.

Западно-Сибирское книжное издательство.
630099, Новосибирск. Красный проспект, 32.
Полиграфкомбинат.
630007, Новосибирск, Красный проспект, 22.

74842004
Окружная библиотека

Цена 75 коп.

24p

